

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Институт государственной службы и управления**

На правах рукописи

Мишкович Маша

**ДОГОВОР ЭНЕРГОСНАБЖЕНИЯ
ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИИ И СЕРБИИ:
СРАВНИТЕЛЬНО–ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ**

Специальность: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки

Диссертация на соискание ученой степени

кандидата юридических наук

Научный руководитель:

Зайцев Олег Владимирович

доктор юридических наук, профессор

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ОБЩАЯ СРАВНИТЕЛЬНО–ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДОГОВОРА ЭНЕРГОСНАБЖЕНИЯ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИИ И СЕРБИИ.....	19
1.1. Основные понятия и источники права в области энергоснабжения	19
1.2. Правовая природа, характеристики и классификация договоров в сфере энергоснабжения	36
ГЛАВА 2. УСЛОВИЯ ДОГОВОРА ЭНЕРГОСНАБЖЕНИЯ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИИ И СЕРБИИ	74
2.1. Предмет и объект договора энергоснабжения	74
2.2. Стороны и содержание договора энергоснабжения.....	105
ГЛАВА 3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ, ИЗМЕНЕНИЕ И РАСТОРЖЕНИЕ ДОГОВОРА ЭНЕРГОСНАБЖЕНИЯ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЕГО СТОРОН ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИИ И СЕРБИИ	124
3.1. Особенности заключения, изменения и расторжения договора энергоснабжения	124
3.2. Ответственность за неисполнение и ненадлежащее выполнение обязательств по договору энергоснабжения	161
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	186
СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	191
СПИСОК НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ.....	210

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертационного исследования. Топливо-энергетический комплекс (ТЭК) занимает особое место в экономике любой страны, выполняя роль базовой инфраструктуры и основой функционирования системы жизнеобеспечения, одновременно составляя основу формирования доходов бюджета¹. При этом перманентно существующие риски возникновения энергетического кризиса, а также нарушения логистических цепочек вследствие санкционной политики и локальных вооруженных конфликтов обуславливают повышенное внимание государства к вопросам производства и распределения энергии и энергоносителей, что отражается и на построении договорных связей, выработке условий заключаемых сторонами соглашений. Внимание к энергетике и энергетическому праву не случайно не только потому, что важно обеспечить нормальное функционирование объектов топливно – энергетического комплекса, но и потому, что вопросы производства и распределения энергии и энергоносителей стали предметом специального внимания со стороны государства².

Флуктуация является одной из самых больших проблем для всех участников рынка, и все участники должны уделять ей пристальное внимание³. Договоры в сфере энергетики особенно уязвимы к изменениям

¹ Романова В.В. Энергетическое право. М.: Юрист, 2021. С. 8.

² Габова А.В. Энергетическое право: вопросы становления и развития // Энергетическое право: модели и тенденции развития: сборник материалов Международной научно-практической конференции / под науч. ред. А.В. Габовой. Белгород: ИД «БелГУ», 2020. С. 6.

³ Walker S. de V. Торговля электроэнергией на нерегулированном рынке // Право энергетике: сборник трудов / ур. Б. Лепотић Ковачевић. Б.: Универзитет у Београду – Правни факултет, 2005 (Walker S. de V. Торговля электроэнергией на нерегулируемом рынке // Право энергетики: сборник работ. Б.: Универзитет в Белграде – Юридически факултет, 2005). С. 606.

экономического, политического и правового характера, а влияние государства и проводимой им политики в сфере энергетики проявляется значительно по сравнению с другими отраслями экономики. В этих условиях проблемы построения договорных отношений в энергетической сфере становятся все более актуальными, что требует их теоретического осмысления с целью определения направлений совершенствования законодательства и практики его применения.

В российской государственной Доктрине энергетической безопасности⁴ подчеркивается «желание отдельных государств ограничить выход российских энергетических компаний на международный рынок энергии, создать искусственные препятствия на пути к освоению новейшей технологии, а также попытки ограничить спрос на российские энергетические ресурсы и инфраструктурную энергетическую сеть»⁵.

В свою очередь, в доктрине права энергия закономерно признается «важнейшим социальным благом»⁶, «общественно полезным благом»⁷. Необходимым элементом жизни общества и обязательным условием развития экономики является снабжение энергией и энергетическими ресурсами. Не случайно спрос на энергию и энергетические ресурсы на международном рынке повышается. Все это обуславливает существенные изменения в области

⁴ См.: Указ Президента РФ от 13.05.2019 № 216 «Об утверждении Доктрины энергетической безопасности Российской Федерации». Часть II. Вызовы и угрозы энергетической безопасности, риски в области энергетической безопасности // Сборник законодательства РФ. 2019. № 20. Ст. 2421.

⁵ Андреев Ю.Н. О некоторых проблемах гражданско-правового регулирования энергоснабжения в России // Энергетическое право: модели и тенденции развития: сборник материалов Международной научно-практической конференции / под науч. ред. А.В. Габова. Белгород: ИД «БелГУ», 2020. С. 137.

⁶ Згонников А.П. Некоторые актуальные вопросы развития энергетического права в РФ // Энергетическое право: модели и тенденции развития: сборник материалов Международной научно-практической конференции / под науч. ред. А.В. Габова. Белгород: ИД «БелГУ», 2020. С. 101.

⁷ Варламова А.Н. Правовое регулирование конкурентных отношений на энергорынках // Энергетическое право: модели и тенденции развития: сборник материалов Международной научно-практической конференции. Белгород: ИД «БелГУ», 2020. С. 30

энергетики, снабжения энергией и энергетическими ресурсами, что требует глубокого теоретического осмысления правовой основы их осуществления.

Между тем, до настоящего времени среди ученых-цивилистов по многим вопросам снабжения энергией и энергетическими ресурсами нет единого мнения. Дискуссионными остаются такие вопросы как: признание энергии вещью, товаром и вообще объектом права собственности; правовая природа договора энергоснабжения, принадлежность его к той или иной договорной группе; возможность использования договора энергоснабжения для снабжения источниками энергии, т.е. энергетическими ресурсами и т.д.

Очень важным вопросом является четкая организация отношений по снабжению и передаче энергии. Договорные отношения в сфере энергоснабжения являются одними из наиболее сложных в системе действующих гражданско-правовых отношений, поскольку каждый участник энергетического рынка заключает ряд договоров, что влечет за собой целую систему договорных связей⁸. Наряду с договором энергоснабжения (договором купли-продажи, поставки энергии) появляются и вспомогательные, так называемые организационные договоры, направленные не на товарообмен, а на его организацию: договор по присоединению к технологической инфраструктуре, договор об оказании услуг по передаче энергии, договор по оперативно-диспетчерскому управлению и т.п.⁹ Поэтому крайне важно структурировать договорные отношения в сфере энергоснабжения и упорядочить их правовое регулирование.

Актуальность данному исследованию также придает наличие пробелов и коллизий в нормативной правовой базе, отсутствие единого правового регулирования отношений в сфере энергоснабжения, что ведет к проблемам в правоприменительной, в том числе в судебной, практике. Нет необходимой

⁸ См.: Валеева А.В. Гражданско-правовые регуляторы в электроэнергетике // Ученые записки Казанского университета. (Серия «Гуманитарные науки»). 2016. № 2. С. 374.

⁹ См.: Михалев Д.Н. Система договоров в сфере электроэнергетики // Вестник Волгоградского государственного университета. Юриспруденция. 2011. № 2(15). С. 239.

ясности в терминологии, которая применяется в различных нормативных правовых актах в данной сфере (например, газоснабжение, энергетический ресурс). Для законодательных актов, которыми регулируется энергоснабжение, особенно в Российской Федерации, характерна множественность и сложность. Не менее значимой эта проблематика является и для Сербии, что обусловило осуществление сравнительно-правового анализа законодательства в целях поиска оптимальных средств правового регулирования данных общественных отношений.

Все это позволяет говорить о наличии требующей решения научной проблемы, заключающейся в конфликте (дисбалансе) интересов участников правоотношений в области энергоснабжения, обусловленной более эффективной правовой защитой энергоснабжающих организаций (поставщиков).

Степень научной разработанности научной проблемы.

На разных этапах развития цивилистической науки в научной литературе разрабатывались учения о договорах, их систематике, характеристиках, обязательствах. В российской науке признанными основоположниками данных учений являются: М.И. Брагинский, С.Н. Братусь, В.В. Витрянский, О.С. Иоффе, О.А. Красавчиков, Е.А. Суханов, В.Ф. Яковлев и другие. В сербской науке это: О. Антич, Ж. Джорджевич, С. Перович, Д. Поп Георгиев, Я. Радишич, В. Станкович, И. Янковец и другие.

Проблемы определения правовой природы энергии и правовой природы договора энергоснабжения, а также проблемы регулирования договорных отношений в сфере энергоснабжения были исследованы многими российскими цивилистами: М.М. Агарковым, Е.В. Блинковой, А.В. Габовым, Д.В. Головкиной, А.Д. Жанэ, В.П. Камышанским, С.М. Корнеевым, В.Г. Лапачем, П.Г. Лахно, И.А. Лукьянцевой, С.В. Матиящук, В.В. Романовой, С.А. Свирковым, Б.М. Сейнароевым, Л.И. Шевченко, В.Ф. Яковлевым и т.д. Однако единого мнения по данным вопросам до настоящего времени нет.

Хотя в научной литературе существует достаточное количество научно-

исследовательских работ, посвященных изучению сущности и системы договоров в целом и договорного регулирования в сфере энергоснабжения, в частности, динамичные изменения в этой сфере, требующие переоценки правовых средств решения возникающих в этой сфере проблем обуславливают необходимость формирования новых теоретических подходов к их решению. В силу этого возникает не только необходимость авторской оценки уже существующих подходов к определению правовой природы энергии, правовой природы и места договора энергоснабжения в системе гражданско-правовых договоров, рассмотрения его характеристик, существенных условий, прав и обязанностей и ответственности сторон, особенностей заключения, изменения и расторжения договора, но и формулирования теоретически обоснованных решений возникающих на практике проблем.

В Сербии проблематика договорного регулирования в сфере энергоснабжения на монографическом уровне не поднималась. Практически отсутствуют и исследования, посвященные отдельным аспектам рассматриваемой проблемы, что обусловило преимущественное использование российских и иностранных научных работ по отдельным вопросам, являющимся релевантными для темы диссертации.

Объект и предмет исследования.

Объектом исследования являются общественные отношения, возникающие в процессе организации и осуществления энергоснабжения в соответствии с нормами российского и сербского права. Предметом исследования выступают:

1) действующее законодательство и подзаконные нормативные правовые акты Российской Федерации и Сербии;

2) доктрина – теоретические исследования советских и российских ученых-правоведов в области энергетического и договорного права, югославских и сербских ученых в области договорного права, иностранных авторов, исследующих международное торговое и энергетическое право;

3) правоприменительная практика в области заключения, исполнения, изменения и расторжения договора энергоснабжения;

4) материалы практики судов общей юрисдикции, арбитражных и третейских судов.

Цель и задачи исследования.

Цель диссертационной работы – формирование на основе компаративистского подхода, базирующегося на сравнительном анализе российского и сербского законодательства, теоретической конструкции договора энергоснабжения для определения направлений совершенствования законодательства и практики его применения. Достижение поставленной автором цели осуществляется решением комплекса исследовательских задач:

1) определить правовую природу энергии и существенные условия договора энергоснабжения по законодательству России и Сербии;

2) определить правовую природу договора энергоснабжения и его место в системе гражданско-правовых договоров в России и Сербии;

3) выявить основные характеристики договора энергоснабжения и его специфические черты по законодательству России и Сербии;

4) определить права и обязанности сторон договора энергоснабжения по законодательству России и Сербии;

5) выявить специфические черты ответственности сторон по договору энергоснабжения в России и Сербии;

6) выявить особенности заключения, изменения и расторжения договора энергоснабжения по законодательству России и Сербии;

7) сформулировать предложения по совершенствованию законодательства.

Теоретическая и методологическая основа исследования.

Теоретическую основу диссертационного исследования составили работы ученых-цивилистов:

1) советских и российских авторов: М.М. Агаркова, Е.В. Блинковой, М.И. Брагинского, В.В. Витрянского, А.В. Габова, Д.В. Головкиной,

А.Д. Жанэ, В.П. Камышанского, С.М. Корнеева, В.Г. Лапача, П.Г. Лахно, И.А. Лукьянцевой, С.В. Матиящук, В.В. Романовой, Е.Л. Осипчук, Р.Н. Салиевой, С.А. Свиркова, Б.М. Сейнароева, А.М. Шафира, Л.И. Шевченко, В.Ф. Яковлева и других ученых;

2) югославских и сербских авторов: О. Антича, Ж. Джорджевича, М. Васильевича, Н. Йовановича, Б. Лепотич Ковачевич, А. Ковачевича, С. Перовича, Д. Поп Георгиева, Я. Радишича, В. Станковича, И. Янковца и других ученых;

3) иностранных авторов: К.Р. Berger, С. Brunner, Е.С. Zaccaria, А.В. Klass, D. Mascow, P. Schlechtriem, С.М. Schmitthoff, I. Schwenzer, F. Ferrari, P. Ferrario, F.R. Fucci, P. Hachem, R.J. Heffron, J.O. Honnold, H.J. Wiseman и других ученых.

Методологическую основу исследования составляют общенаучные и частнонаучные (юридические) методы. Среди первых следует отметить: диалектический метод познания, позволяющий рассмотреть исследуемые явления и процессы в их взаимосвязи; анализ и синтез, индукцию, дедукцию, аналогию, системный метод. Из числа частнонаучных методов наиболее часто использовался формально-юридический (догматический) метод, а также сравнительно-правовой, что обусловлено характером исследования. Дополнительно также использовался историко-правовой метод.

Информационную базу исследования составили нормативные правовые акты и эмпирические материалы. К числу первых относятся:

1) в российской правовой системе: Гражданский кодекс Российской Федерации¹⁰, Федеральный закон от 26.03.2003 № 35-ФЗ «Об электроэнергетике», Федеральный закон от 27.07.2010 № 190-ФЗ «О теплоснабжении», Федеральный закон от 31.03.1999 № 69-ФЗ «О газоснабжении в Российской Федерации», Постановление Правительства РФ

¹⁰ Гражданский кодекс Российской Федерации: часть первая от 21.10.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024); часть вторая от 26.01.1996 N 14-ФЗ (ред. от 13.12.2024) // URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения 08.08.2025 – далее – ГК РФ).

от 04.05.2012 № 442 «О функционировании розничных рынков электрической энергии, полном и (или) частичном ограничении режима потребления электрической энергии» (вместе с «Основными положениями функционирования розничных рынков электрической энергии», «Правилами полного и (или) частичного ограничения режима потребления электрической энергии»), Постановление Правительства РФ от 29.12.2011 № 1178 «О ценообразовании в области регулируемых цен (тарифов) в электроэнергетике», Постановление Правительства РФ от 22.10.2012 № 1075 «О ценообразовании в сфере теплоснабжения», иные законы и нормативные правовые акты Российской Федерации, регулирующие договорные отношения в сфере энергоснабжения;

2) в сербской правовой системе: Закон об энергетике от 2014 г., Постановление Правительства об условиях поставки и снабжения электроэнергией от 2023 г., Постановление Правительства о критериях, условиях и методе расчета требований и обязательств между покупателем-производителем и поставщиком от 2022 г., Закон об обязательственных отношениях от 1978 г. и иные законы и нормативные правовые акты;

3) Конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров (Венская конвенция) от 1980 года¹¹, ратифицированная обеими странами, в силу чего она является составной частью российского и сербского права.

Эмпирическую основу исследования составляют материалы судебной практики судов общей юрисдикции, арбитражных судов и арбитражные решения третейских судов в области международной торговли энергией и энергетическими ресурсами.

Научная новизна.

Научная новизна диссертационного исследования состоит в

¹¹ Конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров от 11.04.1980 // URL: <https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/v1056999-cisg-e-book-r.pdf>

формировании теоретической конструкции договора энергоснабжения на основе реализации компаративистского подхода к анализу его существенных характеристик, правового статуса сторон, условий договора, а также особенностей его заключения, изменения и прекращения, нашедших свое закрепление в российском и сербском законодательстве. В том числе:

- сформулирована и обоснована авторская концепция договора энергоснабжения, затрагивающая такие значимые вопросы как правовая природа энергии, правовая природа и место договора энергоснабжения в системе гражданско-правовых договоров;

- переосмыслены существенные условия договора энергоснабжения;

- осуществлен анализ существенного изменения обстоятельств и форс-мажора применительно к договору энергоснабжения;

- сформулированы предложения по изменению законодательства.

Теоретическая и практическая значимость исследования.

Научная значимость исследования заключается в формировании ряда концепций и выводов, ставших следствием изучения правовой сущности энергии, правовой природы договора энергоснабжения и его места в системе гражданско-правовых договоров, существенных условий указанного договора, его специфических черт и особенностей его заключения, исполнения, изменения и расторжения. Сформулированные в диссертации выводы будут способствовать развитию гражданско-правовой науки России и Сербии. В том числе они могут быть использованы:

- 1) для дальнейшего научного исследования и теоретической разработки вопросов договорного регулирования отношений в сфере энергоснабжения;

- 2) в нормотворческой деятельности – для совершенствования российского и сербского законодательства, регламентирующего договорные отношения в сфере энергоснабжения, а также для разработки новых законодательных и других нормативных правовых актов в сфере энергоснабжения;

3) в судебной и арбитражной практике в ходе разбирательств, связанных с энергоснабжением с целью формирования единообразной и стабильной судебной и арбитражной практики;

4) в правоприменительной деятельности при организации договорной работы в сфере энергоснабжения;

5) в процессе преподавания курса гражданского, договорного, торгового (коммерческого) и энергетического права;

6) в качестве теоретического обоснования для введения в Белградском университете на юридическом факультете специальной дисциплины «Энергетическое право» для студентов и специального курса по энергетическому праву для практикующих юристов;

7) при подготовке учебно-методических пособий и учебных программ.

Апробация результатов исследования.

Отдельные концептуальные положения настоящего исследования были изложены автором в ряде публикаций в научных изданиях, при прохождении педагогической практики на занятиях с аспирантами на кафедре правового обеспечения рыночной экономики Высшей школы правоведения ИГСУ – РАНХиГС (в феврале – марте 2023 г.), а также в ряде выступлений на научно-практических конференциях в России и Сербии:

1) на II Международной научно-практической аспирантской конференции имени В.Ф. Яковлева «Межотраслевой подход в юридической науке: Экономика. Право. Суд» (г. Москва, РФ, 2 декабря 2022 г.);

2) на двух международных научно-практических конференциях «Энергетическое право: модели и тенденции развития» (г. Белгород, РФ, 8–9 октября 2021 г. и 4–5 октября 2019 г.);

3) на традиционной XXXII Конференции юристов в экономике Сербии «Вызовы устойчивого бизнеса» в рамках круглого стола «Новые вызовы в энергетическом праве» (Златибор, Сербия, 26–29 мая 2024 г.);

4) в рамках круглого стола «Энергетическая безопасность балканского

региона и ее современные вызовы» (г. Белград, Сербия, 23 апреля 2024 г.);

5) на конференции «Интернет-диалог 2024» (г. Белград, Сербия, 8–9 апреля 2024 г.);

б) на традиционной XXXI Конференции юристов в экономике Сербии «Хозяйственное право между регулированием и практикой» (Врнячка Баня, Сербия, 29–31 мая 2023 г.).

Перечень публикаций автора.

Основные положения диссертации опубликованы в следующих научных работах:

1) Мишкович М. К вопросу о применении Венской конвенции о договорах международной купли-продажи товаров к продаже электрической энергии // Власть закона. 2024. № 1. С. 302–312.

2) Мишкович М. Электрическая энергия как услуга // Образование и право. 2024. № 2. С. 303–305.

3) Мишкович М. Использование искусственного интеллекта в процессе цифровизации снабжения электрической энергией // Интернет-диалог 2024: сборник материалов X конференции «Интернет диалог» (г. Белград, 8–9 апреля 2024 г.) / под науч. ред. Д. Поповича. – Белград: Университет в Белграде – Юридический факультет, 2024. С. 259–278.

4) Мишкович М. Акты государственных органов как форс-мажор в договорах международной купли-продажи нефти и газа // Государственная служба. 2023. № 4. С. 110–118.

5) Мишкович М. Форс-мажор в договорах международной купли-продажи нефти и газа // Межотраслевой подход в юридической науке: Экономика. Право. Суд: сборник материалов II Международной научно-практической аспирантской конференции В.Ф. Яковлева (г. Москва, 2 декабря 2022 г.) / под науч. ред. О.В. Зайцева и А.И. Сурдиной; РАНХиГС, Ин-т гос. службы и управления, Высшая школа правоведения. М.: Статут, 2023. С. 189–193.

б) Мишкович М. Существенное изменение обстоятельств в

договорах международной купли-продажи нефти и газа // Государственная служба. 2022. № 4. С. 35–41.

7) Новикова А.Е., Мишкович М. Энергетическое право: двустороннее сотрудничество на постсоветском пространстве // Сборник материалов III Международной научно-практической конференции «Энергетическое право: модели и тенденции развития» (г. Белгород, 8–9 октября 2021 г.) / отв. ред. А.В. Габов. – Белгород: ИД «БелГУ», 2022. С. 118–124.

8) Мишкович М. Являются ли разные виды энергии товаром? // Сборник материалов I Международной научно-практической конференции «Энергетическое право: модели и тенденции развития» (г. Белгород, 4–5 октября 2019 г.) / отв. ред. А.В. Габов. Белгород: Издательский дом «БелГУ» НИУ «БелГУ», 2020. С. 228–233.

Диссертация выполнена и обсуждена на кафедре правового обеспечения рыночной экономики Высшей школы правоведения ИГСУ РАНХиГС.

Обоснованность и достоверность результатов исследования обеспечивается анализом широкого круга доктринальных источников, нормативных правовых актов и судебной практики, применением совокупности методов, соответствующих предмету исследования, комплексным анализом особенностей договора энергоснабжения, правового статуса его сторон, выявлением и критической оценкой его условий, переосмыслением особенностей его заключения, изменения и прекращения, формулированием взаимосвязанных выводов и логически вытекающих из них предложений.

Основные положения диссертации, выносимые на защиту и имеющие научную новизну.

1. Теоретически обосновано существование двух договорных моделей энергоснабжения:

1) использование договора энергоснабжения как базовой модели, отражающей общие правила снабжения энергией и энергетическими

ресурсами через присоединенную сеть, и являющегося по своей правовой природе договором купли-продажи, осложненным дополнительным, неотъемлемым обязательством по передаче энергии по сети. Целесообразно в ГК РФ разработать новую модель договора энергоснабжения, который, учитывая его специфику, будет являться уникальным договором и занимать самостоятельное место в системе гражданско-правовых договоров;

2) использование двух договоров, один из которых, в случае непосредственного заключения потребителем договора с сетевой организацией, следует рассматривать как договор возмездного оказания услуг, а другой, заключаемый потребителем с энергоснабжающей организацией, как договор купли-продажи (поставки) энергии (*Соответствует пункту 7 паспорта научной специальности 5.1.3. – Основания возникновения и динамика частноправовых отношений. Сделки в сфере частного права*).

2. Предлагается в качестве предмета договора энергоснабжения рассматривать передачу *всех видов* энергии и энергетических ресурсов через присоединенную сеть. Создание единой модели договора снабжения энергией и энергетическими ресурсами в ГК РФ должно быть направлено на унификацию регулирования, приведение подзаконной нормативной правовой базы в соответствие с ГК РФ, решение терминологических проблем и устранение пробелов в законодательстве. Доказано, что энергия и энергетические ресурсы по своей природе являются движимой вещью, соответствующей всем признакам товара. В целях унификации правового регулирования энергоснабжения на международном уровне и развития международного энергетического права предлагается указывать Венскую конвенцию о договорах международной купли-продажи товаров в качестве применимого права в тексте договоров поставки электроэнергии, учитывая, что она фактически применяется к продаже таких энергетических ресурсов, как нефть и газ. (*Соответствует пункту 8 паспорта научной специальности 5.1.3. – Гражданско-правовое обязательство. Понятие и значение договора. Различные виды договорных и внедоговорных обязательств. Обязательства*

из семейных правоотношений. Обязательства и договоры, осложненные иностранным элементом. Процессуальные соглашения. Обязательства, связанные с осуществлением предпринимательской деятельности).

3. Теоретически обосновано отнесение положений договора энергоснабжения о качестве передаваемой энергии и энергетических ресурсов к числу его обычных условий, отсутствие которых в соглашении сторон влечет применение государственных стандартов и других обязательных императивных правил и не является основанием для признания договора незаключенным. Учитывая, что подзаконная нормативная правовая база качество энергии квалифицирует как существенное условие договора, необходимо ее приведение в соответствие с ГК РФ (*Соответствует пункту 8 паспорта научной специальности 5.1.3. – Гражданско-правовое обязательство. Понятие и значение договора. Различные виды договорных и внедоговорных обязательств. Обязательства из семейных правоотношений. Обязательства и договоры, осложненные иностранным элементом. Процессуальные соглашения. Обязательства, связанные с осуществлением предпринимательской деятельности).*

4. Высокий уровень стандартизации условий договора энергоснабжения, являющегося публичным договором, не дает оснований для отнесения его к договорам присоединения, с условиями которых сторона должна согласиться в целом. Учитывая нормативно закрепленную в российском законодательстве процедуру урегулирования разногласий сторон, включающую направление абонентом протокола разногласий к проекту договора и его заключение гарантирующим поставщиком с учетом согласованных изменений, речь должна идти об использовании типового договора, понятие которого целесообразно закрепить в ГК РФ, чтобы провести унификацию регулирования для различных видов энергетических ресурсов. Данный подход в сербском праве реализовать затруднительно ввиду того, что модель договора энергоснабжения с гарантирующим поставщиком не предполагает направление протокола разногласий абонентом, в силу чего он

всегда является договором присоединения (*Соответствует пункту 7 паспорта научной специальности 5.1.3. – Основания возникновения и динамика частноправовых отношений. Сделки в сфере частного права*).

5. Теоретически обоснована необходимость распространения на сферу энергоснабжения принципа полного возмещения причиненных убытков, включая упущенную выгоду, в случаях неисполнения и ненадлежащего исполнения обязательств энергоснабжающих организаций, использующих в энергоснабжающей деятельности искусственный интеллект, что позволило бы решить проблему дисбаланса интересов сторон договора энергоснабжения, которому способствует норма п. 1 ст. 547 ГК РФ, ограничивающая ответственность энергоснабжающей организации обязанностью возместить реальный ущерб (*Соответствует пункту 12 паспорта научной специальности 5.1.3. – Особенности ответственности в отдельных частноправовых отношениях*).

6. Отмечено, что специфика договорных связей, возникающих при энергоснабжении, их «каскадный» или «пирамидальный» характер, приводит к ситуации, когда расторжение одного энергетического договора влечет цепочку отрицательных последствий в других взаимосвязанных энергетических договорах. В связи с этим обоснована необходимость при возникновении обстоятельств, являющихся основанием для расторжения договора, предусмотреть в ГК РФ положение об обязательном проведении повторных переговоров с целью согласования новых условий договора с учетом интересов третьих лиц (*Соответствует пункту 9 паспорта научной специальности 5.1.3. – Осуществление гражданских, семейных и процессуальных прав, исполнение обязанностей, в том числе через представителя. Пределы осуществления гражданских и иных прав*).

7. С учетом ускоренного технологического развития, совершенствования инфраструктуры и применения искусственного интеллекта теоретически обосновывается необходимость распространения на энергоснабжающие организации общего правила об ответственности за

неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства при осуществлении предпринимательской деятельности, исключаящее ее только при обстоятельствах, квалифицируемых как форс-мажор. Это будет способствовать обеспечению баланса интересов сторон договора энергоснабжения в случаях, когда абонентом является коммерческая организация. Аналогичный подход целесообразно реализовать и в сербском Законе об энергетике (*Соответствует пункту 12 паспорта научной специальности 5.1.3. – Особенности ответственности в отдельных частноправовых отношениях*).

ГЛАВА 1. ОБЩАЯ СРАВНИТЕЛЬНО–ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДОГОВОРА ЭНЕРГОСНАБЖЕНИЯ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИИ И СЕРБИИ

1.1. Основные понятия и источники права в области энергоснабжения

Производство энергии и энергопродуктов зависит от географических и природных обстоятельств, а их потребление требует наличия и развития возможности передачи произведенной энергии и транспортировки энергопродуктов потребителям. Необходимость обеспечения потребностей потребителей обусловило развитие торговли энергопродуктами и энергией, что со временем потребовало строительства энергетических сетей, которые можно было бы использовать для снабжения территорий, не обеспеченных соответствующими ресурсами. Вследствие этого энергопродукты и энергия превратились из «производственно-сбытовой услуги» в товар, который продается на специальных организованных рынках энергопродуктов и энергии, – фондовых биржах и пулах. При этом энергия и торговля ею имеют стратегическое значение, поскольку ценность энергии всегда превышает цену источников энергии¹².

Особая значимость энергетической сферы экономики обуславливает отнесение ее к сфере национальных стратегических интересов¹³, что находит свое отражение в соответствующих программных документах. Основным для России в этой сфере является Энергетическая стратегия Российской

¹² Ковачевић А. Трговина енергијом // Право енергетике: зборник радова. Београд: Правни факултет Универзитета у Београду, 2005 (Ковачевич А. Торговля энергией // Право энергетике: сборник работ / под науч. ред. Б. Лепотич Ковачевич. Б.: Университет в Белграде – Юридический факультет, 2005). С. 596.

¹³ Тонков Е.Е. Энергетическое право как комплексная отрасль российского законодательства // Энергетическое право: модели и тенденции развития: сборник материалов Международной научно-практической конференции. Белгород: ИД «БелГУ», 2020. С. 16; Богоненко В.А. Гражданско-договорные формы энергоснабжения: теоретико–правовой аспект // Вестник Полоцкого государственного университета. 2017. № 5. С. 145.

Федерации на период до 2035 г., утвержденная распоряжением Правительства РФ от 9 июня 2020 г. № 1523-р¹⁴. Стратегическое значение энергоснабжения закрепляется и законодательно. В статье 1 Федерального закона «О газоснабжении в Российской Федерации» указывается, что его целью является «обеспечение удовлетворения потребностей государства в стратегическом виде энергетических ресурсов»¹⁵. Из документов стратегического характера в России также можно выделить Распоряжение Правительства РФ от 09.06.2020 № 1523-р (ред. от 28.02.2024) «Об утверждении энергетической стратегии Российской Федерации на период до 2035 года». В свою очередь, в Сербии принята Стратегия развития энергетики Республики Сербии до 2025 года с прогнозами до 2030 года (Официальный вестник РС. 2015. № 101). Новая Стратегия развития энергетики до 2040 года с прогнозами до 2050 года была принята в ноябре 2024 года (Официальный вестник РС. 2024. № 94). Она необходима, потому что обстоятельства, которые существовали в 2015 году, когда была принята предыдущая стратегия развития энергетики до 2025 года с прогнозами до 2030 года, значительно изменились, особенно имея в виду глобальную эскалацию геополитических конфликтов.

Все это отражается и на организации договорной работы в рассматриваемой сфере, поскольку в энергетических договорах на первый план выходят публичные интересы, которые, как отмечается в литературе, имеют здесь приоритет над частными¹⁶. Поэтому правоотношения в сфере энергетики осложнены публично-правовыми началами больше всех других гражданско-правовых отношений, что обуславливает применение к ним

¹⁴ Габов А.В., Черкесова Л.И. Энергетическая стратегия Российской Федерации как политико-правовой документ в сфере энергетики // Энергетическое право: модели и тенденции развития: сборник материалов Международной научно-практической конференции. Белгород: ИД «БелГУ», 2021. С. 23.

¹⁵ Федеральный закон от 31.03.1999 № 69-ФЗ «О газоснабжении в Российской Федерации» (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. 1999. № 14. Ст. 1667.

¹⁶ Габов А.В. Энергетическое право: вопросы становления и развития // Энергетическое право: модели и тенденции развития: сборник материалов Международной научно-практической конференции. Белгород: ИД «БелГУ», 2020. С. 13.

значительного числа норм публично-правового характера¹⁷ и заставляет говорить о конвергенции частного и публичного права, поднимая вопрос об их соотношении в механизме нормативно-правового регулирования отношений в сфере энергетики¹⁸. Этот процесс В.Ф. Яковлев назвал «публицизацией» частного права и «приватизацией» или «цивилизацией» публичного права¹⁹, что стало основой для определения энергетического права как отрасли смешанного (частно-публичного) характера, имеющей комплексный характер²⁰.

Показательны в этом смысле положения сербского Закона об энергетике 2014 г.²¹, где такие виды энергетической деятельности как передача электроэнергии и управление энергетической системой, распределение электроэнергии и управление системой распределения, транспортировка и управление транспортной системой природного газа, хранение и управление хранилищем природного газа, распределение и управление системой распределения природного газа, публичное снабжение природным газом, транспортировка нефти и нефтепродуктов по трубопроводам, производство тепловой энергии, распределение тепловой энергии и теплоснабжение определяются как виды деятельности, представляющие общий интерес.

В сфере электроэнергетики основными видами деятельности являются: производство электроэнергии, передача и управление системой передачи,

¹⁷ Богоненко В.А. Гражданско договорные формы энергоснабжения: теоретико-правовой аспект // Вестник Полоцкого государственного университета. 2017. № 5. С. 145.

¹⁸ Зайцев О.В. Правовой статус субъектов как элемент предмета гражданско-правового регулирования // Юридическая наука. 2016. № 4. С. 47.

¹⁹ Яковлев В.Ф., Талапина Э.В. Роль публичного и частного права в регулировании экономики // Журнал российского права. 2012. № 2. С. 10–12.

²⁰ Яковлев В.Ф., Лахно П.Г. Энергетическое право как комплексная отрасль права России. Энергетическое право России и Германии: сравнительноправовое исследование / под ред. П.Г. Лахно. М.: ИГ «Юрист», 2011. С. 62.

²¹ См.: Закон о енергетици. Службени гласник РС. 2014. №145 // URL: <https://arhiva.mre.gov.rs/dokumenta-elektroenergetika.php> (Сербский Закон об энергетике // Официальный вестник Республики Сербии. 2014. № 145; 2018. № 95; 2021. № 40; 2023. № 35; 2023. № 62; 2024. № 94).

распределение и управление системой распределения электроэнергии, снабжение электрической энергией, управление организованным рынком электроэнергии и хранение электроэнергии (ст. 16 ч. 1 пп. 1–8а Закона об энергетике). При этом *снабжение* электрической энергией охватывает продажу электрической энергии покупателям для их нужд или для перепродажи, а также снабжение на оптовом рынке, то есть продажу электрической энергии покупателям, в том числе перепродажу, за исключением продажи конечным покупателям (ст. 2 ч. 1 пп. 68–69). *Передача* электроэнергии определяется как ее передача через подключенные системы высокого напряжения для доставки конечным покупателям или системам распределения, не включая поставку (ст. 2 ч. 1 п. 61). *Распределение* электроэнергии рассматривается как ее передача через систему распределения с целью доставки электроэнергии конечным покупателям, не включая подачу энергии (ст. 2 ч. 1 п. 16). Таким образом, в соответствии с сербским Законом об энергетике передача и распределение электроэнергии, строго говоря, не включают в себя снабжение электроэнергией.

С целью определения понятия договора энергоснабжения в российском и сербском законодательстве необходимо раскрыть такие понятия как: источник энергии, энергетический ресурс, энергоноситель, энергопродукты, энергия, мощность.

Источники энергии – это природные энергетические ресурсы: невозобновляемые минеральные природные энергетические ресурсы (нефть, природный газ, уголь, уран) и возобновляемые источники энергии (ветер, солнце, биотопливо, гидроэнергия, геотермальная энергия, энергия приливов и отливов)²². Сербские авторы считают, что геотермальная энергия является

²² См.: Губин Е.П. Предпринимательское право РФ. М.: Норма, 2017. URL: be5.biz/pravo/p041/18.html#1 (дата обращения: 02.08.2024); Klass A.B., Wiseman H.J. Energy Law. St. Paul: Foundation Press, 2020. P. 3; Салиева Р.Н. Виды экономических (хозяйственных) отношений в энергетическом секторе экономики, относящиеся к предмету правового регулирования // *Oeconomia et Jus = Экономика и право*. 2017. № 2. С. 53.

невозобновляемым источником энергии²³.

Энергоноситель (носитель энергии) – это источник энергии, из которого извлекается, вырабатывается энергия (нефть, газ, уголь, уран и др.). Национальный стандарт РФ «Системы технические энергетические» определяет энергоноситель как материю, обладающую энергией, которую можно использовать для целей энергопотребления²⁴.

Энергетический ресурс в России законодательно определяется как носитель энергии, а также как вид энергии (тепловая, электрическая, атомная, электромагнитная и др.)²⁵, что свидетельствует об объединении в нем двух разных понятий: источника (носителя) энергии и вида (формы) энергии. В сербском законодательстве определение энергетического ресурса отсутствует и используется только термин «природные ресурсы» исключительно в значении возобновляемых и невозобновляемых источников энергии²⁶. Существует и сербский термин «энергенты» в значении источников энергии, и в этом качестве в Законе об энергетике перечисляются уголь, природный газ, нефть, нефтепродукты, сланцы, возобновляемые и другие источники энергии (ст. 2 ч. 1 п. 20 Закона о энергетике).

Энергопродукты определяются как готовые товары, которые используются для производства механической работы, тепловой или химической энергии или физических процессов и представляют собой

²³ См.: Лепотић Ковачевић Б. Увод у право енергетике // Право енергетике: зборник радова / ур. Б. Лепотић Ковачевић. Београд: Универзитет у Београду – Правни факултет, 2005 (Лепотич Ковачевич Б. Введение в право энергетике // Право энергетике: сборник работ / под науч. ред. Б. Лепотич Ковачевич. Б.: Университет в Белграде – Юридический факультет, 2005). С. 392.

²⁴ Национальный стандарт РФ ГОСТ Р ИСО 13600-2011 «Системы технические энергетические. Основные положения» (утв. Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 28.09.2011 № 342-ст) (п. 2.5).

²⁵ Федеральный закон от 27.07.2010 № 190-ФЗ «О теплоснабжении» (ред. от 08.08.2024) Пункт 4.1 ст. 2 // Собрание законодательства РФ. 2010. № 31. Ст. 4159.

²⁶ Закон о заштити природе // Службени гласник РС. 2009. № 36; 2010. № 88; 2010. № 91; 2016. № 14; 2018. № 95; 2021. № 71 (Сербский Закон о защите природы // Официальный вестник Республики Сербии. 2009. № 36; 2010. № 88, 91; 2016. № 14; 2018. № 95; 2021. № 71) (ст. 2).

подгруппу энергоносителей. Например, это твердые топлива (уголь, торф, коммерческие дрова и другая биомасса и др.), жидкие топлива (сырая нефть, нефтепродукты, сжиженный нефтяной газ – СНГ и др.), газообразные топлива (природный газ)²⁷.

Энергия рассматривается, во-первых, с точки зрения физики как общая количественная мера различных форм движения материи²⁸. Хотя принято различать электрическую, тепловую, ядерную, электромагнитную, солнечную энергию, энергию ветра, воды, геотермальную энергию и другие, необходимо подчеркнуть, что правовое понятие энергии в контексте энергоснабжения более узкое. Например, энергия ветра или солнца не является отдельным видом энергии, а ветер и солнце являются возобновляемыми источниками энергии, из которых вырабатывается электрическая энергия как вид энергии.

Мощность является понятием, близким к понятию энергии. Как физическая величина она представляет собой работу, произведенную в единицу времени. Так как энергия – это свойство производить работу, мощность представляет собой энергию за единицу времени.

Сербский Закон об энергетике в качестве вида энергии говорит только об электрической и тепловой энергии. Однако в контексте энергоснабжения законом предусматривается и газоснабжение. Аналогичный подход реализуется и в России, где в контексте договора энергоснабжения также выделится два вида энергии: электрическая и тепловая, так как не происходит снабжение, например, электромагнитной, ядерной энергией, энергией ветра, солнца, приливов и отливов. В юридической литературе также выделяются два

²⁷ Национальный стандарт РФ ГОСТ Р ИСО 13600-2011 «Системы технические энергетические. Основные положения». Приложение А (обязательное). Энергопродукты // URL: https://rosogosts.ru/file/gost/27/010/gost_r_iso_13600-2011.pdf?ysclid=md5nv14259314655805

²⁸ Национальный стандарт РФ ГОСТ Р ИСО 13600-2011 «Системы технические энергетические. Основные положения» (п. 2.4) // URL: https://rosogosts.ru/file/gost/27/010/gost_r_iso_13600-2011.pdf?ysclid=md5nx90wpp257080805

вида энергии в процессе энергоснабжения: электрическая и тепловая²⁹. На самом деле речь идет о разнице между первичной и вторичной энергией.

Первичная энергия – это энергия, находящаяся в природе, которая не подвергалась процессу искусственного преобразования. Она может получаться из невозобновляемых и возобновляемых источников энергии. Однако первичная энергия не может быть использована в своем природном виде, чтобы получить полезную энергию. Поэтому необходимо провести ее преобразование в подходящий вид энергии. В процессе преобразования первичные источники энергии преобразуются в более удобные формы энергии, которые могут быть непосредственно использованы обществом. Это вторичные энергоносители, т.е. вторичная энергия: механическая работа, энтальпия (тепловая энергия) и электричество (электрическая энергия)³⁰. В договоре энергоснабжения происходит снабжение вторичной энергией – электрической и тепловой энергией.

Значимым является также анализ понятия «*энергоснабжение*», чтобы выяснить, включает ли оно только снабжение энергией (электрической, тепловой) или и снабжение энергетическими ресурсами (газ, нефть, нефтепродукты, вода и т.д.).

Данный вопрос возникает потому, что в соответствии с ч. 5 ст. 454 ГК РФ к отдельным видам договора купли-продажи, в том числе и к договору энергоснабжения, применяются положения § 1 главы 30, регулирующие договор купли-продажи товаров, если иное не предусмотрено § 6 главы 30,

²⁹ См.: Анохин В.С. Договор энергоснабжения: правовое регулирование и практика разрешения споров // Вестник Воронежского государственного университета. (Серия «Право»). 2008. № 1. С. 57; Лукьянцева И.А. Договор энергоснабжения: теория, законодательство и правоприменительная практика: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар: КубГАУ, 2009. С. 3, 16.

³⁰ См.: Лепотић Ковачевић Б. Увод у право енергетике // Право енергетике: зборник радова / ур. Б. Лепотић Ковачевић. Београд: Универзитет у Београду – Правни факултет, 2005 (Лепотич Ковачевич Б. Введение в право энергетики // Право энергетики: сборник работ / под науч. ред. Б. Лепотич Ковачевич. Б.: Университет в Белграде – Юридический факультет, 2005). С. 393.

регулирующим энергоснабжение, и специальными нормами, регулирующими энергоснабжение, газоснабжение, поставку нефти и нефтепродуктов по трубопроводам.

Лингвистическое толкование ст. 539 ГК РФ, регулирующей договор энергоснабжения, не позволяет сделать вывод, что энергоснабжение по ГК РФ включает в себя и снабжение энергией, и снабжение энергетическими ресурсами. Большинство авторов отмечает, что договором энергоснабжения охватываются отношения, которые складываются при снабжении электрической и тепловой энергией³¹. Однако, если данный вопрос рассматривать исторически, энергоснабжение изначально понималось в узком смысле как обеспечение *энергетическими ресурсами*, но двигалось в сторону более широкого толкования после перехода от планово-распределительной к рыночной экономике.

Сегодня термин «энергоснабжение» уже имеет не узкое, а широкое значение, «обобщая и консолидируя всю гамму правоотношений в сфере энергетики»³². Таким образом, энергоснабжение сегодня воспринимается как условный термин, который используется во всех случаях правоотношений, реализуемых в сфере энергетики. В частности, говорится о договорах энергоснабжения, теплоснабжения, водоснабжения, газоснабжения, снабжения нефтью и нефтепродуктами, снабжения другими ресурсами³³. Кроме того, Федеральный закон «О газоснабжении в Российской Федерации» объявил газоснабжение, которое представляет собой снабжение энергоносителем, разновидностью энергоснабжения, т.е. снабжения энергией

³¹ Камышанский В.П., Шеховцова А.С., Мантул Г.А. Правовое регулирование энергоснабжения. Краснодар: КубГАУ, 2019. С. 24 сн. 1; Салиева Р.Н. Указ. соч. С. 53; Касаева З.Т., Джикаева Ф.З., Лолаева А.С. Гражданско-правовая конструкция договора энергоснабжения // Материалы VII Международной научно-практической конференции. М.: КДУ, Добросвет, 2021. С. 167.

³² Богоненко В.А. Указ. соч. С. 144.

³³ Блинкова Е.В. Гражданско-правовое регулирование снабжения товарами через присоединенную сеть: теоретико-методологические и практические проблемы единства и дифференциации: дис. ... д-ра юрид. наук. Рязань, 2005. С. 127

(ст. 2).

Из смысла ст. 539 видно, что ГК РФ прежде всего говорит о снабжении электрической энергией. Характеризующей чертой данного понятия договора энергоснабжения является подача энергии *через присоединенную сеть*, которая представляет собой совокупность технических установок и обеспечивает снабжение потребителей энергией³⁴. Таким образом, подача энергии через присоединенную сеть представляет собой технически особенный способ исполнения обязательств. Отмечается, что спецификой предмета договора энергоснабжения является передача энергии, которая осуществляется через систему специальных технических средств: проводов, трубопроводов, водопроводов³⁵. В договорном регулировании снабжения электричеством и теплом способ передачи (через присоединенную сеть) является общим. Сами же сети принципиально различаются, так же как различаются и процессы производства и транспортировки (передачи)³⁶. Несмотря на эти различия договором энергоснабжения в равной мере регулируются и электроснабжение, и теплоснабжение.

В литературе указано на наличие основания утверждать, что по модели договора энергоснабжения строятся и отношения сторон по снабжению через присоединенную сеть не только электрической, тепловой энергией и газом³⁷, но и другими товарами: нефтью, нефтепродуктами, водой. Данный вывод вытекает из ст. 548 ГК РФ, в соответствии с которой правила ГК РФ, регулирующие договор энергоснабжения (ст. 539–548), применяются к отношениям, связанным со снабжением тепловой энергией, газом, нефтью и

³⁴ Шевченко Л.И. Договорные отношения в сфере энергетики. М.: МГИМО-Университет, 2015. С. 74.

³⁵ Юкша Я.А. Договор энергоснабжения. URL: <http://yuksha.ru/dogovor-energосnabzheniya> (дата обращения: 21.08.2024).

³⁶ Камышанский В.П., Шеховцова А.С., Мантул Г.А. Правовое регулирование энергоснабжения. Краснодар: КубГАУ, 2019. С. 36.

³⁷ Шафир А.М. Понятие и система договоров на снабжение через присоединенную сеть // Журнал российского права. 2019. № 1. С. 48.

нефтепродуктами, водой и другими товарами через присоединенную сеть, если иное не установлено законом, иными правовыми актами или не вытекает из существа обязательства. Таким образом, нормы ГК РФ, регулирующие договор энергоснабжения, должны регулировать отношения из договоров снабжения всеми видами энергии и энергетических ресурсов, которые подаются через присоединенную сеть, если иное не предусмотрено законом, иными нормативными правовыми актами или не вытекает из существа обязательства. Следовательно, договор энергоснабжения регулирует снабжение любым видом энергии и энергетического ресурса, если они способны подаваться по сети.

Если нефть либо нефтепродукты доставляются потребителю в цистернах, а газ в баллонах, эти правоотношения будут регулироваться договором купли-продажи (или поставки), а не договором энергоснабжения. Если газ подается через присоединенную сеть, тогда речь идет о договоре энергоснабжения³⁸. Таким образом, договор энергоснабжения, регулируемый в ГК РФ, мог бы представлять собой единый договор, т.е. единую, базовую модель договора, которая содержит общие правила в отношении снабжения энергией и энергетическими ресурсами, что потенциально упрощает правоприменительную практику, учитывая наличие принципиальной разницы между энергией и энергоресурсами. Поэтому на основе практической целесообразности автор предлагает разработать подобную договорную конструкцию и в российском и в сербском праве.

При наличии в ГК РФ единой модели договора снабжения энергией и энергетическими ресурсами с одновременным регулированием энергоснабжения в отраслевом законодательстве увеличивается риск, связанный с возникновением коллизии правовых норм. Учитывая, что правоприменительная практика уже сложилась и достаточно хорошо функционирует, при создании единой модели договора снабжения энергией и

³⁸ Шевченко Л.И. Указ. соч. С. 75.

энергетическими ресурсами необходимо учитывать принципиальную разницу в природе энергии и разных видов энергетических ресурсов с целью избежания потенциальной коллизии правовых норм. Создание единой, базовой модели договора энергоснабжения должно быть направлено на унификацию регулирования, приведение подзаконной нормативной правовой базы в соответствие с ГК РФ, решение терминологической проблемы, заключающейся в несогласованности терминологии в различных нормативных правовых актах, и на устранение пробелов в законодательстве.

В диссертации рассматривается снабжение, прежде всего, электрической энергией, так как можно сказать, что оно является самым важным и распространенным видом энергоснабжения, которое наиболее подробно урегулировано нормативными правовыми актами. Дополнительным аргументом в пользу такого подхода является то, что, как справедливо отмечается в литературе, и альтернативные источники энергии (такие как вода, ветер, солнце), и углеводородное сырье в значительной части используются для их преобразования в электрическую энергию³⁹. Поэтому некоторые авторы отмечают, что правила, регулирующие договор энергоснабжения, в первую очередь направлены на регулирование отношений по снабжению электрической энергией⁴⁰. Электроэнергетика считается основой функционирования экономики и жизнеобеспечения⁴¹.

В российском праве договор энергоснабжения регулируется, в первую очередь, Гражданским кодексом РФ (статьи 539–548), а также целым рядом нормативных правовых актов. Именно характеристики энергии повлияли не

³⁹ См.: Валеева А.В. Гражданско-правовые регуляторы в электроэнергетике // Ученые записки Казанского университета. (Серия «Гуманитарные науки»). 2016. № 2. С. 372.

⁴⁰ См.: Свирков С.А. Структура договорных связей по снабжению электрической энергией: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 12.

⁴¹ См.: Салиева Р.Н. Виды экономических (хозяйственных) отношений в энергетическом секторе экономики, относящиеся к предмету правового регулирования // *Oeconomia et Jus = Экономика и право*. 2017. № 2. С. 54.

только на его выделение в качестве отдельного вида договора купли-продажи, но и на принятие значительного массива отраслевых федеральных законов, которые учитывают данную специфику, среди которых следует отметить следующие:

- Федеральный закон от 26.03.2003 № 35-ФЗ «Об электроэнергетике»⁴²;
- Федеральный закон от 27.07.2010 № 190-ФЗ «О теплоснабжении»⁴³;
- Федеральный закон от 31.03.1999 № 69-ФЗ «О газоснабжении в Российской Федерации»⁴⁴;
- Федеральный закон от 23.11.2009 № 261-ФЗ «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁴⁵.

Значительная часть нормативного регулирования энергоснабжения состоит из подзаконных актов, в которые входят, в первую очередь постановления Правительства РФ. Именно в них содержится большая часть правил, применяемых на практике. Регулирование энергоснабжения большим массивом постановлений логично, так как любая сфера отношений, которая бурно развивается, требует оперативного изменения нормативного регулирования. В этом смысле именно постановления Правительства РФ позволяют эффективно реформировать энергетическую отрасль вслед за трансформацией соответствующих отношений⁴⁶. Наиболее значимыми среди них являются:

- Постановление Правительства РФ от 30.01.2021 № 86 (ред. от 31.08.2024) «Об утверждении Правил вывода объектов электроэнергетики в ремонт и из эксплуатации, а также о внесении изменений в некоторые акты

⁴² См.: Собрание законодательства РФ. 2003. № 13. Ст. 1177.

⁴³ См.: Собрание законодательства РФ. 2010. № 31. Ст. 4159.

⁴⁴ См.: Собрание законодательства РФ. 1999. № 14. Ст. 1667.

⁴⁵ См.: Собрание законодательства РФ. 2009. № 48. Ст. 5711.

⁴⁶ Артюх А. Энергоснабжение: надлежащие источники регулирования. URL: <https://pravo.ru/opinion/249514/> (дата обращения: 21.08.2024).

Правительства Российской Федерации по вопросу совершенствования порядка вывода объектов электроэнергетики в ремонт и из эксплуатации»⁴⁷;

- Постановление Правительства РФ от 25.11.2016 № 1245 (ред. от 10.04.2020) «О порядке ограничения подачи (поставки) и отбора газа, об изменении и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации»⁴⁸;

- Постановление Правительства РФ от 08.08.2012 № 808 (ред. от 17.10.2024) «Об организации теплоснабжения в Российской Федерации и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации»⁴⁹;

- Постановление Правительства РФ от 04.05.2012 № 442 (ред. от 06.08.2024) «О функционировании розничных рынков электрической энергии, полном и (или) частичном ограничении режима потребления электрической энергии» (вместе с «Основными положениями функционирования розничных рынков электрической энергии», «Правилами полного и (или) частичного ограничения режима потребления электрической энергии»)⁵⁰;

- Постановление Правительства РФ от 27.12.2010 № 1172 «Об утверждении Правил оптового рынка электрической энергии и мощности и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации по вопросам организации функционирования оптового рынка электрической энергии и мощности»⁵¹;

- Постановление Правительства РФ от 27.12.2004 № 861 (ред. от ред. от 27.12.2024) «Об утверждении Правил недискриминационного доступа к услугам по передаче электрической энергии и оказания этих услуг, Правил недискриминационного доступа к услугам по оперативно-диспетчерскому

⁴⁷ См.: Собрание законодательства РФ. 2021. № 6. Ст. 985.

⁴⁸ См.: Собрание законодательства РФ. 2016. № 49. Ст. 6911.

⁴⁹ См.: Собрание законодательства РФ. 2012. № 34. Ст. 4734.

⁵⁰ См.: Собрание законодательства РФ. 2012. № 23. Ст. 3008.

⁵¹ См.: Собрание законодательства РФ. 2011. № 14. Ст. 1916.

управлению в электроэнергетике и оказания этих услуг, Правил недискриминационного доступа к услугам коммерческого оператора оптового рынка и оказания этих услуг и Правил технологического присоединения энергопринимающих устройств потребителей электрической энергии, объектов по производству электрической энергии, а также объектов электросетевого хозяйства, принадлежащих сетевым организациям и иным лицам, к электрическим сетям»⁵²;

- Постановление Правительства РФ от 29.05.2002 № 364 (ред. от 24.05.2017) «Об обеспечении устойчивого газо- и энергоснабжения финансируемых за счет средств федерального бюджета организаций, обеспечивающих безопасность государства»⁵³;

- Постановление Правительства РФ от 04.04.2000 № 294 (ред. от 21.12.2018) «Об утверждении порядка расчетов за электрическую, тепловую энергию и природный газ»⁵⁴.

Кроме постановлений Правительства РФ, необходимо также отметить и указы Президента РФ от 13.05.2019 № 216 «Об утверждении Доктрины энергетической безопасности Российской Федерации» и 31.03.2022 № 172 «О специальном порядке исполнения иностранными покупателями обязательств перед российскими поставщиками природного газа».

В сербском праве главным источником права в области энергетики, в том числе в области энергоснабжения, является Закон об энергетике 2014 г.⁵⁵, представляющий собой применительно к рассматриваемой сфере специальный закон (*lex specialis*), в то время как Закон об обязательственных

⁵² См.: Собрание законодательства РФ. 2004. № 52 (часть 2). Ст. 5525.

⁵³ См.: Собрание законодательства РФ. 2002. № 23. Ст. 2171.

⁵⁴ См.: Собрание законодательства РФ. 2000. № 15. Ст. 1594.

⁵⁵ См.: Закон о енергетици // Службени гласник РС. 2014. № 145; 2018. № 95; 2021. № 40; 2023. № 35; 2023. № 62; 2024. № 94 (Сербский Закон об энергетике // Официальный вестник Республики Сербии. 2014. № 145; 2018. № 95; 2021. № 40; 2023. № 35; 2023. № 62; 2024. № 94).

отношениях 1978 г.⁵⁶ содержит общие положения значимые для организации договорной работы, будучи общим законом (*lex generalis*). При этом последний, в отличие от Гражданского кодекса РФ, отдельных положений о договоре энергоснабжения не содержит, что влечет применение общих правил договорного права и норм о договоре купли-продажи.

В Сербии нет гражданского кодекса, но действуют отдельные законы в каждой области гражданского права (например, Закон о наследовании, Семейный закон, Закон об обязательственных отношениях, Закон об основах вещно-правовых отношений и т.д.). Современная правовая система формировалась специфическим способом, учитывая исторический аспект развития правового регулирования от Королевства Югославии, переехода к социалистической правовой системе до современной правовой системы. В 1844 году Сербия была одной из первых стран в Европе, имеющих гражданский кодекс (Сербский Гражданский кодекс). После Второй мировой войны в 1946 году был принят «Закон о недействительности правовых актов, принятых до 6 апреля 1941 года и во время вражеской оккупации»⁵⁷. Как последствие применения данного закона Югославия потеряла гражданский кодекс, принимая отдельные законы в каждой области гражданского права. В 2015 году был подготовлен проект нового гражданского кодекса. Однако у комиссии по его написанию прекратились полномочия, поэтому новый гражданский кодекс не принят до сегодняшнего дня. Первый Закон об

⁵⁶ См.: Закон о облигационим односима // Службени лист СФРЈ. 1978. № 29; 1985. № 39; 1989. № 45, № 57. Службени лист СРЈ. 1993. № 31. Службени лист СЦГ. 2003. № 1; Службени гласник РС. 2020. № 18 (Сербский Закон об обязательственных отношениях // Официальный вестник СФРЮ. 1978. № 29; 1985. № 39; 1989. № 45, № 57; Официальный вестник СРЮ. 1993. № 31; Официальный вестник СЧГ. 2003. № 1; Официальный вестник РС. 2020. № 18).

⁵⁷ См.: Закон о неважности правних прописа донетих пре 6. априла 1941. године и за време непријатељске окупације // Службени гласник ФНРЈ. 1946. № 86 (Закон о недействительности правовых актов, принятых до 6 апреля 1941 года и во время вражеской оккупации // Официальный вестник Федеративной Народной Республики Югославии. 1946. № 86).

энергетике появился только в 2004 году⁵⁸ в качестве основы для развития и модернизации энергетики. Энергетическое законодательство дальше развивалось под действием права Евросоюза, особенно с 2008 года, когда Сербия подписала и ратифицировала Соглашение о стабилизации и присоединении к Евросоюзу⁵⁹.

Кроме Закона об энергетике можно выделить следующие законы, имеющие значение для сферы энергоснабжения:

- Закон об использовании возобновляемых источников энергии, 2021 г.⁶⁰;
- Закон о энергетической эффективности и рациональном использовании энергии, 2021 г.⁶¹;
- Закон о эффективном использовании энергии, 2013 г.⁶²;

Для сербского права, так же как и для российского, в данной области характерно наличие большого числа постановлений Правительства Сербии, из которых необходимо выделить:

- Постановление об условиях поставки и снабжения электрической энергией (Официальный вестник РС. № 63/2013);

⁵⁸ Закон о енергетици // Службени гласник РС. 2004. № 84; 2011. № 57 (Сербский Закон об энергетике // Официальный вестник Республики Сербии. 2004. № 84; 2011. № 57).

⁵⁹ Закон о потврђивању споразума о стабилизацији и придруживању између европских заједница и њихових држава чланица, са једне стране, и Републике Србије, са друге стране // Службени гласник РС – Међународни уговори. 2008. № 83 (Закон о ратификацији Соглашения о стабилизации и присоединении между Европейскими сообществами и их государствами-членами, с одной стороны, и Республикой Сербией, с другой стороны. Официальный вестник Республики Сербии – Международные договоры. 2008. № 83).

⁶⁰ См.: Закон о коришћењу обновљивих извора енергије // Службени гласник РС. 2021. № 40 (Сербский Закон об использовании возобновляемых источников энергии // Официальный вестник Республики Сербии. 2021. № 40; 2023. № 35).

⁶¹ См.: Закон о енергетској ефикасности и рационалној употреби енергије // Службени гласник РС. 2021. № 40 (Сербский Закон об энергоэффективности и рациональном использовании энергии // Официальный вестник Республики Сербии. 2021. № 40).

⁶² См.: Закон о ефикасном коришћењу енергије // Службени гласник РС. 2013. № 25 (Сербский Закон об эффективном использовании энергии // Официальный вестник Республики Сербии. 2013. № 25).

- Постановление об утверждении методологии определения цены снабжения конечного покупателя тепловой энергией (Официальный вестник РС. 2015. № 63);

- Постановление об условиях поставки природного газа (Официальный вестник РС. 2006. № 47; 2010. № 3, № 48).

При рассмотрении источников правового регулирования рассматриваемых отношений стоит обратить внимание и на Конвенцию ООН о договорах международной купли-продажи товаров от 1980 г., которая ратифицирована обеими странами. Являясь успешным инструментом унификации права международной торговли (на данный момент конвенцию ратифицировало 97 стран⁶³), она фактически стала «международным законом о продаже»⁶⁴, который представляет собой, возможно, величайшее юридическое достижение в области гармонизации коммерческого права⁶⁵. В то же время нельзя не отметить, что применение Венской конвенции к купле-продаже электрической энергии исключено. Однако, как показывает судебная практика, она применяется к купле-продаже нефти и газа, что более подробно анализируется во второй главе диссертации в параграфе о предмете договора энергоснабжения (глава 2, § 1).

⁶³ Список стран, которые ратифицировали Венскую конвенцию, доступен по адресу: <https://iicl.law.pace.edu/cisg/page/cisg-table-contracting-states> (дата обращения: 12.07.2024).

⁶⁴ Вукадиновић Р. Несаобразна испорука и испорука несаобразне робе као услов одговорности продавца у уговору о међународној продаји робе // Право и привреда. 2010. № 4–6 (Вукадинович Р. Несоответствующая поставка и поставка несоответствующего товара как условие ответственности продавца в договоре международной купли-продажи товаров // Право и экономика. 2010. № 4–6). С. 328.

⁶⁵ Lookofsky J. Loose Ends and Contorts in International Sales: Problem in the Harmonization of Private Law Rules // American Journal of Comparative Law. 1991. № 39. P. 403.

1.2. Правовая природа, характеристики и классификация договоров в сфере энергоснабжения

Учитывая, что договор энергоснабжения обладает определенными общими признаками с договором купли-продажи, положения о нем включены в § 6 главы 30 ГК РФ «Купля-продажа». Однако его место в системе гражданско-правовых договоров не столь очевидно. Не случайно правовая природа и место договора энергоснабжения в системе гражданско-правовых договоров в российской науке является предметом дискуссии. Некоторые авторы отождествляют его с договором купли-продажи, договором поставки, договором подряда и договором возмездного оказания услуг. Существуют и авторы, которые договор энергоснабжения относят к категории смешанных договоров⁶⁶. Отсутствие единства взглядов по данному вопросу привело к возникновению мнения и о самостоятельности, уникальности данного договора⁶⁷.

При этом очевидно, что предпосылкой для выделения договора купли-продажи энергии в самостоятельный договор энергоснабжения стали именно свойства энергии как специфического товара и особенности, которые не являются характерными либо отсутствуют у «обычного» договора купли-продажи. Как отмечается в правовой доктрине, договор энергоснабжения является определенным видом договора купли-продажи⁶⁸, к которому в силу его правовой природы некоторые положения о купле-продаже применяются, а

⁶⁶ Сабирова Т.Р. К вопросу об определении места договора энергоснабжения в системе гражданско-правовых договоров // Право и государство: теория и практика. 2018. № 2 (158). С. 38; Валиев Б.Г. Договор энергоснабжения как одна из сложных конструкций в абонентском договоре // Вопросы российской юстиции. Выпуск № 7. 2020. С. 105.

⁶⁷ Шафир А.М. Энергоснабжение предприятий: правовые вопросы. М.: Юрид. лит, 1990. С. 7.

⁶⁸ Камышанский В.П., Шеховцова А.С., Мантул Г.А. Указ. соч. С. 23; Свирков С.А. Структура договорных связей по снабжению электрической энергией. С. 12; Михалев Д.Н. Указ. соч. С. 241.

некоторые нет⁶⁹. Однако существует и противоположная позиция о том, что невозможно признать договор энергоснабжения видом договора купли-продажи, так как потребитель по договору получает не саму энергию, а ее трансформацию⁷⁰.

Имея в виду, что ст. 546 ГК РФ, регулирующая изменение и расторжение договора энергоснабжения, отсылает к ст. 523 ГК РФ, регламентирующей односторонний отказ от исполнения договора поставки, возникает вопрос, представляет ли договор энергоснабжения по своей правовой природе *договор поставки*, как иногда утверждается в правовой теории⁷¹.

Согласно ст. 506 ГК РФ, договор поставки представляет собой договор, в котором поставщик – продавец, который осуществляет предпринимательскую деятельность, обязуется передать производимые или закупаемые им товары покупателю в обусловленный срок, чтобы он использовал их в предпринимательской деятельности или в других целях, не связанных с личным, домашним, семейным и подобным использованием. Из этого определения очевидно, что по своей правовой природе он представляет собой разновидность договора купли-продажи, что обуславливает включение соответствующих положений в главу о купле-продаже. Это можно заключить и на основании терминологии, которая используется в законодательном определении договора поставки: поставщик-продавец, покупатель, передача товаров. Также предусмотрено, что к отдельным видам купли-продажи, в том числе к поставке товаров, применяются общие положения о купле-продаже, если иное не предусмотрено правилами ГК РФ об этих видах договоров (п. 5 ст. 454). В то же время отдельные характеристики договора поставки отличают

⁶⁹ Корнеев С.М. Юридическая природа договора энергоснабжения // Закон. 1995. № 7. С. 119; Анохин В.С. Указ. соч. С. 60; Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга вторая. Договоры о передаче имущества. М.: Статут, 2000. С. 459.

⁷⁰ См.: Сабирова Т.Р. Договор энергоснабжения в системе гражданско-правовых договоров // Право и государство: теория и практика. 2011. № 4(76). С. 142–146.

⁷¹ См.: Сейнаров Б.М. Правовое регулирование снабжения электроэнергией социалистических предприятий и организаций: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1971. С. 18–19.

его от общего договора купли-продажи, что является причиной его выделения в качестве его особой разновидности.

Прежде всего, существенным условием договора поставки исходя из законодательной формулировки является срок поставки, что отмечается и судами⁷². Однако с этим можно не согласиться, поскольку в ГК РФ существуют правила определения срока исполнения обязанности продавца передать товар, если договор не содержит этот срок (ст. 457 ГК РФ). Как следует из п. 2 ст. 314 ГК РФ в случае невозможности определения срока исполнения обязательства, оно должно быть исполнено в течение семи дней со дня, когда кредитор предъявил требование о его исполнении. В силу этого Пленум ВАС РФ в свое время отметил, что срок поставки товара не является существенным условием данного договора, так как его можно определить по общим правилам ГК РФ, если стороны не согласовали его⁷³. Несомненно, срок поставки может быть определен волей сторон как существенное условие договора поставки⁷⁴.

Во-вторых, поставщик-продавец по договору поставки передает покупателю товар для использования в предпринимательской деятельности или для осуществления иных целей, которые не связаны с личным, домашним, семейным или подобным использованием. Следовательно, цель приобретения товара покупателем является признаком договора поставки, отличающим его от договора купли-продажи.

В-третьих, поставщиком-продавцом может быть только лицо, осуществляющее предпринимательскую деятельность. Данный статус

⁷² Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 02.07.2019 № Ф07-7742/2019 по делу № А56-81544/2018; Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 19.03.2019 № Ф09-990/19 по делу № А07-23228/2018 // СПС «Консультант Плюс».

⁷³ См.: Постановление Пленума ВАС РФ от 22.10.1997 № 18 (п. 7) // СПС «Консультант Плюс».

⁷⁴ Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 15.01.2019 № Ф01-5691/2018 по делу № А29-11145/2017; Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 13.06.2019 № Ф07-5995/2019 по делу № А56-107770/2018 // СПС «Консультант Плюс».

поставщика-продавца также является признаком договора поставки.

Таким образом, отличием договора поставки от договора купли-продажи и, следовательно, причиной его выделения как особого вида договора купли-продажи является статус поставщика-продавца и цель использования товара покупателем, на что указывают и суды⁷⁵.

Выделение указанных признаков позволяет оценить возможность отнесения договора энергоснабжения к разновидности договора поставки. С одной стороны, энергоснабжающая организация является субъектом, осуществляющим предпринимательскую деятельность, однако, цель использования товара (энергии) может быть как предпринимательская, так и непредпринимательская. Очевидно, что ее можно использовать для личных, домашних, семейных и иных подобных целей. Другими словами, абонентом может являться и субъект, осуществляющий предпринимательскую деятельность, и субъект, которому энергия нужна только для удовлетворения бытовых целей. По данной причине нельзя сказать, что договор энергоснабжения по своей правовой природе представляет собой договор поставки, когда абонентом является физическое лицо, которое энергию использует для бытового потребления. Когда абонентом является юридическое лицо или предприниматель, осуществляющие предпринимательскую деятельность, можно сказать, что в таком случае договор энергоснабжения по своей правовой природе в основе представляет собой договор поставки. Однако и тогда существенным отличием остается предмет договора и способ его передачи, который по договору энергоснабжения, в отличие от договора поставки, передается через присоединенную сеть в процессе бесперебойной производственной деятельности энергоснабжающей организации⁷⁶.

⁷⁵ См.: Решение Арбитражного суда г. Москвы от 21.03.2007 по делу № А40-56742/06-112-294 // СПС «Консультант Плюс»

⁷⁶ См.: Богоненко В.А. Указ. соч. С. 143.

Стоит оценить и возможность рассмотрения энергоснабжения в качестве разновидности *договора подряда*, в соответствии с которым одна сторона (подрядчик) обязуется по заданию другой стороны (заказчика) выполнить определенную работу и сдать результат этой работы заказчику, а заказчик обязуется его принять и оплатить (ч.1 ст. 702 ГК РФ). Из этого видно, что существенным условием такого договора является не товар, а работа, которую подрядчик должен выполнить, и результат работы, который сдается заказчику. Результатом работы в договоре подряда может являться определенный товар, но он является именно последствием выполненной работы, а договаривающиеся стороны, когда согласовывают существенные условия договора, имеют в виду именно работу, которую подрядчик должен выполнить. Это и есть главная разница между договором подряда и договором купли-продажи. В договоре купли-продажи ни одна из сторон не обязуется выполнить определенную работу, даже если товар необходимо произвести, так как акцент ставится не на работу, а на товар. Главным критерием различия является кауза сделки (основание). Если она заключается в работе, умении, навыках исполнителя, тогда заключается договор подряда; если кауза относится к вещи (товару), тогда заключается договор купли-продажи⁷⁷. Энергоснабжающая организация в договоре энергоснабжения не выполняет какую-то работу, определенную договором, а снабжает абонента специфическим товаром. Следовательно, договор энергоснабжения не представляет собой договор подряда.

Стоит также остановиться на вопросе о возможности отнесения договора энергоснабжения к *договорам возмездного оказания услуг*, где одна сторона (исполнитель) обязуется оказать услуги другой стороне (заказчику) по его заданию, а заказчик обязуется эти услуги оплатить (ч. 1 ст. 779 ГК РФ).

⁷⁷ См.: Јовановић Н., Радовић В., Радовић М. Трговинско право. Б.: Правни факултет Универзитета у Београду, 2023. (Јованович Н., Радович В., Радович М. Торговое право. Б.: Юридический факультет Белградского университета, 2023. С. 130); Јовановић Н. Уџбеник из трговинског права. Београд: Досије студио, 2024. (Јованович Н. Учебник по торговому праву. Белград: Досие студио, 2024). С. 109.

Оказать услуги – значит совершить определенные действия или осуществить определенную деятельность. Когда рассматривается совокупность действий, которые должна совершить энергоснабжающая организация, понятно, что договор энергоснабжения не представляет собой «только» договор возмездного оказания услуг, потому что в таком случае мы игнорируем энергию как предмет договора, а рассматриваем только ее передачу как услугу. Значит, об услуге можно говорить, когда рассматривается процесс передачи энергии через сеть. Сама энергия является товаром и объектом договора, характеристики которого не столь значимы в контексте оказания услуг, поскольку его предметом является оказание услуг.

С учетом изложенного наиболее обоснованным представляется причисление договора энергоснабжения к самостоятельному виду *договора купли-продажи*, что и воспринято российским законодателем.

В сербском законодательстве энергоснабжение по своей правовой природе также представляет собой куплю-продажу. Это видно даже из терминологии сербского Закона об энергетике: например, используются такие термины, как конечный покупатель, покупатель, продажа электрической энергии, продажа тепловой энергии и т.д. (ст. 1, ст. 2 ч. 1 п. 31–34, 68–71 Закона об энергетике).

Как представляется, более правильным подходом для определения правовой природы договора энергоснабжения является его рассмотрение сквозь призму исполнения обязанности по передаче энергии и определение субъекта, который должен выполнить ее. Исходя из данного подхода, можно выделить две ситуации:

1. Если абонент (потребитель) заключает договор с энергоснабжающей организацией, по которому обязанность обеспечить передачу энергии имеет сам *потребитель*, договор между энергоснабжающей организацией и абонентом является договором купли-продажи электроэнергии. В таком случае потребитель должен самостоятельно заключить отдельный договор с сетевой организацией, чтобы организовать передачу и прием энергии. Данный

договор с сетевой организацией по своей природе является договором возмездного оказания услуг.

2. Если обязанность по обеспечению передачи энергии является обязанностью *энергоснабжающей организации*, то между энергоснабжающей организацией и потребителем заключается договор энергоснабжения, который по своей правовой природе является договором купли–продажи. В таком случае передача энергии по сети является дополнительным (вспомогательным) обязательством энергоснабжающей организации. Данный подход основан на разделении договорных обязательств на основные (главные) и дополнительные (вспомогательные) обязательства⁷⁸. В договоре купли-продажи товаров главное обязательство продавца состоит в передаче товара покупателю в собственность, а организация перевозки и сама перевозка товара с целью его передачи покупателю представляет собой вспомогательное обязательство продавца. Таким образом, и в договоре энергоснабжения обязательство энергоснабжающей организации по обеспечению передачи энергии является ее вспомогательным обязательством в договоре купли-продажи энергии. Учитывая обязательство по передаче энергии по сети, появилась позиция о договоре энергоснабжения как смешанном договоре по смыслу ч. 3 ст. 421 ГК РФ. Неотъемлемым элементом такого смешанного договора является техническая особенность – передача энергии абоненту по присоединенной сети. Таким образом, отсутствие данного элемента будет считаться заключением какого-то другого договора, не договора энергоснабжения по смыслу ст. 539 ГК РФ⁷⁹. Именно такой подход закреплён и в Постановлении Правительства РФ от 04.05.12 г. № 442 «О функционировании розничных рынков электрической энергии, полном и (или) частичном ограничении режима потребления электрической энергии»,

⁷⁸ Камышанский В.П., Шеховцова А.С., Мантул Г.А. Указ. соч. С. 26.

⁷⁹ Сабирова Т.Р. К вопросу об определении места договора энергоснабжения в системе гражданско-правовых договоров. С. 38.

согласно пунктам 27-29 которого электрическая энергия (мощность) реализуется на розничных рынках на основании следующих видов договоров: договор энергоснабжения; договор купли–продажи электрической энергии (мощности); договор поставки электрической энергии (мощности). По договору энергоснабжения гарантирующий поставщик обязуется осуществлять продажу электрической энергии (мощности), а также самостоятельно или через привлеченных третьих лиц оказывать услуги по передаче электрической энергии и услуги, оказание которых является неотъемлемой частью процесса поставки электрической энергии потребителям. В договоре купли–продажи (поставки) электрической энергии (мощности), заключаемом с гарантирующим поставщиком, не регулируются отношения, связанные с оперативно-диспетчерским управлением и передачей электрической энергии в отношении энергопринимающих устройств потребителя, так как они являются предметом самостоятельного договора услуг (ст. 26 Федерального закона «Об электроэнергетике»).

Авторы, разделяющие позицию о договоре энергоснабжения как о смешанном договоре, выделяют и определенные элементы абонентского договора, предусмотренного ст. 429.4 ГК РФ. Сходство любого договора энергоснабжения с абонентским договором заключается в том, что абонент (потребитель) может получить исполнение в любое удобное для него время без дополнительного согласования с энергоснабжающей организацией. Однако порядок оплаты за потребленную энергию – в соответствии с количественной характеристикой потребления – не дает основания для именованя любого договора энергоснабжения абонентским⁸⁰.

Можно сделать вывод, что существуют два возможных подхода к определению правовой природы договора энергоснабжения. Первый заключается в его рассмотрении в качестве смешанного договора, включающего в себя элементы договора купли-продажи энергии и договора

⁸⁰ Валиев Б.Г. Указ. соч. С. 103.

возмездного оказания услуг. В соответствии со вторым подходом договор энергоснабжения является договором купли-продажи, который предполагает, что одна сторона передает товар другой стороне в собственность, а другая сторона принимает его и оплачивает. В договоре энергоснабжения одна сторона (энергоснабжающая организация) передает за плату другой стороне (абоненту) определенный товар – энергию. Передача энергии через присоединенную сеть является неотъемлемым дополнительным (вспомогательным) обязательством. Именно такой подход соответствует законодательному определению правовой природы договора энергоснабжения, закрепленному в ГК РФ. При этом указанное неотъемлемое обязательство по передаче энергии по сети не является акцессорным обязательством, так как последнее, выполняя обеспечительную функцию, всегда направлено на удовлетворение прав и интересов кредитора на основное обязательство. Ключевой характеристикой акцессорного обязательства является его зависимость от основного, поэтому при прекращении акцессорного обязательства, основное сохраняется. В конструкции договора энергоснабжения это означало бы, что при прекращении обязательств по оказанию услуг по передаче электрической энергии и услуг, оказание которых является неотъемлемой частью процесса поставки электрической энергии потребителям, договор энергоснабжения должен продолжать действовать и исполняться обеими сторонами, что, очевидно, невозможно в силу технических особенностей энергоснабжения. В такой ситуации договор энергоснабжения должен быть переквалифицирован в договор купли-продажи (поставки) электрической энергии (мощности).

Хотя договор энергоснабжения законодательно определен как договор купли-продажи, в любом случае необходимо учитывать его специфику, из-за которой он является «особым видом» договора купли-продажи. Это специфические черты его объекта – энергии, которая и законодательно определяется как «особый товар».

На основе характеристик и особенностей энергии как объекта договора

возникла позиция об уникальности договора энергоснабжения и его самостоятельном месте в системе гражданско-правовых договоров⁸¹. Действительно, специфические черты энергии, необходимость наличия технических приборов и оборудования, выполнения технических требований к ним, подача энергии через присоединенную сеть как технически особенный способ исполнения обязательства, и, в отличие от других товаров – непроверяемость покупателем количества поставленной (потребленной) энергии⁸², оправдывают самостоятельное место договора энергоснабжения в системе гражданско-правовых договоров.

Хотя законодатель урегулировал договор энергоснабжения как отдельный вид договора купли-продажи, который в своей основе имеет куплю-продажу специфического товара, ряд его особенностей оправдывают его выделение и законодательное регулирование в качестве самостоятельного договора. В правовой доктрине предлагается использовать договор энергоснабжения как «модельную конструкцию» для урегулирования отношений, связанных с производством и передачей электроэнергии в рамках Единой энергетической системы страны, учитывая технологические особенности функционирования данного рынка⁸³.

Гражданский кодекс РФ не раскрывает характеристики договора энергоснабжения, но путем анализа правовых норм их можно обозначить. В российской правовой доктрине договор энергоснабжения признается поименованным, двусторонним, возмездным, консенсуальным, публичным и договором присоединения. Однако эти характеристики не вполне соответствуют подходам, существующим в сербском праве.

⁸¹ Сабирова Т.Р. К вопросу об определении места договора энергоснабжения в системе гражданско-правовых договоров. С. 39.

⁸² Об этом подробнее будет сказано в разделе, посвященном характеристикам договора энергоснабжения.

⁸³ Матияшук С.В. Электрическая энергия и мощность как особые объекты гражданского оборота: вопросы теории и практики // Журнал российского права. 2008. № 12. С. 99.

Признание в России договора энергоснабжения *поименованным* закономерно в силу того, что он регулируется законодательно – предусматривается в ГК РФ. В сербском Законе об обязательственных отношениях, как уже отмечалось, он не упоминается. Однако, договор является поименованным и тогда, когда его предусматривает любой другой отраслевой закон. В Законе об энергетике в качестве самостоятельного договора предусматривается только договор о полном снабжении электрической энергией в случае гарантированного снабжения – снабжения гарантирующим поставщиком. При этом закон определяет снабжение электрической энергией как *продажу* электрической энергии покупателям, а снабжение тепловой энергии как *продажу* тепловой энергии конечным покупателям. Это означает, что Закон об энергетике четко определяет природу и место договора энергоснабжения. Это договор купли-продажи, который является поименованным, так как регулируется в Законе об обязательственных отношениях. Таким образом, в сербском законодательстве нет поименованного отдельного договора энергоснабжения, кроме договора о полном снабжении.

Несомненно, договор энергоснабжения является *двусторонним и возмездным*. У обеих сторон есть законные и договорные обязанности: энергоснабжающая организация обязуется подавать энергию абоненту, а абонент обязуется оплачивать принятую энергию. Наличие оплаты за принятую энергию означает, что договор является возмездным.

В правовой доктрине отмечается, что договор энергоснабжения является консенсуальным. К тому же, ч. 1 ст. 540 ГК РФ предусматривает возможность заключения договора совершением конклюдентных действий в случае, когда договор заключается с гражданином – физическим лицом, которое энергию использует для бытового потребления. Договор считается заключенным в момент, когда произошло первое фактическое подключение абонента к присоединенной сети в установленном порядке. Данное положение также

подтверждается судебной практикой⁸⁴.

Однако в соответствии с п. 33 Основных положений функционирования розничных рынков электрической энергии, утвержденных Постановлением РФ от 04.05.2012 № 442, договор энергоснабжения (купли-продажи (поставки) электрической энергии) с гарантирующим поставщиком заключается в простой письменной форме.

Аналогичный подход закреплен и в сербском Законе об энергетике (ст. 187, ч. 4 ст. 190). Предполагается, что гарантирующий поставщик обязан предоставить конечному покупателю договор в письменной форме в течение восьми дней со дня начала гарантированного снабжения (ч. 4 ст. 190). Если конечный покупатель не заключает данный договор в течение восьми дней со дня получения договора, системный оператор по требованию гарантирующего поставщика должен прекратить снабжение, а конечный покупатель должен оплатить полученную электроэнергию (ч. 5 ст. 190 Закона об энергетике). Из данного правила видно, что в сербском праве (так же как и в российском) допускается заключение договора энергоснабжения с гарантирующим поставщиком и конклюдентными действиями – с самого начала гарантированного снабжения, но с последовательным предоставлением договора в письменной форме.

Можно сделать вывод, что, хотя договор энергоснабжения является консенсуальным (не реальным) договором, в характеристики договора необходимо включить дополнительный критерий – наличие письменной формы для его заключения. По данному критерию договор энергоснабжения является *формальным*, хотя допускается его заключение в простой письменной (не нотариальной) форме. Только в порядке исключения в российском праве и только если договор заключается с гражданином, возможно его заключение как неформального (простого) договора –

⁸⁴ См.: Постановление Арбитражного суда Московского округа от 05.03.2020 № Ф05-23465/2019 по делу № А40-240601/2018 // СПС Консультант Плюс.

совершением конклюдентных действий.

Договор энергоснабжения является *публичным* договором в соответствии со статьей 426 ГК РФ, поэтому энергосбытовая организация обязана заключить договор с каждым, кто к ней обратится, что нередко становилось предметом судебных разбирательств. Законодательное закрепление обязательности заключения договора обуславливает соблюдение установленной законом процедуры взаимодействия сторон, которая должна приводить к заключению договора. Согласно ст. 445 ГК РФ, в подобных случаях одна сторона направляет оферту (проект договора), а другая сторона должна в течение 30 дней со дня получения оферты направить акцепт, отказ от акцепта или акцепт оферты на иных условиях, т.е. протокол разногласий к проекту договора. Если оферент получил протокол разногласий к проекту договора от стороны, для которой заключение договора обязательно, он вправе передать такие разногласия на рассмотрение в суд в течение 30 дней со дня получения протокола разногласий. Если заключение договора является обязательным для стороны, которая направляет проект договора (оферту), и ей направлен протокол разногласий, она должна в течение 30 дней со дня его получения известить другую сторону о принятии договора в такой редакции или об отклонении протокола разногласий. В последнем случае направившая его сторона вправе передать эти разногласия на рассмотрение суда, который при рассмотрении дела не связан условиями, предлагаемыми сторонами будущего или имеющегося договора. В случае непередачи в арбитражный суд в тридцатидневный срок оферентом (в первом случае) или акцептантом (во втором случае) протокола разногласий по условиям, относящимся к существенным условиям договора, договор считается незаключенным⁸⁵.

Однако следует учитывать, что в случае договора энергоснабжения энергоснабжающая организация не вправе понуждать потребителя заключить

⁸⁵ См.: Пункт 1 Обзора практики разрешения споров, связанных с заключением, изменением и расторжением договоров: утв. Информационным письмом ВАС РФ от 05.05.1997 № 14 // Вестник ВАС РФ. 1997. № 7.

договор. С иском о понуждении заключить договор в суд может обратиться только контрагент коммерческой организации, которая обязана заключить публичный договор (п. 3 ст. 426 ГК РФ). Аналогичное правило предусмотрено ст. 195 сербского Закона об энергетике.

В сербском праве нет термина «публичный договор», но существуют ситуации, в которых заключение договора является обязательным. Это ситуации публичной оферты, которая в сербском Законе об обязательственных отношениях называется «общей офертой». В ст. 33 предусмотрено, что предложение о заключении договора, направленное неопределенному кругу лиц и содержащее существенные условия договора, действует как оферта, если иное не вытекает из обстоятельств случая или из обычая. Это значит, что в ситуации общей (публичной) оферты для заключения договора нужен только акцепт любого желающего лица. Таким образом, поставщик должен заключить договор с любым лицом, которое к нему обратится.

Один из видов общей (публичной) оферты представляет собой общие условия деятельности (англ. *general terms and conditions*), на основании которых в сегодняшнее время в торговле часто заключаются договоры. Когда хозяйствующие субъекты хотят стандартизировать свою деятельность, они предлагают общие условия деятельности, чтобы избежать материальных затрат и затрат времени в переговорах для заключения каждого отдельного договора. Кроме экономии времени и расходов, субъекты, составляющие общие условия деятельности и заключающие договор с любым заинтересованным лицом, достигают единообразия в действиях при заключении и исполнении договоров, так как одни и те же общие условия применяются ко всем договорам, заключающимся на основании общих условий деятельности⁸⁶. Договоры, которые заключаются на основании общих

⁸⁶ См.: Јовановић Н., Радовић В., Радовић М. (Јованович Н., Радович В., Радович М.). Указ. соч. С. 89.

условий деятельности, называются «формулярными договорами». Это массовые, стандартные договоры, которые появляются либо в форме договоров присоединения, либо «типовых договоров».

Данные виды договоров похожи тем, что существует заранее подготовленный образец (формуляр, в силу чего данные договоры называются формулярными), требующий лишь заполнения некоторых элементов и подписания, после которого договор получает юридическую силу. Разница заключается в том, что договор присоединения нельзя изменить. Такой вид договора в сербском праве называется «адгезионным договором» и означает, что у потребителя нет возможности проведения переговоров об условиях такого договора – он может лишь согласиться заключить либо не заключить договор, т.е. либо присоединиться к договору в целом, либо не присоединиться к нему.

С другой стороны, «типовой договор» является формулярным, стандартным договором, но, в отличие от договора присоединения, не исключает возможность проведения переговоров в целях изменения отдельных условий договора. Необходимо также подчеркнуть, что типовой договор не относится к рамочным договорам, предусмотренным ст. 429.1 ГК РФ, поскольку последний является договором с открытыми условиями, которые конкретизируются и уточняются сторонами путем заключения отдельных договоров.

По общему правилу, предусмотренному ч. 2 ст. 142 сербского Закона об обязательственных отношениях, общие условия деятельности должны быть опубликованы «обычным способом», чтобы обязывать другую договаривающуюся сторону. Таковым в настоящее время является, в частности, веб-сайт хозяйствующего субъекта. Раньше таким способом являлось размещение подобных сведений в помещениях хозяйствующего субъекта.

В сербском праве гарантирующий поставщик обязан опубликовать условия снабжения и цену электрической энергии на своем сайте или иным

удобным способом (ч. 6 ст. 190 Закона об энергетике). Соответственно, договор о полном снабжении может быть заключен как формулярный договор в соответствии с опубликованными условиями снабжения (ч. 7 ст. 190).

Опубликованные условия снабжения являются общими условиями деятельности поставщика. Они могут быть либо непосредственно включены в формулярный договор (например, внесением в текст договора, как приложение к договору), либо договор может содержать отсылку к ним (ч. 1 ст. 142 Закона об обязательственных отношениях). С практической точки зрения важно определить, является ли данный формулярный договор типовым или договором присоединения.

Сербский Закон об энергетике четко не определяет характеристику договора, заключаемого с гарантирующим поставщиком, а предусматривает, что гарантирующий поставщик должен предоставить текст договора конечному покупателю. Если последний не заключает договор в течение восьми дней со дня его получения, снабжение электрической энергией прекращается (п. 4, 5 ст. 190). Из данной формулировки видно, что договор о полном снабжении является *договором присоединения*, поскольку конечный покупатель либо заключает, либо не заключает договор на обозначенных поставщиком условиях. Возможность проведения переговоров с гарантирующим поставщиком для изменения некоторых условий договора отсутствует.

В российской юридической доктрине все авторы утверждают, что договор энергоснабжения является договором присоединения⁸⁷, в котором условия определены одной из сторон в формулярах или иных стандартных формах, а другая сторона может их принять не иначе как путем присоединения к предложенному договору *в целом* (ст. 428 ГК РФ). К.М. Беликова считает, что, как правило, энергоснабжающие организации занимают доминирующее

⁸⁷ См.: Например, Свирков С.А. Структура договорных связей по снабжению электрической энергией. С. 19; Касаева З.Т., Джикаева Ф.З., Лолаева А.С. Указ. соч. С. 173.

положение на рынке, поэтому зачастую «диктуют» свои условия потребителям, которые фактически не имеют возможности отказаться от заключения договора на таких условиях⁸⁸. Однако данная характеристика договора энергоснабжения не является однозначной. Права и обязанности гарантирующего поставщика более широко регулируются Правилами заключения договоров между потребителями (покупателями) и гарантирующими поставщиками, закрепленными в разделе III Основных положений функционирования розничных рынков электрической энергии, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 4 мая 2012 г. N 442⁸⁹. Ими предусмотрено право абонента направить к гарантирующему поставщику протокол разногласий к проекту договора, который подписывает договор в редакции заявителя или принимает меры для урегулирования разногласий, и подписывает договор в редакции, согласованной заявителем. Это позволяет сделать вывод о том, что проведение переговоров для заключения договора энергоснабжения возможно в форме протокола разногласий, поэтому договор энергоснабжения является не договором присоединения, как отмечается в науке, а все-таки видом *типового договора*. Это означает, что у гарантирующего поставщика существует образец договора со стандартными условиями (проект договора), но на основании протокола разногласий изменить условия договора все-таки возможно. В договоре присоединения изменение условий договора не является возможным, а предложенный договор принимается в целом. Это и представляет собой разницу между договором присоединения и типовым договором. Следовательно, даже при готовности абонента заключить договор в полученном виде без протокола разногласий, договор энергоснабжения нельзя назвать договором присоединения из-за самой предусмотренной

⁸⁸ Беликова К.М. Защита прав и интересов присоединяющейся стороны в договорах присоединения (в том числе правовыми актами о защите потребителей) в странах БРИКС // Вестник Волгоградского государственного университета. Юриспруденция. 2014. № 4 (25). С. 69.

⁸⁹ См.: Собрание законодательства РФ. 2012. № 23. Ст. 3008.

Правилами возможности направить протокол разногласий поставщику и повлиять на формирование условий договора. В литературе отмечается, что договор энергоснабжения является договором присоединения⁹⁰, потому что на практике заключается именно в предложенном виде, а понятия типового договора ГК РФ не содержит. Однако, в соответствии со ст. 426 ГК РФ в случаях, предусмотренных законом, Правительство РФ и уполномоченные Правительством РФ федеральные органы исполнительной власти могут издавать правила, обязательные для сторон при заключении и исполнении публичных договоров (типовые договоры). Примером публичного договора, который заключается на основе типового договора, является договор холодного водоснабжения, а также договор горячего водоснабжения. Типовой договор холодного водоснабжения утвержден Постановлением Правительства РФ от 29.07.2013 г. № 645 «Об утверждении типовых договоров в области холодного водоснабжения и водоотведения», типовой договор горячего водоснабжения утвержден Постановлением Правительства РФ от 29.07.2013 г. № 643 «Об утверждении типовых договоров в области горячего водоснабжения». Эти договоры являются родственными к договору энергоснабжения, так как согласно ст. 13 Федерального закона «О водоснабжении и водоотведении» к договору водоснабжения применяются положения о договоре об энергоснабжении, предусмотренные ГК РФ, если иное не установлено законодательством и не противоречит существу договора водоснабжения.

Хотя в ГК РФ отсутствует типовой договор как разновидность договора, прямо предусмотрена возможность использования типовых договоров при заключении публичных договоров, к которым относится и договор энергоснабжения. Одновременно подзаконные нормативные правовые акты утверждают типовые договоры в определенных областях энергоснабжения.

⁹⁰ См.: Например, Свирков С.А. Структура договорных связей по снабжению электрической энергией. С. 19; Касаева З.Т., Джикаева Ф.З., Лолаева А.С. Указ. соч. С. 173.

Соответственно, целесообразно провести унификацию регулирования для различных видов энергетических ресурсов через разработку концепции типового договора или типовой формы договора и включить ее в ГК РФ.

Несмотря на обязанность заключения договора энергоснабжения с каждым желающим лицом, предпосылкой для его заключения является наличие установленных требований к техническим приборам и оборудованию. Наличие у потребителя приборов учета, проводов, присоединенных к сети, а также исправное состояние энергоустановок означает, что выполнены *технические предпосылки* для заключения договора энергоснабжения. Наоборот, отсутствие у потребителя необходимого технического оборудования лишает его возможности реализовать свое право на заключение публичного договора.

Имея в виду то, что договор энергоснабжения не может быть заключен без выполнения технических требований к приборам и оборудованию, которое удостоверяет энергосбытовая организация, возникает вопрос, является ли это существенным условием договора.

На наш взгляд, поскольку выполнение технических условий предшествует заключению договора и их наличие является лишь предпосылкой для этого, не означая само по себе, что договор будет заключен, наличие технического оборудования, отвечающего всем установленным требованиям и правилам, является не существенным условием договора, а *предквалификацией* для его заключения. Ее наличие является дополнительной характеристикой договора энергоснабжения.

Установление технического оборудования – это предшествующий обязательный этап для заключения договора энергоснабжения. При выполнении всех технических условий не допускается отказ энергоснабжающей организации в технологическом присоединении. Поэтому договор энергоснабжения и является публичным, но потребитель может решить и не заключить договор после рассмотрения всех условий договора.

В современных условиях в качестве особенностей договора

энергоснабжения стоит обратить внимание на регламентацию *использования искусственного интеллекта* в целях оптимизации производства, передачи и потребления электроэнергии.

Энергетика, как следует из Стратегии развития искусственного интеллекта в Сербии на период 2020–2025 гг.⁹¹ является одной из основных сфер применения искусственного интеллекта. В литературе отмечается, что искусственный интеллект обладает всеми возможностями радикально или даже революционно изменить энергетический сектор. В ближайшем будущем искусственный интеллект может превратиться из полезного технологического чуда в самого влиятельного принимающего решения в энергетической отрасли⁹². Вообще, технология является той движущей силой, которая повлияет на энергетическое право⁹³.

В энергетике все больше используются цифровые технологии, все чаще используются умные электросети (англ. *smart grids*) и умные счетчики (англ. *smart meters*). Умный счетчик – одно из наиболее важных устройств в умной сети. Он представляет собой передовой счетчик, который получает информацию от устройств конечного пользователя и измеряет потребление энергии, а затем предоставляет дополнительную информацию системному оператору для лучшего контроля и учета, поскольку информация о потреблении энергии получается в режиме реального времени⁹⁴.

Использование умных счетчиков оказывает положительное влияние на

⁹¹ См.: Стратегија развоја вештачке интелигенције у Републици Србији за период 2025–2030. године // Службени гласник РС. 2018. № 30 (Стратегија развоја искусственог интелекта в Србији на период 2020–2025 гг. // Официјални вестник Републике Србије. 2018. № 30). URL: https://www.srbija.gov.rs/extfile/sr/437304/strategija_razvoja_vestacke_inteligencije261219_2_c yr.pdf. С. 6.

⁹² См.: Tür M.P. Energy Supply Security and Artificial Intelligence Applications. Insight Turkey. 2022. Vol. 24. № 3. P. 213.

⁹³ См.: Heffron P.J. Energy Law: An Introduction. Springer, 2021. P. 71.

⁹⁴ См.: Zheng J., Lin L., Gao D.W. Smart Meters in Smart Grid: An Overview // IEEE Green Technologies Conference. 2013. P. 57.

все стороны процесса энергоснабжения. С одной стороны, становится возможным удаленный подсчет, что приводит к значительной экономии; обеспечивается возможность лучшего управления энергопотреблением при максимальной энергетической нагрузке; создаются условия для более эффективного использования энергетических и сетевых ресурсов. С другой стороны, у потребителей также появляется множество преимуществ в виде оперативного получения данных об объеме и характере использования электроэнергии, точного и своевременного расчета потребленной электроэнергии, обеспечения возможности более эффективного использования электроприборов и оборудования с учетом установления дифференцированных тарифов, включая предложения перенести использование электрических устройств с большим потреблением в более дешевую зону и, следовательно, в условия с более низким тарифом⁹⁵.

Применение искусственного интеллекта имеет положительные эффекты во всех процессах, связанных с электроэнергией. Чтобы объяснить его важность в процессе энергоснабжения, необходимо учитывать его положительные эффекты в процессе производства, передачи и распределения электроэнергии. Отмечается, что с технической точки зрения методы искусственного интеллекта показывают способность моделировать сложные проблемы и стимулировать оптимальные решения⁹⁶.

Главной особенностью и преимуществом искусственного интеллекта является возможность одновременно обрабатывать огромные объемы данных для поиска определенных закономерностей. Технология, которая использует большой объем данных и может быть особенно важна в энергетической отрасли, – это предиктивная (прогнозная) аналитика. Она представляет собой технологию, которая обучается на основе опыта, чтобы предвидеть будущее

⁹⁵ Ibid. P. 58.

⁹⁶ См.: Chui K.T., Lytras M.D., Visvizi A. Energy Sustainability in Smart Cities: Artificial Intelligence, Smart Monitoring, and Optimization of Energy Consumption // *Energies*. 2018. № 11. P. 15.

поведение и, таким образом, способствовать принятию правильных и надежных решений. Предиктивная аналитика берет данные из прошлого и пытается найти причины и связи между ними. Она выходит за рамки традиционного анализа данных, так как с помощью различных методов и алгоритмов формирует прогнозы и дает степень вероятности того, что определенное событие произойдет в будущем⁹⁷.

С помощью предиктивной аналитики можно спрогнозировать спрос на электроэнергию, т.е. прогноз потребления в более длительном временном интервале, и таким образом можно спрогнозировать потребность в производстве электроэнергии. Этим достигается оптимизация производства и, следовательно, оптимизация использования природных ресурсов – источников энергии. Данные, которые можно было бы использовать в предиктивной аналитике, – это данные о предыдущем потреблении и производстве, метеорологические данные в месяцах года, данные об уровне нагрузки в зависимости от (не)рабочих дней, времени года и тому подобное.

Искусственный интеллект также может быть применен в сфере «умной диагностики» при анализе данных о состоянии оборудования, используемого в процессе производства электроэнергии. Путем мониторинга и анализа большого количества параметров можно спрогнозировать отказы, т.е. время их возникновения, и, таким образом, можно заранее спрогнозировать необходимое техническое обслуживание и ремонт, а отказы можно устранить более эффективно. Это является особенно важным в связи с ответственностью энергоснабжающей организации за невыполнение договорных обязательств (глава 3 § 2 диссертации).

В процессе передачи и распределения электроэнергии все больше говорят об умных энергетических сетях (англ. *smart grids*). Еще более десяти

⁹⁷ См.: Прља Д., Гасми Г., Кораћ В. Људска права и вештачка интелигенција. Београд: Институт за упоредно право, 2022 (Прља Д., Гасми Г., Кораћ В. Права человека и искусственный интеллект. Белград: Институт сравнительного правоведения, 2022). С. 34 сн. 61.

лет назад исследователи отмечали, что современная электрораспределительная сеть очень сложна и не приспособлена к потребностям XXI в., а среди недостатков выделяли: отсутствие автоматизированного анализа, плохую видимость, механические выключатели, которые ведут к медленному времени реакции, недостаточную осведомленность о ситуации и т.д.⁹⁸ Термин «умная сеть» используется для обозначения системы доставки электроэнергии, которая сочетает в себе цифровые технологии и длинные сети передачи для оптимизации потребления электроэнергии, а также для обеспечения новых процессов производства и распределения энергии⁹⁹. Это электроэнергетические сети, в которых используются цифровые и другие передовые технологии мониторинга и управления электроэнергетической системой с целью снижения затрат на передачу электроэнергии и повышения надежности электроснабжения конечных потребителей¹⁰⁰. Они основаны на использовании цифровых технологий, обеспечивающих двустороннюю коммуникацию между энергоснабжающей организацией и потребителем¹⁰¹.

Используя искусственный интеллект в процессе передачи и распределения электроэнергии в виде так называемых умных сетей, можно достичь надежности (стабильности), эффективности и безопасности электрической сети. Искусственный интеллект способствует достижению управляемости электрических сетей и предсказуемости событий, происходящих за пределами места производства электроэнергии, которые могут повлиять на переносную и распределительную сеть. Например, перебои в снабжении (отключение электроэнергии) вызывают высокие затраты

⁹⁸ См.: Güngör V.C., Sahin D., Kocak T., Ergut S. Smart Grid Technologies: Communication Technologies and Standards // IEEE Transactions on Industrial Informatics. 2011. Vol. 7. № 4. P. 529.

⁹⁹ См.: Miceli R. Energy Management and Smart Grids // Energies. 2013. № 6. P. 2263.

¹⁰⁰ См.: Güngör V.C., Sahin D., Kocak T., Ergut S. Op. cit. P. 529.

¹⁰¹ См.: Klass A.B., Wiseman H.J. Op. cit. P. 247.

поставщиков электроэнергии и неудобство для пользователей, а также могут нанести им ущерб. Кроме того, существуют и обычные потери энергии, возникающие в результате ее передачи и распределения. Конечным потребителям и поставщикам также важно сократить количество и продолжительность периодов повышенного спроса на электроэнергию. Очевидно, что затраты на обслуживание сети, потери энергии и потребность в резервных генераторах будут значительно снижены, а конечным потребителям будет предложено более качественное и надежное обслуживание, если эти процессы будут в той или иной мере опосредовать искусственный интеллект¹⁰².

Особое значение он имеет для обеспечения автоматизированного контроля (наблюдения) за техническим состоянием сети, поскольку наибольшее количество неисправностей в электроэнергетической системе (94%), вызывающих перерыв в электроснабжении конечных потребителей, происходит в распределительной сети¹⁰³. Одним из механизмов сокращения продолжительности отключения электроэнергии является установка локаторов неисправности (англ. *fault indicators*), которые предоставляют оператору информацию о том, прошел ли поток неисправности через сеть, в которой находится локатор. Они могут быть предназначены для локального отображения информации или ее отправки оператору в систему SCADA (Система надзорного контроля и сбора данных – англ. *Supervisory Control and Data Acquisition*)¹⁰⁴. Таким образом сокращается время определения места

¹⁰² См.: Miceli R.P. Op. cit. 2264.

¹⁰³ См.: Мршић П., Лекић Ђ., Зельковић Ч. Демонстрација употребе локатора кварова у дистрибутивној мрежи // Зборник радова са научно – стручног симпозијума «Енергетска ефикасност (ЕНЕФ)». Бања Лука, 25-26. септембар 2015. (Мршић П., Лекић Дж., Зелькович Ч. Демонстрација использования локатора неисправностей в распределительной сети // Сборник работ научно-профессионального симпозиума Энергетическая эффективность (ЕНЕФ). Бања–Лука, 25–26 септембра 2015). С. 52.

¹⁰⁴ *Примечание* – Система надзорного контроля и сбора данных (SCADA) представляет собой систему, которая обеспечивает контроль, наблюдение и анализ промышленного оборудования и процессов, а также компоненты аппаратного и программного обеспечения и дает возможность дистанционного и «на месте» сбора данных

неисправности с целью ее максимально быстрого устранения, а значит, сокращается и время перерыва электроснабжения потребителей¹⁰⁵. Длительность процесса обучения и тренировки сети из-за огромного количества подаваемых в нее данных не является проблемой, учитывая, что сеть обучается в режиме офлайн (англ. *off-line*), а это означает, что однажды обученная сеть, используемая при онлайн-оценке (англ. *online*) места неисправности, дает практически мгновенные результаты с высокой точностью (оценка места неисправности с погрешностью до 10 метров)¹⁰⁶.

Можно сделать вывод о том, что умные сети предполагают использование цифровых технологий, датчиков и программного обеспечения для согласования спроса и предложения в режиме реального времени, снижения затрат и потерь электроэнергии и поддержания стабильности и надежности сети. Использование искусственного интеллекта в процессе передачи и распределения электроэнергии также может помочь в обнаружении измерительных приборов, передающих ошибочные данные о потреблении. Кроме того, могут быть обнаружены участки сети, где

в промышленном оборудовании // URL: [https://scada-international.com/what-is-scada/#:~:text=What%20does%20SCADA%20stand%20for,data%20from%20the%20industrial%20equipment](https://scada-international.com/what-is-scada/#:~:text=What%20does%20SCADA%20stand%20for,data%20from%20the%20industrial%20equipment,), 19 мая 2024 (дата обращения: 20.07.2024).

¹⁰⁵ См.: Мршић П., Лекић Ђ., Зельковић Ч. (Мршич П., Лекич Дж., Зелькович Ч.). Указ. работа. С. 61.

¹⁰⁶ См.: Хубана Т. Локатор кvara у електроенергетском систему на основу мерења параметара квалитете електричне енергије. Сарајево, 2015 // URL: https://www.researchgate.net/profile/Tarik-Hubana/publication/320612147_Lokator_kvара_u_elektroenergetskom_sistemu_na_osnovu_mjerenja_parametara_kvalitete_elektricne_energije/links/59f04175458515c3cc4380e1/Lokator-kvara-u-elektroenergetskom-sistemu-na-osnovu-mjerenja-parametara-kvalitete-elektricne-energije.pdf. (Хубана Т. Локатор неисправности в электроэнергетической системе на основе измерения параметров качества электроэнергии. Сараево, 2015. URL: https://www.researchgate.net/profile/Tarik-Hubana/publication/320612147_Lokator_kvара_u_elektroenergetskom_sistemu_na_osnovu_mjerenja_parametara_kvalitete_elektricne_energije/links/59f04175458515c3cc4380e1/Lokator-kvara-u-elektroenergetskom-sistemu-na-osnovu-mjerenja-parametara-kvalitete-elektricne-energije.pdf). С. 61.

происходит незаконное присоединение потребителей к электрической сети¹⁰⁷.

Искусственный интеллект может также использоваться в прогнозировании потребления электрической энергии. Прогнозирование энергопотребления было предметом исследований многих ученых на протяжении нескольких десятилетий, начиная с «традиционных» методов и заканчивая моделями, основанными на искусственном интеллекте¹⁰⁸. При этом оба типа моделей используются при прогнозировании потребления электроэнергии и, хотя использование искусственного интеллекта обеспечивает некоторые преимущества, традиционные модели, согласно исследовательской практике, все же демонстрируют достаточную эффективность¹⁰⁹, поскольку не требуют большого количества исторических данных и могут установить прямую связь между потреблением энергии и факторами, влияющими на него (такими как последующее наблюдение, температура, ВВП, население и т.д.), в то время как модели прогнозирования на основе искусственного интеллекта не полагаются на прямую связь между потреблением энергии и факторами, которые на него влияют, а обучаются на большом объеме исторических данных для составления прогнозов¹¹⁰.

Прогнозирование потребления электроэнергии обычно разделяют на три категории: долгосрочный прогноз (на годовом уровне), среднесрочный

¹⁰⁷ См.: Мишковић М. Употреба вештачке интелигенције у процесу дигитализације снабдевања електричном енергијом // Интернет дијалог 2024: зборник радова са X конференције «Интернет дијалог» (Београд, 8-9. април 2024.) / ур. Д. Поповић. Београд: Универзитет у Београду – Правни факултет, 2024 (Мишковић М. Использование искусственного интеллекта в процессе цифровизации снабжения электрической энергией // Интернет-диалог 2024: сборник материалов X конференции «Интернет-диалог» (г. Белград, 8–9 апреля 2024 г.) / под науч. ред. Д. Поповича. Белград: Университет в Белграде – Юридический факультет, 2024). С. 264.

¹⁰⁸ См.: Wei N., Li C., Peng X., Zeng F., Lu X. Conventional models and artificial intelligence-based models for energy consumption forecasting: A review // Journal of Petroleum Science and Engineering. 2019. № 181. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S092041051930600X> (дата обращения: 20.07.2024). Р. 1–2.

¹⁰⁹ См.: Ibid. Р. 7.

¹¹⁰ См.: Ibid. Р. 2.

прогноз (на квартальном или ежемесячном уровне) и краткосрочный прогноз (почасовой, дневной, еженедельный)¹¹¹. Хотя наибольшее количество моделей предназначено для долгосрочного прогнозирования энергопотребления, следует иметь в виду, что, когда прогнозирование потребления рассматривается с точки зрения отдельного потребителя, самое большое значение могут иметь краткосрочные и среднесрочные прогнозы. Использование искусственного интеллекта с целью краткосрочного прогнозирования потребления электроэнергии означало бы мониторинг потребления путем получения данных в режиме реального времени, на основании которых могло бы осуществляться прогнозирование потребления, а потребители смогли бы легче корректировать потребление под свои нужды. Этого можно было бы добиться, если бы потребителям было доступно приложение или виртуальный помощник в текстовой или голосовой форме, который бы предоставлял им информацию или консультации по всем вопросам, связанным с потреблением и снабжением электроэнергией.

Для того чтобы дать возможность потребителям контролировать и эффективно управлять потреблением, можно применить процедуру «неинвазивного мониторинга потребления» (англ. *non-intrusive load monitoring – NILM*)¹¹². Для применения этого метода достаточно одного измерительного устройства (умного счетчика) на уровне домохозяйства¹¹³. Это измерительное устройство подключается к программному обеспечению на отдельном устройстве или компьютере для представления полученных

¹¹¹ См.: Ibid. P. 6.

¹¹² См.: Ђорђевић С., Димитријевић М., Стевановић Д., Бојанић С. Нови метод за детекцију догађаја у неинвазивном мониторингу потрошње // Зборник радова са научно – стручног симпозијума «Енергетска ефикасност (ЕНЕФ)» 2015, Бања Лука, 25-26. септембар 2015 (Джорджевич С., Дмитриевич М., Стеванович Д., Боянич С. Новый метод обнаружения событий при неинвазивном мониторинге потребления // Материалы научно–профессионального симпозиума Энергетическая эффективность (ENEF) 2015, Баня–Лука, 25–26 сентября 2015 г.). С. 132.

¹¹³ Там же; Chui K.T., Lytras M.D., Visvizi A. Op. cit. P. 2.

данных пользователю¹¹⁴. Система контролирует сигналы в электрических проводниках, затем сигнал обрабатывается и анализируется с помощью логарифмов, которые определяют, какое устройство повлияло на изменение потребления, одновременно сравнивая полученные данные с данными о сигналах всех устройств в доме¹¹⁵. Используя информацию, предоставляемую этой системой и умным счетчиком, можно визуальным образом отображать потребление энергии отдельными устройствами в доме, а также отображать потребление электроэнергии за каждый день. Это означает, что адекватное представление информации, предоставляемой *NILM*, может существенно способствовать активному участию потребителей в экономии электроэнергии. Исследования показали, что мониторинг потребления может снизить потребление энергии до 20%¹¹⁶. Помимо технологии *NILM*, существует также технология *ILM*, которая представляет собой инвазивный мониторинг потребления (англ. *intrusive load monitoring* – *ILM*) и предполагает использование более одного умного устройства в домохозяйстве (возможно и использование одного умного устройства на каждой розетке), что дает более высокую точность определения потребления устройства. Однако существуют и недостатки, включающие высокую стоимость, сложную конфигурацию сети умных счетчиков и системы управления¹¹⁷.

Чаще всего мониторинг и прогнозирование потребления электроэнергии обсуждают в контексте оптимизации потребления. Однако следует сказать, что оптимизации можно добиться и без цифровизации и использования искусственного интеллекта. Снижения потребления электроэнергии можно добиться за счет меньшего использования определенных устройств. Государственные стимулы к рациональному потреблению электроэнергии

¹¹⁴ URL: <https://www.gradjevinarstvo.rs/tekstovi/1405/820/nilm-neinvazivne-tehnologije-za-merenje-potrosnje-elektricne-energije-u-domacin> (дата обращения: 20.07.2024).

¹¹⁵ Там же.

¹¹⁶ Chui K.T., Lytras M.D., Visvizi A. Op. cit. P. 2.

¹¹⁷ Ibid.

являются показателем того, что для его достижения не требуется цифровизация. Например, в 2022 и 2023 гг. Правительство Сербии приняло заключение, рекомендовавшее акционерному энергоснабжающему обществу «Электропривреда Сербии» рассчитывать скидки для потребителей из группы «домохозяйства», у которых гарантированное снабжение, если они уменьшат свое потребление по сравнению с тем же месяцем предыдущего года. Хотя потребители не используют искусственный интеллект для контроля и оптимизации потребления электроэнергии, достигнутая на практике экономия и скидки неоспоримы, что говорит в пользу того, что оптимизация потребления сама по себе возможна даже без процесса цифровизации. Тем не менее этот процесс, безусловно, может значительно облегчить мониторинг потребления, способствуя тем самым более быстрому достижению оптимального потребления.

Использование искусственного интеллекта в процессе мониторинга потребления могло бы способствовать решению проблемы невозможности проверки количества поставляемой потребителям электроэнергии, учитывая риски, сопутствующие ее учету, что является последствием самой природы энергии как особенного товара. Количество поставляемой энергии может быть определено или быть определяемым на основе данных приборов учета уже после потребления. То есть в отличие от других договоров купли-продажи, где покупатель может его определить до момента потребления, т.е. проконтролировать количество поставляемого товара, в случае электроэнергии это невозможно. Счетчики не могут определить количество электроэнергии до ее потребления, поэтому потребители не могут заранее определить количество потребляемой электроэнергии, а также не могут проверить ее фактическое количество, утвержденное с помощью счетчика.

В силу физических особенностей электроэнергии возникает вопрос об определении, а точнее, *проверяемости*, количества поставленной (потребленной) энергии, которая возможна при других «обычных» договорах купли-продажи товаров и реализуется в ходе их осмотра. Последний есть

средство реализации покупателем права проверки соответствия поставленного продавцом товара ожидаемыми им свойствам, что в случае родового товара означает определение его вида, *количества* и качества¹¹⁸.

Однако основная проблема у использования электроэнергии заключается в том, что из-за ее характеристик, обусловленных физической природой, потребитель не может произвести осмотр товара, а значит, это право покупателя фактически не осуществляется при продаже электроэнергии. Возражение (жалоба) может быть направлено, если у потребителя возникают сомнения в правильности показаний счетчика и отображаемого потребления, но это происходит уже после учета потребления, о чем потребитель узнает из счета за потребленную электроэнергию. Возражение, однако, не решает проблему непроверяемости количества поставленной (потребленной) электроэнергии. Таким образом, в случае приобретения энергии как особого вида товара потребитель оказывается в ситуации, когда является более слабой стороной в договоре, сталкиваясь с асимметрией информации, вызванной отсутствием эффективного механизма проверки фактического количества полученной по договору энергии.

Кажется, что использование искусственного интеллекта в процессе потребления энергии могло бы способствовать, если не решению, то хотя бы облегчению этой проблемы, позволяя потребителям наблюдать за потреблением электроэнергии в режиме реального времени. Это можно было бы достичь с помощью приложения, в котором было бы видно текущее потребление энергии при включении и выключении определенных устройств. Таким образом была бы осуществлена оптимизация потребления и решена проблема (не)проверяемости количества поставленной (потребленной) энергии.

Имея в виду, что коммуникационный канал у умных счетчиков

¹¹⁸ См.: Јовановић Н., Радовић В., Радовић М. (Јованович Н., Радович В., Радович М.). Указ. соч. С. 170–171; Јовановић Н. (Јованович Н.). Указ. соч. С. 138.

двусторонний, сигналы могут отправляться непосредственно к счетчикам, в помещение пользователя или в распределительное устройство¹¹⁹. Кажется, что именно такой способ функционирования умных счетчиков является решением проблемы непроверяемости потребленного количества электроэнергии, которую в силу ее природы невозможно решить без цифровизации, т.е. без использования умной технологии.

Можно сделать вывод, что в сфере электроснабжения цифровизация и использование искусственного интеллекта, с одной стороны, упрощают ввод и отображение данных (метеорологические данные, данные о предыдущем потреблении и т.д.), обеспечивают возможность прогнозирования спроса на электроэнергию, т.е. позволяют прогнозировать потребление электроэнергии в более длительном временном интервале. С другой стороны, благодаря искусственному интеллекту потребители получают данные о своем потреблении в режиме реального времени, что позволяет им в дальнейшем корректировать и оптимизировать его в соответствии с собственными потребностями.

Многообразие отношений, возникающих при энергоснабжении, обусловленных их сложным субъектным составом, различиями в видах энергии и т.п., требуют классификации договоров в сфере энергоснабжения, по поводу которой единого мнения в российской науке не сложилось. Традиционно в качестве классификационных критериев используются:

- 1) виды энергии, что позволяет выделять договоры электроснабжения, теплоснабжения и пр.;
- 2) тип рынка, дающий основание разграничивать договоры снабжения на оптовом и на розничном рынке;
- 3) структуру договорных связей, на основе которой различают договоры между различными энергосистемами, договоры между энергосистемами и производителями энергии и договоры между энергосистемами и

¹¹⁹ Zheng J., Lin L., Gao D.W. Op. cit. P. 58.

потребителями энергии.

Между тем, первым важным критерием классификации является *договаривающаяся сторона*. В этом смысле наиболее полная классификация договоров в области энергоснабжения разработана Б.М. Сейнаровым, который в качестве отдельных разновидностей, наряду с договором на снабжение электроэнергией, заключаемым между энергоснабжающей организацией и организацией-потребителем электроэнергии, выделил договор о реверсивных перетоках электроэнергии и договор на снабжение энергосистем электроэнергией от блок-станций¹²⁰.

Сторонами договора о реверсивных перетоках электроэнергии являются две энергоснабжающие организации, которые обязуются восполнять дефицит энергии или мощности друг у друга в период нагрузок или спадов энергопотребления. Само название договора отражает специфику взаимоотношений между энергоснабжающими организациями, для которой характерен реверсивный переток энергии, т.е. переток во встречных направлениях – реверс.

Договор на снабжение энергосистем электроэнергией от блок-станций заключается между организацией, имеющей блок-станции, и энергосистемой и представляет собой снабжение оптовых потребителей-перепродавцов. По мнению А.М. Шафира, оба выделенных договора представляют собой разновидности договора энергоснабжения через присоединенную сеть¹²¹. Однако И.А. Лукьянцева считает, что это «смежные» с договором энергоснабжения «юридические конструкции»¹²².

Вторым критерием классификации, который выделяется в российской

¹²⁰ См.: Сейнаров Б.М. Правовые вопросы договора на снабжение электроэнергией предприятий и организаций. Алма-Ата, 1975. С. 9–11.

¹²¹ См.: Шафир А.М. Энергоснабжение предприятий: Правовые вопросы. М.: Юрид. лит, 1990. С. 9–10.

¹²² Лукьянцева И.А. Договор энергоснабжения: теория, законодательство и правоприменительная практика. С. 6.

литературе, является *цель заключения договора и использования энергии*. По данному критерию договоры энергоснабжения можно разделить на коммерческие и бытовые¹²³. Если субъектом договора является потребитель – физическое лицо, который энергию получает для бытового использования (так называемый «бытовой потребитель»), такой договор энергоснабжения является «бытовым». Если субъектом договора является лицо, получающее энергию для дальнейшей продажи (так называемый коммерческий потребитель), договор энергоснабжения признается «коммерческим». Однако в российском законодательстве нет определения «бытовой» и «коммерческий» потребитель.

В сербском законодательстве и юридической доктрине все договоры принято делить на гражданско-правовые и торговые (коммерческие), что обусловлено существующими в ней представлениями о дуализме частного права. Данная классификация зависит от субъектов договора и их деятельности. Это означает, что для квалификации и классификации договоров необходимо определить в качестве субъективного критерия статус субъектов, которые договор заключают, а в качестве объективного критерия необходимо определить, заключается ли конкретный договор в рамках осуществления хозяйственной деятельности¹²⁴. Таким образом, если договор заключают хозяйствующие субъекты в области их деятельности или в связи с деятельностью, такой договор является торговым (коммерческим). Если стороны не являются хозяйствующими субъектами, такой договор является «обычным» гражданско-правовым договором. Это значит, что к такому договору применяются не специфические правила торгового (коммерческого) права, а общие правила гражданского права. Если только одна сторона

¹²³ См.: Сабирова Т.Р. Договор энергоснабжения в системе гражданско-правовых договоров: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2013. С. 13.

¹²⁴ См.: Радовић М. Трговинскоправни послови *de lege lata* и *de lege ferenda*. Б.: Универзитет у Београду – Правни факултет, 2022 (Радовић М. Торговне сделке *de lege lata* и *de lege ferenda*. Б.: Универзитет в Белграде – Юридически факултет, 2022). С. 152–154.

является физическим лицом – потребителем, который покупает товар для личного использования, такой договор является потребительским, и к нему применяются специальные правила Закона о защите потребителей 2021 г.¹²⁵ При их отсутствии применяются специальные правила торгового (коммерческого) права, так как сам Закон о защите потребителей закрепляет его приоритет перед иными законами (ч. 7 ст. 3), нормы Закона об обязательственных отношениях применяются к таким отношениям субсидиарно¹²⁶.

В российском праве также можно было бы использовать данную концепцию договоров. Это означает, что единым критерием классификации договора энергоснабжения должен являться субъектный состав вместе с целью заключения договора и использования энергии.

Исходя из цели заключения договоры также подразделяются на коммерческие и бытовые, но такая классификация не имеет опоры в законодательстве России и Сербии. Однако выделение цели заключения договора в качестве критерия классификации без рассмотрения субъектов, которые заключают договор, является чисто теоретическим. Значимость классификации любого договора должна определяться ее практическими последствиями. Автор считает, что формирование определенной классификации договоров должно исходить из того, какие правила будут применяться к данному виду договора. Таким образом, можно выделить три ситуации:

1. Если договор заключают два физических лица, которые приобретают товар для личного потребления, он является «обычным» гражданско-правовым договором, к которому применяются общие гражданско-правовые нормы.

¹²⁵ См.: Закон о заштити потрошача // Службени гласник РС. 2021. № 88 (Сербский Закон о защите потребителей // Официальный вестник Республики Сербии. 2021. № 88).

¹²⁶ См.: Радовић М. (Радович М.). Указ. соч. С. 163.

2. Если договор заключают два хозяйствующих субъекта (два юридических лица либо два предпринимателя, либо юридическое лицо и предприниматель) при осуществлении своей деятельности или в связи с ней, такой договор является коммерческим и к нему применяются специальные правила коммерческого права, а в отсутствие таких правил – общие положения гражданского права.

3. Если договор заключают хозяйствующий субъект (юридическое лицо или предприниматель) и физическое лицо – потребитель, такой договор является потребительским, к которому применяются положения Закона о защите прав потребителей как специальные нормы, а при их отсутствии – правила, установленные нормами коммерческого права, а в отсутствие таковых общие правила гражданского права.

В качестве отдельного вида договора энергоснабжения можно выделить договор энергоснабжения с использованием возобновляемых источников энергии (ВИЭ). В связи с этим стоит отметить, что несмотря на включение в Федеральный закон «Об электроэнергетике» понятия возобновляемых источников энергии и закрепление их перечня, о возобновляемых источниках энергии в России стали говорить в большей степени с 2013 г., после вступления в силу Постановления Правительства РФ от 28.05.2013 № 449 «О механизме стимулирования использования возобновляемых источников энергии на оптовом рынке электрической энергии и мощности». Определенные шаги по внедрению ВИЭ предусматривает Постановление Правительства РФ от 29.08.2020 № 1298 «О вопросах стимулирования использования возобновляемых источников энергии». Также в Федеральный закон «Об электроэнергетике» внесены существенные изменения, связанные с ВИЭ, в частности, последним является Федеральный закон от 04.08.2023 № 489-ФЗ. Однако в России отсутствует закон, регулирующий данный вид энергоснабжения. При этом общий вклад нескольких десятков соответствующих проектов в общую энергетическую систему России остается

незначительным, составляя всего один процент всей российской мощности¹²⁷, что отчасти объясняется отсутствием полноценной правовой базы для их реализации. В связи с этим предлагается разработать федеральный закон, регулирующий использование ВИЭ, в том числе и в энергоснабжении, в качестве надлежащей юридической основы для развития «зеленой энергетики» в Российской Федерации.

В отличие от российского законодательства, в Сербии существует специальный Закон об использовании возобновляемых источников энергии от 2021 г.¹²⁸, что обусловлено отнесением их развития к числу энергетических приоритетов в Сербии. Соответственно Законом закрепляется положение о том, что использование энергии из возобновляемых источников отвечает общественным интересам Сербии и имеет для государства особое значение. Хотя целью данного закона является сокращение использования ископаемого топлива и увеличение использования возобновляемых источников энергии в целях защиты окружающей среды, что предусмотрено и в Стратегии развития энергетики¹²⁹, следует учитывать, что производство энергии из возобновляемых источников все-таки зависит от метеорологических и гидрологических условий и изменений климата, которые уже происходят и в Средиземноморье. В связи с этим лучшему пониманию и прогнозированию объемов производства электроэнергии из возобновляемых источников могло бы способствовать использование искусственного интеллекта и предиктивной аналитики.

¹²⁷ См.: Kozlova M., Collan M., Overland I. Russian renewable energy: regulations and outcomes // Routledge Handbook of Energy Law / eds. T. Soliman Hunter, I. Herrera Anchustegui, P. Crossley, G.M. Alvarez. New York: Routledge, 2020. P. 205, 217.

¹²⁸ См.: Закон о коришћењу обновљивих извора енергије // Службени гласник РС. 2021. № 40; 2023. № 35 (Сербский Закон об использовании возобновляемых источников энергии // Официальный вестник Республики Сербии. 2021. № 40; 2023. № 35). .

¹²⁹ Стратегија развоја енергетике Републике Србије до 2025. године са пројекцијама до 2030. године // Службени гласник РС. 2015. № 101. § 1.2 (Стратегија развития энергетики Республики Сербии до 2025 года с прогнозами до 2030 года // Официальный вестник Республики Сербии. 2015. № 101). § 1.2 .

Обобщающий вывод

Анализ субъектного состава заключаемых в сфере энергоснабжения договоров, а также обязательств договаривающихся сторон дает основания выделять две договорные модели энергоснабжения. Первая состоит в использовании договора энергоснабжения как базовой модели, отражающей общие правила снабжения энергией и энергетическими ресурсами через присоединенную сеть, и являющегося по своей правовой природе договором купли-продажи, осложненным неотъемлемым дополнительным обязательством по передаче энергии по сети. Вторая модель заключается в использовании двух договоров, один из которых, в случае непосредственного заключения потребителем договора с сетевой организацией, следует рассматривать как договор возмездного оказания услуг, а другой, заключаемый потребителем с энергоснабжающей организацией, как договор купли-продажи (поставки) энергии.

Несмотря на то, что договор энергоснабжения по своей правовой природе является договором купли-продажи и законодательно закрепляется как его разновидность, существенные особенности в каждом элементе данного договора оправдывают его уникальное место в системе гражданско-правовых договоров. Характеристики существенных условий договора, особенно энергии как его объекта, специфические черты по сравнению с «обычным» договором купли-продажи, особенности заключения, изменения и прекращения оправдывают рассмотрение договора энергоснабжения в качестве самостоятельного договора, требующего особого законодательного регулирования.

В юридической доктрине договор энергоснабжения как публичный договор считается договором присоединения в том числе из-за высокого уровня стандартизации его условий. Однако его нельзя признать таковым по российскому праву, учитывая нормативно закрепленную процедуру урегулирования разногласий сторон, включающую направление абонентом

протокола разногласий к проекту договора и его заключение гарантирующим поставщиком с учетом согласованных изменений. Возможность направления протокола разногласий не соответствует правилу ч. 1 ст. 428 ГК РФ, по которому в договоре присоединения условия могут быть приняты другой стороной не иначе как путем присоединения к предложенному договору только в целом. Речь должна идти об использовании типового договора, понятие которого целесообразно закрепить в ГК РФ, чтобы провести унификацию регулирования для различных видов энергетических ресурсов. Данный подход в сербском праве реализовать затруднительно ввиду того, что модель договора энергоснабжения с гарантирующим поставщиком не предполагает направление протокола разногласий абонентом, в силу чего он всегда является договором присоединения.

ГЛАВА 2. УСЛОВИЯ ДОГОВОРА ЭНЕРГОСНАБЖЕНИЯ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИИ И СЕРБИИ

2.1. Предмет и объект договора энергоснабжения

Все условия договора разделяются на существенные, обычные и случайные. В соответствии со статьей 432 ГК РФ законодатель выделяет как существенные следующие условия: условия о предмете договора, условия, которые в законах или иных правовых актах названы существенными или необходимыми для договоров данного вида, и все условия, о которых по воле одной из сторон должно быть достигнуто соглашение.

Предмет договора энергоснабжения как существенное условие в литературе рассматривается двояко. Первый подход подразумевает саму энергию как предмет договора энергоснабжения. Вторым подходом, который исходит из мнения Д.В. Головкиной, подразумевает предмет, который включает в себя два рода объектов: саму энергию и действия сторон по подаче, принятию и оплате энергии¹³⁰.

Сербский Закон об обязательственных отношениях приравнивает предмет договора предмету обязательства¹³¹. Из этого следовало бы, что энергия является предметом обязательства энергоснабжающей организации и одновременно предметом договора. Действия сторон представляют собой обязательства каждой из сторон (и, соответственно, права другой стороны), а энергия представляет собой предмет обязательства энергоснабжающей организации и, соответственно, предмет договора.

¹³⁰ См.: Головкина Д.В. К вопросу о правовой природе энергии как объекта договора энергоснабжения // Вестник Прикамского социального института. 2020. № 1. С. 22. См. также: Зражевская К.П., Анисимов А.В. Об особенностях договора энергоснабжения // Контентус. 2010. № 10. С. 35.

¹³¹ См.: Закон о облигационим односима. Службени лист СФРЈ. 1978. № 29; 1985. № 39; 1989. № 45, № 57; Службени лист СРЈ. 1993. № 31; Службени лист СЦГ. 2003. № 1; Службени гласник РС. 2020. № 18 (Сербский Закон об обязательственных отношениях) (ст. 46–50).

Правовая природа энергии является, может быть, самым спорным вопросом в теории энергетического права. В литературе энергия преимущественно определяется как некоторое свойство материи – способность производить полезную работу, обеспечивать выполнение различных видов технологических операций, создавать условия, необходимые для предпринимательской и иной деятельности¹³². Она рассматривается и как ценность, экономическое¹³³, важнейшее социальное¹³⁴ или общественно полезное благо¹³⁵. Однако данные определения не раскрывают правовую природу энергии, относительно которой до сих пор не существует единого мнения.

Законодательное определение энергии отсутствует. Не всегда предпринимаются и попытки определить сущность отдельных ее видов. Так, Федеральный закон «Об электроэнергетике» понятие электрической энергии не дает. Законодательное определение тепловой энергии существует, но не раскрывает ее правовую природу. Согласно ст. 2 Федерального закона «О теплоснабжении», тепловая энергия определяется как энергетический ресурс, при потреблении которого изменяются такие термодинамические параметры теплоносителей, как температура и давление. Из данного определения видно, что оно не является достаточным для определения правовой природы этого вида энергии. К тому же заметно, что тепловая энергия определяется как «энергетический ресурс», хотя мы уже отметили необходимость разграничения понятий энергии и энергетического ресурса.

Все это подчеркивает существование серьезной терминологической проблемы, существующей в области энергоснабжения, которая состоит в

¹³² См.: Брагинский М.И., Витрянский В.В. Указ. соч. С. 141; Корнеев С.М. Договор о снабжении электроэнергией между социалистическими организациями. М.: Госюриздат, 1956. С. 29.

¹³³ См.: Корнеев С.М. Договор о снабжении электроэнергией между социалистическими организациями. С. 29.

¹³⁴ См.: Згонников А.П. Указ. соч. С. 101.

¹³⁵ См.: Варламова А.Н. Указ. соч. С. 30.

несогласованности терминов в различных нормативных правовых актах. Очевидной представляется потребность в законодательном закреплении как самого понятия энергии, так и ее отдельных видов, определив тем самым их место в системе объектов гражданских прав с целью полноценной регламентации их оборота.

Основной вопрос, на который необходимо ответить в контексте правовой природы энергии, состоит в возможности признания ее вещью и (или) товаром. Очевидно, что понятия «вещь» и «товар» не являются синонимами, поскольку первое содержательно шире второго. Однако некоторые авторы отмечают, что термины «вещь» и «товар» когда-то отождествлялись, т.е. рассматривались как синонимы, но сегодня товаром являются и объекты гражданских прав, не являющиеся такой материальной частью природы, как вещи, и в этом смысле они называются «бестелесное имущество»¹³⁶. При этом законодательное определение понятия «вещь» отсутствует. Нет и общепризнанного доктринального подхода, что характерно не только для российского и сербского права, но и для других национальных правовых систем.

В сербской правовой теории вещь обычно определяется как материальная часть природы, которую можно подчинить власти человека¹³⁷. В свою очередь, товар рассматривается как продукт человеческого труда, удовлетворяющий определенные потребности человека и предназначенный для обмена на рынке, а не для личного потребления¹³⁸. В силу этого, товаром могут признаваться только те вещи, которые находятся в обороте, поскольку

¹³⁶ Тебенькова С.А. Указ. соч. С. 185.

¹³⁷ См.: Перовић С. Облигационо право. Б.: Привредна штампа, 1990 (Перович С. Обязательственное право. Б.: Привредна штампа, 1990). С. 532.

¹³⁸ См.: Васиљевић М. Трговинско право. Б: Правни факултет Универзитета у Београду, 2016 (Васильевич М. Торговое право. Б.: Юридический факультет Белградского университета, 2016). С. 75; Јанковић И. Привредно право. Б.: Службени преглед, 1996. (Јанковец И. Хозяйственное право. Б.: Службени преглед, 1996). С. 297; Станковић О., Орлић М. Стварно право. Б.: Номос, 1999 (Станкович О., Орлич М. Вещное право. Б.: Номос, 1993). С. 7.

существуют вещи, которые для обмена на рынке не предназначены и, следовательно, товаром не являются. Ряд авторов полагают, что вещь становится товаром тогда, когда имеет полезность, практическую ценность для человека и рыночную стоимость¹³⁹. Считается, что товар является материальной движимой вещью, значит, в его понятие не входят нематериальные вещи (права) и недвижимое имущество¹⁴⁰.

Источником разделения вещей на телесные (лат. *res corporales*) и бестелесные (лат. *res incorporales*) является римское право. Данное разделение до сих пор сохранилось в определенных правовых системах, принадлежащих континентально-правовой семье, базирующейся на рецепции римского права. Например, в Сербии разделение вещей законодательно не закрепляется, но в правовой теории авторы различают телесные вещи, которые можно ощутить любым органом чувств, и бестелесные, к которым относят права.¹⁴¹

Статья 128 ГК РФ относит к объектам гражданских прав не только вещи, но и иное имущество, в том числе имущественные права. Здесь, собственно, речь идет о разделении на телесные и бестелесные вещи (которое было принято в римском праве), где «вещи» означают телесные вещи, тогда как «иное имущество» (иное, чем вещи. – *Прим. автора*), по сути, представляет собой бестелесные вещи¹⁴².

В российской доктрине К.И. Скловский пишет, что вещь подразумевает любой материальный или *телесный* (*курсив автора*) объект (предмет), не

¹³⁹ См.: Бабић И. Лексикон облигационог права. Б.: Службени гласник, 2008 (Бабић И. Лексикон по обязательственному праву. Б.: Службени гласник, 2008). С. 333.

¹⁴⁰ См.: Јовановић Н., Радовић В., Радовић М. (Јованович Н., Радович В., Радович М.). Указ. соч. С. 142; (Јованович Н.). Указ. соч. С. 118; Бабић И. (Бабић И.). Указ. соч. С. 297.

¹⁴¹ См.: Например, Станковић О., Орлић М. (Станкович О., Орлич М.), Указ. соч. С. 6.

¹⁴² Маленица А. Поделе ствари и појам «ствар» у римској правној доктрини // Зборник радова Правног факултета Универзитета у Новом Саду. 2006. №. 1 (Маленица А. Разделение вещей и понятие «вещи» в римской правовой доктрине // Сборник работ Юридического факультета Университета в Новом Саде. 2006. №. 1). С. 31, 47–49.

являющийся лицом¹⁴³. С мнением К.И. Скловского согласен и Л.В. Лапач, который указывает, что в праве есть только субъект и объект, и все, что не есть субъект, есть объект, т.е. вещь¹⁴⁴. Исходя из данного высказывания, можно сказать, что, поскольку энергия не является субъектом, она является объектом, а значит, она относится к вещам. С другой стороны, П.Г. Лахно отмечает, что энергия не является вещью, поэтому она не может являться объектом права собственности, хотя имеет материальную выраженность и стоимостный диапазон¹⁴⁵. С.А. Свирков указывает, что под бестелесными вещами в римском праве (лат. *res incorporales*) понимались имущественные права, причем очевидно, что электрическая энергия и ценные бумаги обладают совершенно разной правовой природой. Следовательно, их нельзя подвести под единый правовой критерий бестелесных вещей¹⁴⁶.

Телесные вещи в сербском гражданском праве рассматриваются как материальная часть природы при соблюдении двух условий. Первое, физическое, предполагает, что эта материальная часть природы находится под контролем человека¹⁴⁷. Это значит, что энергия, находящаяся в природе в свободном состоянии, не является вещью, поскольку не подчинена человеческой воле¹⁴⁸. При этом не обязательно, чтобы вещь имела определенную форму и чтобы ее можно было потрогать, как того требовало

¹⁴³ См.: Скловский К.И. Собственность в гражданском праве. М.: Акад. нар. хоз-ва при Правительстве РФ: Дело. 2000. С. 428.

¹⁴⁴ См.: Лапач Л.В. Система объектов гражданских прав: теория и судебная практика. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. С. 151–152.

¹⁴⁵ См.: Городов О.А., Романова В.В. Рецензия на книгу «Энергетическое право России и Германии: сравнительно-правовое исследование» / под ред. П.Г. Лахно, Ф.Ю. Зеккера. М.: Изд. группа «Юрист», 2011. 1076 с. // Вестник Санкт-Петербургского университета: Право. 2011. № 2. С. 109; Лахно П.Г., Зеккер Ф.Ю. Энергетическое право России и Германии: сравнительно-правовое исследование. М.: Юрист, 2011. С. 86.

¹⁴⁶ См.: Свирков С.А. Договорные обязательства в электроэнергетике. М.: Статут, 2006. С. 46.

¹⁴⁷ См.: Станковић О., Орлић М. (Станкович О., Орлич М.). Указ. соч. С. 6.

¹⁴⁸ Там же; Бабић И. (Бабич И.). Указ. соч. С. 355.

римское право¹⁴⁹. Второе условие, правовое, заключается в том, что над частью материальной природы, находящейся под контролем человека, установлено право собственности или какое-либо другое вещное право, а следовательно, она включена в гражданский оборот¹⁵⁰.

Электрическая энергия соответствует обоим вышеуказанным условиям, представляя собой телесную движимую вещь, которая находится в гражданско-правовом обороте. В сербских законах четко не указывается, является ли энергия товаром, хотя Закон об энергетике оперирует такими терминами как «покупатель», «купля», «продажа», «торги на рынках электроэнергии» и т.п. (ст. 2), что предполагает рассмотрение энергии в этом качестве. В сербской правовой теории подчеркивается, что электрическая энергия и аналогичные виды энергии включены в понятие товара¹⁵¹, учитывая, что они представляют собой «продукт человеческого труда» (электроэнергия в свободном состоянии в природе не рассматривается), не изъятый из оборота. При этом речь идет об «особо важном товаре», следовательно, договор купли-продажи должен быть заключен в письменной форме¹⁵². Сербские авторы также указывают, что энергия является специфическим (лат. *sui generis*) товаром, имея в виду физические характеристики и невозможность ее хранения¹⁵³.

В большинстве случаев движимые вещи, находящиеся в обращении,

¹⁴⁹ См.: Станковић О., Орлић М. (Станкович О., Орлич М.). Указ. соч. С. 6.

¹⁵⁰ Там же.

¹⁵¹ См.: Капор В., Царић С. Уговори робног промета. Б.: Научна књига, 1990 (Капор В., Царич С. Договоры товарооборота. Б.: Научная книга, 1990). С. 107.

¹⁵² См.: Закон о енергетици // Службени гласник РС. 2014. № 145; 2018. № 95; 2021. № 40; 2023. № 35; 2023. № 62; 2024. № 94 (Сербский Закон об энергетике) (ст. 187, 190 ч. 4); Јовановић Н., Радовић В., Радовић М. (Јованович Н., Радович В., Радович М.). Указ. соч. С. 132.

¹⁵³ См.: Вујовић Д. Уговор о продаји електричне енергије // Право енергетике: зборник радова / ур. Б. Лепотић Ковачевић. Б.: Универзитет у Београду – Правни факултет, 2005 (Вуйович Д. Договор купли-продажи электрической энергии // Право энергетике: сборник работ / под науч. ред. Б. Лепотич Ковачевич. Б.: Университет в Белграде – Юридический факультет, 2005). С. 550, 557–558.

одновременно являются товаром, но и в этом случае полного совпадения нет, поскольку таковыми признаются предметы, в которые вложен определенный человеческий труд. Безусловно, в обороте существуют вещи, которые не представляют собой товар до тех пор, пока не являются продуктом человеческого труда, предназначенным для обмена на рынке (например, бриллиант, найденный в природе в естественном состоянии, т.е. в неотшлифованном виде, является вещью, но не является товаром)¹⁵⁴.

Для сравнения и формирования полной картины соотношения категорий вещи и товара рассмотрим данные понятия в других правовых системах. В американском праве объектом договора купли-продажи является товар, представляющий собой движимую вещь в момент определения в качестве объекта договора купли-продажи¹⁵⁵. Чаще всего объектом договора купли-продажи являются телесные вещи (англ. *tangible*). При этом электрическая энергия, природный газ или жидкости (англ. *fluid*), такие как нефть, хотя могут представлять собой товар, рассматриваются как вещи бестелесные (*intangible*)¹⁵⁶. В этом заключается разница по сравнению с сербским правом, в котором нефть, газ и электрическая энергия представляют собой физические (телесные) вещи, поскольку их можно воспринимать органами чувств. Согласно Единообразному торговому кодексу США, чтобы вещь являлась товаром, она должна быть движимой (англ. *moveable*) в тот момент, когда она определяется как объект договора купли-продажи¹⁵⁷. Следовательно, требуется, чтобы вещь была движимой, но она не обязательно должна быть осязаемой (телесной). В отличие от американского права, в немецком праве

¹⁵⁴ См.: Станковић О., Орлић М. (Станкович О., Орлич М.). Указ. соч. С. 7.

¹⁵⁵ См.: US Uniform Commercial Code // URL: <https://www.law.cornell.edu/ucc/2/2-105>.

¹⁵⁶ См.: Anderson R.A., Fox I., Twomey D.P. Business Law. С.: South-Western Publishing Co, 1987. P. 442.

¹⁵⁷ См.: US Uniform Commercial Code // URL: <https://www.law.cornell.edu/ucc/2/2-105>.

понятие вещи включает в себя только телесные вещи (§ 90 ГГУ)¹⁵⁸, которые и признаются объектом договора купли-продажи согласно § 433 ГГУ.

В российском праве в определении понятия и правовой природы электрической энергии в основном выделяются четыре теории: вещная, обязательственная, смешанная и автономная.

Сторонники *вещной теории* считают, что электроэнергия является вещью (товаром)¹⁵⁹, что следует из формулировки ст. 3 Федерального закона «Об электроэнергетике», в соответствии с которой электрическая энергия является «особым товаром». В юридической литературе также указывается, что электрическая энергия представляет собой особый, специфический товар (отличающийся от «обычных», «обыкновенных» товаров)¹⁶⁰, имеющий следующие специфические характеристики: невозможность хранения (сбережения) электроэнергии в больших количествах, особенно невозможность ее хранения на складе подобно другим товарам; единство (неразрывность) процессов производства, транспортировки (передачи) и потребления; необходимость непрерывного снабжения потребителей; зависимость объема производства энергии исключительно от потребителей и невозможность увеличения объема производства по желанию производителя; необходимость оценки объемов производства и потребления энергии не только, например, на годовом уровне (как это делается в некоторых других сферах экономики), но и оценки энергетической нагрузки в час; планирование

¹⁵⁸ См.: Bürgerliches Gesetzbuch (BGB) (Германское гражданское уложение) // URL: https://www.gesetze-im-internet.de/bgb/_90.html (§ 90).

¹⁵⁹ См.: Сергеев А.П., Толстой Ю.К. Гражданское право. Т. 2. М.: Проспект, 2005. С. 90.

¹⁶⁰ См.: Дамбаева Е.Ж. Электроэнергия как специфический товар // Известия ИГЭА. 2010. № 2. С. 78; Евтихийев М.М. Гражданско-правовой договор электроснабжения как основное правовое средство в механизме правового регулирования энергоснабжения граждан // Аграрное и земельное право. 2023. № 3. С. 101; Коровин Е.С. Регламентация понятия «электрическая энергия (мощность)» в актах международного права и решениях международных судебных инстанций // Право и политика. 2023. № 3. С. 16–17; Лукьянцева И.А. Правовая природа электроэнергии как объекта гражданских прав // Журнал российского права. 2008. № 3. С. 56.

энергопотребления на каждый день и час года с учетом времени года, климатических условий, дней недели и других факторов; передача электроэнергии, которая требует специальных технических средств и возможна только по электросети; потребление электроэнергии, которое также требует наличия специального технического оборудования (энергопринимающих устройств, измерительных приборов и средств обеспечения безопасности); необходимость реализации специальных мер безопасности; быстрая передача энергии на большие расстояния и т.д.¹⁶¹ При этом сторонники вещной теории считают, что электрическая энергия является движимым имуществом¹⁶².

Обязательственная теория подразумевает, что электрическая энергия является не вещью (товаром), а услугой или работой¹⁶³. В качестве аргумента приводятся такие свойства электрической энергии, как неосвязаемость, невозможность отделить ее от источника (генератора) и средств передачи (электросетей), неразрывность и синхронность процесса ее производства, передачи и потребления, несохраняемость.

Смешанная теория придает электрической энергии статус «смешанного объекта», который сочетает элементы как вещных, так и обязательственных прав. Электроэнергия определяется как вещь, лишенная материального субстрата, поэтому относится к категории «бестелесного имущества»¹⁶⁴.

В соответствии с *автономной теорией* электроэнергия представляет

¹⁶¹ Дамбаева Е.Ж. Указ. соч. С. 78; Лукьянцева И.А. Правовая природа электроэнергии как объекта гражданских прав. С. 56–57; Тебенькова С.А. Электрическая энергия как объект гражданских прав. Экономика и право. 2013. № 4. С. 185.

¹⁶² Шевченко Л.И. Указ. соч. С. 74; Матияшук С.В. Указ. соч. С. 99.

¹⁶³ См.: Нестолый В.Г. Договор энергоснабжения – самостоятельный институт гражданского права // Сибирский юридический вестник. 2003. № 3. С. 27; Агарков М.М. Подряд. Текст и комментарий к ст. 220–235 Гражданского кодекса. М.: Право и жизнь, 1924. С. 13.

¹⁶⁴ См.: Жанэ А.Д. Субъектный состав договора энергоснабжения // ЭЖ-Юрист. 2003. № 2. С. 7; Мурзин Д.В. Ценные бумаги – бестелесные вещи: Правовые проблемы современной теории ценных бумаг. М.: Статут, 1998. С. 67–68.

собой явление, которое имеет особую правовую природу, являясь особым объектом гражданских прав¹⁶⁵, имуществом с особым правовым режимом¹⁶⁶.

Интерес представляет и позиция тех авторов, которые считают, что электрическая энергия является товаром, но не является (телесной) вещью, так как у нее отсутствует свойство осязаемости, материальности¹⁶⁷.

Тепловая энергия имеет такие же общие характерные черты, как и электрическая энергия. Вместе с тем, можно выделить ее дополнительные характеристики, связанные с особенностями ее оборота. Прежде всего, существование и оборот такой энергии возможны только совместно с теплоносителем, в качестве которого выступают пар, вода, используемые для передачи тепловой энергии (п. 4.1 ст. 2 Федерального закона «О теплоснабжении»). Именно теплоноситель производит тепловую энергию путем эффекта отдачи тепла в пространство, в результате чего изменяются термодинамические параметры теплоносителя (температура, давление). Теплоноситель циркулирует по трубам, поступает во владение потребителя с целью получения тепловой энергии, которая передается в окружающее пространство, а теплоноситель возвращается обратно на тепловой источник¹⁶⁸. Тепловая энергия не передается как электрическая энергия, а «исходит» из заключенного в емкости теплоносителя. Оборота тепловой энергии и ее существование как объекта гражданских прав невозможно, если нет источника, проводника тепловой энергии (тепловые сети) и теплопотребляющих установок¹⁶⁹.

¹⁶⁵ См.: Витрянский В.В. Договор энергоснабжения и структура договорных связей по реализации и приобретению электроэнергии // *Хозяйство и право*. 2005. № 3. С. 36, 43; Свирков С.А. Структура договорных связей по снабжению электрической энергией. С. 15.

¹⁶⁶ См.: Лапач В.А. Указ. соч. С. 311–312; Осипчук Е.Л. Договор энергоснабжения в системе договорных отношений на рынке электрической энергии России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 18.

¹⁶⁷ См.: Головкина Д.В. Указ. соч. С. 23.

¹⁶⁸ См.: Макарова Л.А., Невзгодина Е.Л. Тепловая энергия как объект гражданских прав // *Вестник Омского университета*. Серия Право. 2020. № 2. С. 62–63.

¹⁶⁹ См.: Там же. С. 63.

Тепловая энергия законодательно определяется как энергетический ресурс, который, как следует из ст. 2 Федерального закона «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности» охватывает два понятия: 1) источник (носитель) энергии (например, нефть, газ, уголь, которые сами по себе не являются энергией, а из них энергия извлекается); и 2) вид энергии, т.е. ее форму, причем прямо указываются электрическая и тепловая энергия. Из этого можно сделать вывод о том, что ресурс по сравнению с энергией является более широким понятием, которое позволяет объединить все отрасли, традиционно рассматриваемые вместе с энергетической сферой (газовая, нефтеперерабатывающая, угольная отрасли, водоснабжение)¹⁷⁰.

Энергия является объектом договора энергоснабжения, который в 90-е гг. прошлого века был включен в главу 30 ГК РФ, регулирующую договор купли-продажи, исходя из того, что энергия относится к категории «близкой к (телесной) вещи». В период разработки проекта ГК РФ велись острые дискуссии касательно отнесения договора энергоснабжения к договору купли-продажи. В итоге было принято компромиссное решение, по которому договор энергоснабжения был включен в главу о купле-продаже, хотя специфика договора энергоснабжения не была до конца разъяснена.

Статья 128 ГК РФ не выделяет энергию в качестве самостоятельного объекта гражданских прав, в силу чего указывается, что, являясь объектом гражданских прав, она относится к категории так называемого «иного имущества» (имущественных прав. – *Прим. автора*)¹⁷¹.

Смысл отнесения тех или иных объектов к категории объектов гражданских прав заключается в том, чтобы установить для них определенный

¹⁷⁰ См.: Там же. С. 64.

¹⁷¹ См.: Головкина Д.В. Указ. соч. С. 24; Лукьянцева И.А. Правовая природа электроэнергии как объекта гражданских прав. С. 61; Лукьянцева И.А. Договор энергоснабжения: теория, законодательство и правоприменительная практика: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар: КубГАУ, 2009. С. 16.

гражданско-правовой режим и тем самым – возможность либо невозможность совершения определенных сделок с ними. Специфические черты энергии дают основание некоторым авторам внести предложение о выделении энергии в качестве самостоятельного объекта гражданских прав, упомянутых в ст. 128 ГК РФ, а также разработать на законодательном уровне ее единое понятие¹⁷².

Некоторые авторы утверждают, что энергия является «промежуточной категорией», поскольку по своей природе она находится между вещами и имущественными правами¹⁷³. В.А. Лапач называет ее «функциональным аналогом вещи», поскольку она выполняет ряд функций, присущих вещам (производственные, бытовые, функции объекта права собственности), а также «невещественным материальным объектом», так как считает, что не любой материальный объект гражданского права является вещью¹⁷⁴. Однако позиция об энергии как промежуточной категории не объясняет ее правовую сущность как объекта права.

Имущественное право относится к сфере сознания, это абстракция, продукт человеческого разума, в то время как энергия все-таки относится к сфере материи, являясь конкретным объектом материального мира. Поэтому об энергии говорят как об «ином имуществе». Некоторые авторы считают, что в отношении энергии можно говорить о «фикции вещи» и «фикции вещного эффекта договора»¹⁷⁵. В этом смысле говорится о фикционно-товарной трактовке энергии¹⁷⁶. Данный вывод вытекает из отнесения договора энергоснабжения к главе 30 ГК РФ, регулирующей куплю-продажу.

И.А. Лукьянцева указывает на то, что энергия представляет собой иное

¹⁷² См.: Макарова Л.А., Невзгодина Е.Л. Указ. соч. С. 61.

¹⁷³ См.: Лапач В.А. Указ. соч. С. 34.

¹⁷⁴ См.: Там же. С. 311–312.

¹⁷⁵ См.: Ганаева Е.Э., Айбазова Ф.У. Способы и средства защиты национальных интересов // Современный ученый. 2019. № 6. С. 201 (цит. по: Зражевская К.П., Анисимов А.В. Указ. соч. С. 37).

¹⁷⁶ См.: Макарова Л.А., Невзгодина Е.Л. Указ. соч. С. 59.

имущество по смыслу ст. 128 ГК РФ, выступая в качестве особого товара, обладающего специфическими свойствами. Это дает основание говорить о том, что энергия является объектом гражданских прав, в том числе объектом вещного права – права собственности, но не является вещью и имущественным правом¹⁷⁷.

Электроэнергию от «обычного товара» отличает невозможность возврата (в порядке реституции), поскольку она используется (потребляется) в тот же момент, когда доставляется, а правомочия в рамках права собственности (владение и распоряжение) в определенной степени ограничены (например, энергию нельзя заложить, сдать в аренду, завещать и наследовать, правовая охрана не может осуществляться с помощью тех же способов, что и охрана вещей и т.д.)¹⁷⁸. Однако, хотя электроэнергия в силу своей физической природы подразумевает несколько специфический вещно-правовой режим, она, безусловно, представляет собой объект права собственности, в отношении которого могут реализовываться отдельные правомочия (передача в собственность другого лица, потребление). Правильно утверждается, что ограничения правомочий собственника энергии носят не юридический, а фактический характер¹⁷⁹. Специфика состоит в том, что право собственности передается покупателю (потребителю) в момент ее потребления. С.В. Матияшук также считает, что к электроэнергии должен применяться правовой режим вещных прав с учетом особенностей, которые обусловлены спецификой процесса ее производства и передачи¹⁸⁰.

Дискуссия об электрической энергии как объекте права собственности

¹⁷⁷ См.: Лукьянцева И.А. Правовая природа электроэнергии как объекта гражданских прав. С. 61.

¹⁷⁸ См.: Там же. С. 56; Матияшук С.В. Указ. соч. С. 95; Зражевская К.П., Анисимов А.В. Указ. соч. С. 35–36; Макарова Л.А., Невзгодина Е.Л. Указ. соч. С. 60.

¹⁷⁹ См.: Свирков С.А. Структура договорных связей по снабжению электрической энергией. С. 16.

¹⁸⁰ См.: Матияшук С.В. Указ. соч. С. 96.

началась еще в начале XX в.¹⁸¹ и продолжается до сих пор.

Швейцарское гражданское уложение 1907 г. признавало электроэнергию объектом права собственности, и на этот специфический объект распространялся правовой режим, действующий для движимого имущества. В отличие от подхода зарубежного законодателя, И.М. Тютрюмов утверждал, что объектом права собственности могут являться лишь вещи как материальные предметы. Основной причиной невозможности отнесения не вещественных благ (таких как электрическая энергия) к объектам права собственности является отсутствие по отношению к электроэнергии права владения как одного из существенных правомочий права собственности¹⁸², подразумевающее полное господство лица над вещью. Между тем, классические правомочия владения и распоряжения по отношению к энергии нельзя осуществить. Отмечается, что энергию нельзя хранить на складах или в специальных емкостях, подобно другим товарам¹⁸³. Определенный запас и раньше возможно было хранить в аккумуляторах или батареях. Однако, как отметил С.М. Корнеев, в таком случае в аккумуляторе накапливается не электрическая, а химическая энергия, которая находится в потенциальном состоянии и способна обнаруживаться в виде электрического тока¹⁸⁴.

С юридической точки зрения кажется неважным, в каком состоянии находится энергия, если она способна обнаруживаться в виде электрического тока, так как определение физической природы и состояния энергии не влияет на определение ее правовой природы. В этом смысле Л. Эннексерус заметил, что вопрос о том, является ли определенный предмет телесным, а значит –

¹⁸¹ Там же. С. 95.

¹⁸² См.: Тютрюмов И.М. Гражданское право. Юрьев.: Тип. К. Маттисена, 1922. С. 132 (цит. по: Матиящук С.В. Указ. соч. С. 95 сн. 7).

¹⁸³ См.: Матиящук С.В. Указ. соч. С. 56.

¹⁸⁴ См.: Корнеев С.М. Указ. соч. С. 30.

вещью, решается не по учению физики, а по воззрению оборота¹⁸⁵.

К тому же аргумент о невозможности хранения электрической энергии, который использовался в середине XX в., в настоящее время уже не актуален, так как технологическое развитие привело к тому, что и электрическую энергию можно хранить в значительном количестве. Точнее, она превращается в другие виды энергии для хранения, а позже снова может превратиться в электрическую энергию. О системах хранения электрической энергии говорится, прежде всего, когда речь идет об энергии, произведенной из ВИЭ. Сербский Закон об энергетике в перечне видов энергетической деятельности указывает и на хранение электроэнергии (ст. 16 ч. 1 п. 8а), а также предусматривает, что объекты для хранения электроэнергии могут являться стратегическими энергетическими проектами (ст. 37а ч. 1 п. 2). В ст. 210а регулируется деятельность энергетического субъекта, основу деятельности которого составляет хранение электрической энергии.

Существуют и авторы, которые рассматривают электрическую энергию как услугу¹⁸⁶. Это отдельный подход (обязательственная теория), по которому энергия представляет собой определенные действия, поэтому договор энергоснабжения по своей природе необходимо квалифицировать как разновидность подряда. Данный подход появился в начале XX в., когда М.М. Агарков считал, что энергия не относится ни к праву, ни к вещи, поэтому и не является объектом гражданских прав¹⁸⁷. Причиной такого понимания энергии является ее природа, для которой характерно отсутствие «физической субстанции» (англ. *physical substance*), неосвязаемость (англ. *intangibility*), зависимость от электрической сети, невозможность обычного хранения и необходимость ее использования сразу после производства¹⁸⁸. Хотя

¹⁸⁵ Эннекцерус Л. Курс германского гражданского права. Т. 1. Пт. 2. М., 1950. С. 12 (цит. по: Матияшук С.В. Указ. соч. С. 58).

¹⁸⁶ См.: Нестолий В.Г. Указ. соч. С. 27.

¹⁸⁷ См.: Агарков М.М. Указ. соч. С. 13.

¹⁸⁸ См.: A gLAWcal comment. Electricity: a good or a service? based on: Boklan D.,

обращается внимание на то, что саму энергию невозможно обнаружить зрительно как вещь, ее присутствие в энергопринимающем устройстве все-таки легко определяется визуально¹⁸⁹.

Р. Саватье говорил о том, что энергия может быть выражена только в форме обязательства и что в отношении нее могут быть установлены только обязательственные, не вещные права, так как владение как правомочие права собственности практически невозможно по отношению к энергии¹⁹⁰. Обязательственное право представляет право потребителя требовать бесперебойного обеспечения энергией надлежащего качества¹⁹¹.

Понимание электрической энергии как услуги подробно анализировалось и разрабатывалось в американской судебной практике, в которой вопрос о том, является ли электрическая энергия товаром или услугой, является спорным, особенно в делах о банкротстве. В течение долгого времени суды в делах о банкротстве рассматривали природу электрической энергии, чтобы решить, является ли она товаром или услугой.¹⁹²

Данный вопрос имеет конкретное практическое значение. Он рассматривается в контексте привилегированных (приоритетных) требований в банкротстве (англ. *priority claims*) в отношении стоимости товаров, поставленных несостоятельному должнику в рамках его обычной деятельности за 20 дней до начала процедуры банкротства (§ 503(б)(9) Кодекса

Belova O. Trade in Electricity under WTO and EAEU law: Compatibility of Two Legal Regimes // The Journal of World Energy Law & Business. 2020. URL: [https://assets-global.website-files.com/588d870bd7a2e7e17e54a2a7/61d28e743226d46c9405d662_gLAWcal%20comment%20\(2020.1.5\).pdf](https://assets-global.website-files.com/588d870bd7a2e7e17e54a2a7/61d28e743226d46c9405d662_gLAWcal%20comment%20(2020.1.5).pdf) (дата обращения: 25.02.2024). P. 2.

¹⁸⁹ См.: Матиящук С.В. Указ. соч. С. 57.

¹⁹⁰ См.: Саватье Р. Теория обязательства. Юридический и экономический очерк. М.: Прогресс, 1972. С. 186 (цит. по: Макарова Л.А., Невзгодина Е.Л. Указ. соч. С. 60).

¹⁹¹ См.: Там же.

¹⁹² См.: Abner S.L. Bankruptcy, Professional Perspective – Electricity as ‘Good’ or a ‘Service’ under Section 503(b)(9) // Bloomberglaw. March 2003. URL: <https://www.bloomberglaw.com/external/document/X7GSQBPO000000/bankruptcy-professional-perspective-electricity-as-good-or-a-ser> (дата обращения: 25.02.2024).

США о банкротстве¹⁹³. Статус приоритетных имеют только требования, основанные на поставленных товарах, а не на оказанных услугах. Это означает, что, если электроэнергию считать товаром, кредитор будет иметь преимущества в части взыскания стоимости поставленной электроэнергии. Однако ситуация изменится, если электроэнергию считать услугой.

Анализируя практику американских судов по делам о банкротстве, видим, что до 2023 г. было вынесено шесть судебных решений, в которых суд электроэнергию счел товаром, и четыре, в которых рассматривал ее как услугу¹⁹⁴. Суды, считающие электрическую энергию товаром, подчеркивали, что она «обладает осязаемыми физическими характеристиками, так как ее можно увидеть, услышать, потрогать, почувствовать и измерить»¹⁹⁵.

Окружной суд США по округу Орегон, напротив, 3 февраля 2023 г. сделал вывод о том, что электрическая энергия является не товаром, а услугой для целей § 503 (б)(9) Кодекса о банкротстве¹⁹⁶. Эту позицию разделил и Суд по делам банкротства Южного округа Нью-Йорка, указав на то, что Кодекс о банкротстве не содержит определения товара. Он вынес решение, основываясь на том, что электрическая энергия является услугой, ориентируясь на трактовку товара, принятую в Единообразном торговом кодексе США¹⁹⁷.

¹⁹³ См.: US Bankruptcy Code // URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/11/503>.

¹⁹⁴ См.: Abner S.L. Bankruptcy, Professional Perspective – Electricity as ‘Good’ or a ‘Service’ under Section 503(b)(9) // Bloomberglaw. March 2003. URL: <https://www.bloomberglaw.com/external/document/X7GSQBPO000000/bankruptcy-professional-perspective-electricity-as-good-or-a-ser> (дата обращения: 25.02.2024).

¹⁹⁵ См.: Там же.

¹⁹⁶ См.: Судебное решение в деле: PacifiCorp v. N. Pac. Cannery & Packers, Inc. См. Abner S.L. Bankruptcy, Professional Perspective – Electricity as ‘Good’ or a ‘Service’ under Section 503(b)(9) // Bloomberglaw. March 2003. URL: <https://www.bloomberglaw.com/external/document/X7GSQBPO000000/bankruptcy-professional-perspective-electricity-as-good-or-a-ser> (дата обращения: 25.02.2024); Ramsey S.G. Does Electricity Supplied Within 20 Days of a Bankruptcy Qualify for Section 503(b)(9) Priority Status? Recent Decisions Say «No». 7 June 2023. URL: https://www.nelsonmullins.com/idea_exchange/blogs/red-zone/bankruptcy-101/does-electricity-supplied-within-20-days-of-a-bankruptcy-qualify-for-section-503-b-9-priority-status-recent-decisions-say-no (дата обращения: 25.02.2024).

¹⁹⁷ См.: Судебное решение в деле: In re Sears Holdings Corp.

Согласно ей, товаром являются «движимые вещи в момент, когда они определяются в договоре купли-продажи» (§ 2-105(1) Единообразного торгового кодекса США). Суд решил, что электроэнергия не отвечает данному требованию, так как «она не определяется до тех пор, пока не зафиксирована на счетчике, а из-за скорости, с которой электроэнергия движется по сети, и сравнительной медленности счетчика, электроэнергия потребляется до тех пор, когда происходит ее договорное определение. Следовательно, электрическая энергия не является движимой вещью в момент ее определения»¹⁹⁸. Привлеченный для участия в данном процессе в качестве эксперта Говард Скотт отметил, что «электрическая энергия движется со скоростью света, а счетчики работают гораздо медленнее» и «хотя все виды используемых электросчетчиков измеряют количество электроэнергии, прошедшей через них, они это делают только после того, когда электроэнергия потреблена»¹⁹⁹. В результате суд пришел к выводу о том, что все существующие виды используемых счетчиков не могут определить количество электроэнергии до ее потребления (что является основным условием понятия «товар» в соответствии с ЕТК). После потребления электроэнергия уже не может являться движимым имуществом в значении § 2-105 (1) ЕТК²⁰⁰. Вне производства по делу о банкротстве большинство судов, применяя § 2 ЕТК, считает, что электроэнергия не является товаром, пока находится в процессе передачи, но становится товаром после измерения, потому что только тогда становится поддающейся определению в смысле § 2²⁰¹. Все это подтверждает наличие серьезных разногласий относительно статуса электрической энергии, который остается весьма неопределенным²⁰².

¹⁹⁸ Ramsey S.G. Op. cit.

¹⁹⁹ См.: Ibid.

²⁰⁰ См.: Мишкович М. Электрическая энергия как услуга // Образование и право. 2024. № 2. С. 304.

²⁰¹ См.: Ramsey S.G. Op. cit.

²⁰² См.: Мишкович М. Электрическая энергия как услуга. С. 305.

Необходимо учитывать, что на энергетическом рынке в процессе снабжения энергией происходит определенное смешение взаимосвязанных понятий товаров и услуг. Для потребителя разделение на товар (энергию) и услугу (передачу) и отдельное ценообразование не имеет значения. Для него важен только конечный результат, который получается одновременным потреблением энергии и услуги, как в случае теплоснабжения (отопления), так и в случае электроснабжения (освещения)²⁰³. Исходя из данного замечания, существует предложение организовать оборот энергии как оборот «права потребления», как «права требования уплатившего или обязавшегося уплатить деньги покупателя»²⁰⁴.

Однако, подводя итоги вышеизложенному, можно сказать, что энергия соответствует всем условиям, позволяющим рассматривать ее как товар:

- 1) это движимая (телесная) вещь;
- 2) это вещь, находящаяся в обороте и предназначенная для обмена на рынке;
- 3) электроэнергия представляет собой продукт человеческого труда, удовлетворяющий определенные человеческие потребности. Только электрическая энергия, находящаяся в природе в свободном виде, не может являться товаром;
- 4) энергия имеет практическую ценность для человека и рыночную стоимость;
- 5) она является родовым товаром, который определяется по типу, количеству и качеству²⁰⁵;

²⁰³ См.: Макарова Л.А., Невзгодина Е.Л. Указ. соч. С. 61.

²⁰⁴ См.: Дробышев П.Ю. и др. Постатейный научно-практический комментарий к ФЗ «Об электроэнергетике» / под общ. ред. В.Ю. Синюгина. М.: Деловой экспресс, 2003. С. 27–28.

²⁰⁵ См.: В литературе указывается, что энергия не может определяться индивидуальными признаками. См.: Матияшук С.В. Указ. соч. С. 56.

б) она является объектом права собственности с определенными особенностями вещно-правового режима, которые являются последствием ее природы, т.е. физических характеристик. В договоре купли-продажи товаров происходит переход товара из собственности продавца в собственность покупателя, а то же самое происходит и в случае, когда энергия является предметом договора энергоснабжения.

В связи с этим нельзя не отметить, что ст. 2 Венской конвенции о международной купле-продаже товаров 1980 г. исключила свое применение к продаже электроэнергии. Имея в виду данный факт и то, что Конвенция применяется к международной купле-продаже *товаров (курсив автора)*, т.е. что предметом договора купли-продажи должен быть товар, чтобы Конвенция могла примениться, возникает вопрос, является ли электрическая энергия товаром в смысле Конвенции.

Венская конвенция не содержит определение товара, а в юридической теории указывается, что единого определения товара не существует²⁰⁶. Однако возможно определить значение этого термина на основе положения, регулирующего применение Конвенции²⁰⁷.

Статья 2 исключает применение Конвенции в трех видах случаев: во-первых, в зависимости от цели, для которой покупатель приобретает товар (товары, приобретаемые для личного, семейного или домашнего потребления); во-вторых, в зависимости от обстоятельств, при которых заключается договор купли-продажи, т.е. от особого способа продажи (продажа с аукциона, в порядке исполнительного производства или иным

²⁰⁶ См.: Ferrari F. Specific Topics of the CISG in the Light of Judicial Application and Scholarly Writing // Journal of Law and Commerce. 1995. № 15. P. 67; Reiley E. H. International Sales Contracts. The UN Convention and Related Transnational Law. D.: Carolina Academic Press, 2008. P. 31; Maley K. The Limits to the Conformity of Goods in the United Nations Convention on Contracts for the International Sale of Goods // International Trade and Business Law Review. 2009. № 12. P. 84.

²⁰⁷ См.: Poikela T. Conformity of Goods in the 1980 United Nations Convention on Contracts for the International Sale of Goods // Nordic Journal of Commercial Law. 2003. № 1. P. 12; Maley K. Op. cit. P. 84.

образом в силу закона); в-третьих, в зависимости от предмета договора купли-продажи (продажа фондовых бумаг, акций, обеспечительных бумаг, оборотных документов и денег, судов водного и воздушного транспорта, а также судов на воздушной подушке, *электроэнергии*)²⁰⁸.

Некоторые сербские авторы отмечают, что из этого следует, что Конвенция принимает метод отрицательного перечисления, уточняя в ст. 2, что *не является товаром*²⁰⁹. Однако кажется, что она все-таки не определяет, что не является товаром, а просто предусматривает исключение применения Конвенции к определенным видам продаж («*Настоящая Конвенция не применяется к продажам...*» – *курсив автора*). Российские цивилисты также занимают позицию о непричислении энергии к вещи в контексте Венской конвенции, так как считают, что во время принятия Конвенции электрическая энергия не рассматривалась как вещь²¹⁰.

Национальные правовые порядки определяют товар по-разному, что не подходит для определения товара по смыслу Конвенции, так как понятие товара должно толковаться автономно – самостоятельно, а не в свете понятия товара, принятого определенным национальным законодательством²¹¹.

Учитывая, что Конвенция не содержит понятие товара, правовая теория рассмотрела, какие условия должны быть соблюдены, чтобы вещь считалась

²⁰⁸ См.: NACHEM P. Article 2 CISG: Sales excluded from Convention's scope // Commentary on the UN Convention on the International Sale of Goods (CISG) (eds. Schwenzer I., Schroeter U. G.). O.: Oxford University Press, 2022. P. 60; Ferrari F. What Sources of Law for Contracts for the International Sale of Goods? Why One Has to Look Beyond the CISG // International Review of Law and Economics. 2005. № 25. P. 322; Ziegel J. S., Samson C. Report to the Uniform Law Conference of Canada on Convention on Contracts for the International Sale of Goods. 1981. URL: https://iicl.law.pace.edu/sites/default/files/bibliography/english2_0.pdf (дата обращения: 08.01.2024); Kröll S., Mistelis L., Viscasillas P.P. UN Convention on Contracts for the International Sale of Goods (CISG) – A Commentary. M.: C. H. Beck, Hart, Nomos, 2018. P. 40.

²⁰⁹ См.: Кнежевић Г., Павић В. Арбитража и АДР. Б.: Универзитет у Београду – Правни факултет, 2013 (Кнежевич Г., Павич В. Арбитраж и АДР. Б.: Универзитет в Белграде – Юридический факультет, 2013). С. 148.

²¹⁰ См.: Гаджиев Р.М., Магомедов А.Т., Багандова Э.К. Проблемы и перспективы становления правового государства в России // Современный ученый. 2019. № 6. С. 372.

²¹¹ См.: Ferrari F. Op. cit. 1995. P. 67.

товаром. Чаще всего отмечается, что товаром являются телесные движимые вещи (англ. *tangible moveable things*).²¹² Нет сомнений, что объектом договора купли–продажи, то есть товаром по смыслу Конвенции, должны являться движимые вещи (англ. *moveable things/ moveables*)²¹³. Кроме того, требуется, чтобы товар выполнил еще одно условие – осязаемость (англ. *tangibility*).²¹⁴ Однако некоторые авторы считают, что товар не всегда должен быть осязаемым, а может определяться широко, чтобы в свое понятие включить вещи независимо от их осязаемости²¹⁵. Например, вопрос о том, является ли программное обеспечение товаром, вызвал много споров, учитывая, что оно является «уникальным явлением» и его нелегко отнести к категории товара, имея в виду, что оно имеет характеристики товара, услуги, интеллектуальной собственности и нематериальных активов. Программное обеспечение обычно считается товаром, если оно передается на материальном носителе (англ. *tangible medium*), так как при таком условии соблюдается требование осязаемости, в то время как программное обеспечение, передаваемое в электронном виде, не представляет собой товар²¹⁶.

В Гаагской конвенции о единообразном законе о международной купле–продаже товаров от 1964 года (предшественница Венской конвенции) также

²¹² Honnold J. O. *Uniform Law for International Sales under the 1980 United Nations Convention*. Н.: Kluwer Law International, 1999. P. 48; Andersen C. B., Mazzotta F. G., Zeller B. *A Practitioner's Guide to the CISG*. Н, NY.: Juris Net, 2010. §1.2.2(b).

²¹³ См.: Reiley E. H. *International Sales Contracts. The UN Convention and Related Transnational Law*. D.: Carolina Academic Press, 2008. P. 31; Honnold J. O. *Op. cit.* P. 52; Andersen C. B., Mazzotta F. G., Zeller B. *Op. cit.* §1.2.2(d); Lookofsky J. M. *The 1980 United Nations Convention on Contracts for the International Sale of Goods // International Encyclopedia of Laws – Contracts* (eds. Herborts J., Blanpain R.). Н.: Kluwer Law International, 2000. P. 84.

²¹⁴ См.: Maley K. *Op.cit.* P. 84.

²¹⁵ См.: Schlechtriem P. *Article 1 // Commentary on the UN Convention on the International Sale of Goods (CISG)* (eds. Schlechtriem P., Schwenzer I.). NY.: Oxford University Press, 2010. P. 28.

²¹⁶ См.: Saidov Dj., Green S. *Software as Goods // Journal of Business Law*. 2007. Vol. 2. P. 162. Cox T. *Chaos versus Uniformity: The Divergent Views of Software in the International Community // Vindobona Journal of International Commercial Law and Arbitration*. 2000. № 4. P. 5, 8, 12.

используется термин «товар» в оригинальной английской версии²¹⁷, тогда как во французской версии используется термин «телесные движимые вещи» (фран. *objects corporels mobiliers*).²¹⁸

Не следует считать, что исключение применения Венской конвенции в определенных случаях, обозначенных в ст. 2, подразумевает, что указанные вещи не являются товаром. Возможно, они являются товаром, но Конвенция по определенным причинам исключила свое применение к продаже данных товаров²¹⁹. В ходе принятия Конвенции существовали определенные причины для исключения ее применения в международной торговле электроэнергией.

При рассмотрении данного вопроса следует обратиться к предшественнице Венской конвенции, чтобы сравнить ее правила с правилами Венской конвенции. Анализ положений Гаагской конвенции о единообразном законе о международной купле-продаже товаров 1964 г. показывает, что продажа электроэнергии была исключена и из нее (ст. 5(1)(ц)), что указывает на наличие определенных оснований для этого, воспринятых разработчиками Венской конвенции²²⁰.

Можно выделить две группы оснований для исключения применения Венской конвенции. Первое связано с преимущественным регулированием соответствующих отношений национальным законодательством, что влечет существенные различия между ними, являющиеся препятствием для

²¹⁷ См.: Гаагская конвенция о единообразном законе о международной купле-продаже товаров от 1 июля 1964 года (англ. *Convention relating to a Uniform Law on the International Sale of Goods*), известная как «ULIS». URL: <https://www.unidroit.org/instruments/international-sales/ulis-1964/> (дата обращения: 12.07.2024).

²¹⁸ См.: Diedrich F. Maintaining Uniformity in International Uniform Law via Autonomous Interpretation: Software Contracts and the CISG // *Pace International Law Review*. 1996. № 2. URL: <https://digitalcommons.pace.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1290&context=pilr> (дата обращения: 14.01.2024). P. 320.

²¹⁹ См.: Мишкович М. К вопросу о применении Венской конвенции о договорах международной купли-продажи товаров к продаже электрической энергии // *Власть закона*. 2024. № 1. С. 304.

²²⁰ См.: Там же. С. 305.

унификации. Во-вторых, из-под действия Конвенции исключаются продажи, которые заведомо имеют не международный, а внутренний (национальный) характер, в силу чего не соблюдается основное условие для ее применения, вытекающее из ст. 1²²¹.

Последнее, очевидно, неприменимо к электроэнергии из-за необходимости международного обмена энергией и существования международного энергетического рынка. Рассматривая первую причину, следует отметить, что при всей значимости национального регулирования, потребность в унификации правил купли-продажи энергии неуклонно возрастает в условиях международного энергетического обмена, потребность в котором обусловлена неравномерным распределением ресурсов, повлекшим фактическое деление стран на экспортеров и импортеров энергии и энергетических ресурсов²²². Не случайно государства, чьи хозяйствующие субъекты участвуют в этом обмене, пришли к необходимости гармонизировать некоторые правила в сфере энергетики. В таких условиях международный энергетический обмен повлиял на развитие энергетического права, и сегодня все меньше можно говорить о национальном энергетическом праве отдельной страны и все более объективно говорить о международном энергетическом праве²²³. Следовательно, первая причина для исключения применения Конвенции уже неприменима, когда речь идет о продаже электроэнергии.

Другие виды энергии в Конвенции не упомянуты. Однако в юридической теории указывается, что Конвенция распространяется на

²²¹ См.: Kröll S., Mistelis L., Viscasillas P.P. *Op. cit.* P. 40.

²²² См.: Nordtveit E. *International energy law in perspective: the relationship between national and international energy law // Routledge Handbook of Energy Law / eds. Soliman Hunter T., Herrera Anchustegui I., Crossley P., Alvarez G.M. New York: Routledge, 2020. P. 45.*

²²³ См.: Лепотић Ковачевић Б. Појам права енергетике // *Право енергетике: зборник радова / ур. Б. Лепотић Ковачевић. Београд: Универзитет у Београду – Правни факултет, 2005 (Лепотич Ковачевич Б. Понятие права энергетики // *Право энергетики: сборник работ. Б.: Университет в Белграде – Юридический факультет, 2005). С. 401.**

продажу других видов энергии – нефти и газа²²⁴. В литературе часто приводится случай из судебной практики Верховного суда Австрии, в котором суд признал Венскую конвенцию применимым правом в судебном деле о купле-продаже газа пропана²²⁵, хотя, строго говоря, нефть и газ представляют собой не энергию, а энергетические ресурсы.

Как уже выяснили в параграфе о понятии договора энергоснабжения (§ 1 первой главы диссертации), энергетические ресурсы – это источники энергии (уголь, нефть, природный газ, возобновляемые источники энергии), а энергия – это способность совершать работу (электрическая, тепловая, ядерная энергия)²²⁶.

Существуют две причины, по которым другие виды энергии и энергетические ресурсы не могут быть исключены из применения Конвенции. Во-первых, потому что ст. 2 содержит четко указанные исключения применения Конвенции, которые представляют собой закрытый перечень (лат. *numerus clausus*). По этой причине ст. 2 необходимо толковать буквально, исключая расширение сферы применения ограничений по аналогии. Во-вторых, толкование по аналогии невозможно, если это противоречит явно выраженной воле создателей Конвенции²²⁷. При принятии Конвенции предлагалось по аналогии распространить исключение и применить его и к

²²⁴ См.: Ferrari F. Op. cit. 2005. P. 324.

²²⁵ См.: Propane case, Oberster Gerichtshof (Верховный суд Австрии), решение № 10 Ob 518/95 от 6.02.1996 // URL: https://www.ris.bka.gv.at/Dokument.wxe?Abfrage=Justiz&Dokumentnummer=JJT_19960206_OGH0002_0100OB00518_9500000_000 (дата обращения: 9.01.2024).

²²⁶ См.: Лепотић Ковачевић Б. Појмови и принципи права енергетике // Право енергетике: зборник радова / ур. Б. Лепотић Ковачевић. Београд: Универзитет у Београду – Правни факултет, 2005 (Лепотич Ковачевич Б. Понятия и принципы права энергетики // Право энергетики: сборник работ. Б.: Университет в Белграде – Юридический факультет, 2005). С. 432; Maloo A. N. Is electricity a good or service? URL: <http://docs.manupatra.in/newslines/articles/Upload/988674F7-21FB-439C-8A9F-57607D2B1D92.pdf> (дата обращения: 09.01.2024).

²²⁷ См.: Kröll S., Mistelis L., Viscasillas P.P. Op. cit. P. 52.

нефти, газу и другим источникам энергии. Однако такие предложения были категорически отвергнуты²²⁸.

В качестве причины появления исключений из применения Конвенции в литературе указывается то, что договоры международной купли-продажи энергии очень подробно регулируют все необходимые вопросы, поэтому обычно не нужно обращаться к определенному применимому праву²²⁹. Однако даже подробное регулирование через закрепление в договоре всех возможных спорных моментов не означает, что Конвенцию не нужно иметь в качестве применимого права. При отсутствии Конвенции или иного применимого права, предусмотренного договором, как применимое национальное право будет применяться право, определенное коллизионными нормами²³⁰.

В официальном комментарии к проекту Венской конвенции от 1978 г. Секретариат назвал две причины для исключения ее применения к продаже электрической энергии: во-первых, во многих правовых системах энергия не считается товаром; во-вторых, международная продажа энергии сопряжена со «специфическими проблемами (англ. *unique problems*), отличными от тех, которые возникают при обычной международной продаже товаров»²³¹. Второй аргумент является оспоримым, так как существуют товары (например, газ, сырая нефть), продажа которых также подразумевает определенные специфические проблемы, несмотря на которые Венская конвенция к таким товарам все-таки применяется. Первый аргумент Секретариата важен потому, что основным условием для применения Венской конвенции, согласно ст. 1, является то, что заключенный договор должен являться договором

²²⁸ См.: Там же; NACHEM P. Op.cit. P. 73.

²²⁹ См.: Schlechtriem P. Uniform Sales Law – The UN-Convention on Contracts for the International Sale of Goods. V.: Manz, 1986. P. 31.

²³⁰ См.: Мишкович М. К вопросу о применении Венской конвенции о договорах международной купли-продажи товаров к продаже электрической энергии. С. 307.

²³¹ См.: The Secretariat Commentary on the 1978 Draft of the CISG. URL: <https://iicl.law.pace.edu/cisg/page/article-2-secretariat-commentary-closest-counterpart-official-commentary> (дата обращения: 9.01.2024), см. также: Ziegel J. S., Samson C. Op. cit.

международной купли-продажи *товаров*. В литературе также отмечается, что во многих правовых системах электроэнергия не является товаром²³². Существуют и авторы, для которых это спорный вопрос, так как сложно сказать, что энергия обладает всеми характеристиками «физического объекта»²³³. Существует также мнение, что энергия представляет собой вещь бестелесную²³⁴.

Следовательно, разные мнения о природе энергии в итоге повлияли на исключение применения Венской конвенции к ее продаже, во избежание дискуссии и неопределенности в данном вопросе²³⁵. Разная категоризация электроэнергии как предмета договора купли-продажи товаров в национальных законодательствах государств – участников Конвенции привела бы к различной квалификации договоров о продаже электроэнергии. Поэтому рабочей группой Комиссии ООН по праву международной торговли ЮНСИТРАЛ в 1977 г. было принято решение об исключении электроэнергии из материальной сферы применения Конвенции с целью предотвращения конфликтов, которые бы возникли, если бы не было такого четкого исключения ее применения²³⁶.

Исключение применения Венской конвенции к продаже электроэнергии, согласно ст. 2, не означает, что она в любом случае исключена в качестве применимого права. Договаривающиеся стороны могут в оговорке о применимом праве предусмотреть применение Венской конвенции (англ. *opting in/opt-in*), даже если ее применение в конкретном случае исключено

²³² См.: Ferrari F. Op. cit. 2005. P. 38-39; Récezi L. The Rules of the Convention Relating to its Field of Application and to its Interpretation // Working papers submitted to the Colloquium of the International Association of the Legal Science. N.Y.: Oceana Publications, 1980. P. 72.

²³³ См.: Khoo W. Article 2-5 CISG // Commentary on the International Sales Law (eds. Bianca C. M., Bonell M. J.). M.: Giuffrè, 1987. P. 34–50.

²³⁴ См.: Diedrich F. Op. cit. P. 319.

²³⁵ См.: Loewe R. The Sphere of Application of the UN Sales Convention (Presentation at the 1997 Willem C. Vis International Commercial Arbitration Moot on the CISG) // Pace International Law Review. 1998. № 10. P. 84; Honnold J.O. Op. cit. P. 52.

²³⁶ См.: Diedrich F. Op. cit. P. 319.

статьей 2. Выбор Венской конвенции в качестве применимого права вытекает из принципа автономии воли договаривающихся сторон (англ. *general rules of party autonomy*). К тому же такая возможность основана на ст. 6 Конвенции, согласно которой стороны могут исключить применение Конвенции или любого из ее положений или изменить их действие (с учетом положений ст. 12)²³⁷. Если стороны могут исключить применение Конвенции, когда условия для ее применения выполнены, нет оснований не допустить ее выбор в качестве применимого права, когда условия для ее применения не выполнены. Выбор Венской конвенции и ее применение к исключениям из ст. 2 означает фактическое игнорирование установленных ст. 2 изъятий так, что фактически игнорируется применение ст. 2 на основании ст. 6, согласно которой ее применение возможно исключить. Возможность выбора Венской конвенции в качестве применимого права на основании соглашения договаривающихся сторон даже в случае исключений из ст. 2 не оспаривается ни в теории, ни в судебной и арбитражной практике²³⁸.

Тем не менее, принимая решение о выборе Венской конвенции в качестве применимого права, следует учитывать причину исключения применения Конвенции в конкретном случае, например, идет ли речь о

²³⁷ Статья 12 Конвенции предусматривает обязательную письменную форму, если договаривающаяся сторона имеет свое местонахождение в договариваемом государстве, сделавшем заявление на основании статьи 96 Конвенции. Договаривающиеся стороны не могут отступить от настоящей статьи или изменить ее действие. Заявление на основании статьи 96 Конвенции подразумевает, что договариваемое государство, законодательство которого требует заключения или подтверждения договоров купли-продажи в письменной форме, может в любое время сделать заявление в соответствии со статьей 12 и тем самым предусмотреть обязательную письменную форму.

²³⁸ Reiley E.H. Op. cit. P. 52–55; Kröll S., Mistelis L., Viscasillas P.P. Op. cit. P. 40; Cook S.V. Practical considerations in opting-in (or not) the CISG // *Journal of Law and Commerce*. 2019–2020. № 38. P. 122.

Китайская экономическая и торговая арбитражная комиссия (англ. *China Economic and Trade Arbitration Commission – CIETAC*) применила Венскую конвенцию в качестве применимого права в одном третейском разбирательстве от 2000 г., хотя предметом договора являлись деньги, поскольку стороны предусмотрели ее применение. См.: *Souvenir coins case*. Yongping X., Weidi L. Selected Topics on the Application of the CISG in China // *Pace International Law Review*. 2008. Vol. 20. № 1. P. 75. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/46711689.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).

местонахождении договаривающихся сторон или это связано с применением обязательных (императивных) норм (англ. *mandatory law*) определенного национального права, когда выбор Венской конвенции был бы невозможен, так как выбор Конвенции повлиял бы на обязательные нормы действующего законодательства²³⁹. Это означает, что в таком случае договаривающиеся стороны не могут вносить соответствующую оговорку о применимом праве. Например, соглашение о применении Конвенции в случае потребительской продажи ограничивается императивными нормами о защите прав потребителей²⁴⁰. Следовательно, в этом случае имеет место ограничение автономии воли договаривающихся сторон.

Принимая во внимание, что принцип автономии воли регулируется применимым национальным законодательством, применяются и ограничения автономии воли, предусмотренные этим законодательством. Автономия воли не может исключить применение императивных правовых норм конкретного национального права. Имея в виду, что исключение применения Конвенции к продаже электроэнергии обосновано не императивными правилами ее продажи, а спорным характером, т.е. правовой природой электроэнергии в различных национальных правах, можно сделать вывод о том, что выбор Конвенции в качестве применимого права в случае продажи электроэнергии допускается. Поэтому П. Шлехтрием (*Peter Schlechtriem*) указывает, что стороны могут договориться о применении Венской конвенции к продажам, которые исключены из ее применения согласно ст. 2(д)-(ф): например, к «чисто внутренним» продажам, к продаже судов, ценных бумаг или *электроэнергии*²⁴¹.

²³⁹ См.: Reiley E.H. Op. cit. P. 54; Enderlein F., Mascow D. *International Sales Law*. Oceana Publications, 1992. P. 51; Ferrari F. Op. cit. 1995. P. 96.

²⁴⁰ См.: Schlechtriem P. Requirements of Application and Sphere of Applicability of the CISG // *Victoria University of Wellington Law Review*. 2005. № 4. P. 785.

²⁴¹ См.: Ibid. P. 786.

На наш взгляд, независимо от подробного регулирования того или иного вопроса в договоре, важно иметь международную конвенцию в качестве применимого права, так как даже к подробно регулируемым договорным отношениям могут применяться ее общие правила. В международной купле-продаже электрической энергии применение Венской конвенции могло бы рассматриваться как вспомогательное применимое право (англ. *subsidiary applicable law*). Это значит, что Конвенция применялась бы в отношении всех вопросов, которые не урегулированы договором, но охватываются Конвенцией. Таким образом, Венская конвенция могла бы облегчить международное торговое сотрудничество, способствовать преодолению серьезных различий в национальных правах, достижению единообразия в правовом регулировании и развитию международного энергетического права²⁴².

В российской научной литературе в качестве существенных условий договора энергоснабжения обычно выделяются предмет, *количество и качество энергии*²⁴³. Если абонентом является хозяйствующий субъект, т.е. организация, количество подаваемой абоненту энергии должно быть определено в договоре. Поэтому в таком случае количество энергии является существенным условием договора энергоснабжения. Если данное условие отсутствует, такой договор энергоснабжения будет считаться незаключенным²⁴⁴. Однако, если абонентом является гражданин, который энергию использует для бытового потребления, он вправе, т.е. энергоснабжающая организация обязана подавать энергию в необходимом ему количестве (ч. 3 ст. 541 ГК РФ). Это значит, что в случае абонента-

²⁴² См.: Мишкович М. Являются ли разные виды энергии товаром? // Сборник материалов I Международной научно-практической конференции «Энергетическое право: модели и тенденции развития» (г. Белгород, 4–5 октября 2019 г.) / отв. ред. А.В. Габов. Белгород: ИД «БелГУ», 2020. С. 233.

²⁴³ См.: Например, Осипчук Е.Л. Указ. соч. С. 23; Касаева З.Т., Джикаева Ф.З., Лолаева А.С. Указ. соч. С. 172.

²⁴⁴ См.: Касаева З.Т., Джикаева Ф.З., Лолаева А.С. Указ. соч. С. 172.

гражданина количество энергии не является определенным, а определимым, так как в момент заключения договора может отсутствовать. Такой договор все-таки считается заключенным и имеет юридическую силу.

Качество подаваемой абоненту энергии должно соответствовать требованиям, которые установлены в законодательстве РФ или предусмотрены договором энергоснабжения (ч. 1 ст. 542 ГК РФ). В Сербии требования к качеству установлены в Постановлении Правительства Сербии об условиях подачи и снабжения электроэнергией²⁴⁵. Требования к качеству подразумевают собой определенные технические регламенты и обязательные правила.

В российской судебно-арбитражной практике считается, что к существенным условиям договора энергоснабжения следует относить условие о товаре – его наименовании и количестве, так как договор энергоснабжения является разновидностью договора купли-продажи²⁴⁶. А.И. Еникеева указывает на то, что данный круг существенных условий договора энергоснабжения выведен из определения договора энергоснабжения²⁴⁷. Как существенное условие качество упоминается только в пунктах 40 и 41 Постановления Правительства РФ от 04.05.12 г. № 442 «О функционировании розничных рынков электрической энергии, полном и (или) частичном ограничении режима потребления электрической энергии», что послужило основанием для его квалификации большинством авторов в качестве существенного условия. Однако качество подаваемой энергии должно

²⁴⁵ Уредба о условима испоруке и снабдевања електричном енергијом // Службени гласник РС. 2023. № 84; 2025. № 58, № 67 (Постановление Правительства Сербии об условиях подачи и снабжения электроэнергией // Официальный вестник Республики Сербии. 2023. № 84). Ст. 77–79.

²⁴⁶ См.: Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 17 февраля 1998 г. N 30 «Обзор практики разрешения споров, связанных с договором энергоснабжения». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12010757/?ysclid=miuqkt216p865388147> (дата обращения: 06.12.2025). Пункт 1.

²⁴⁷ Еникеева А.И. Существенные условия в договоре энергоснабжения // Science Time. 2015. № 9. С. 98.

соответствовать требованиям, установленным государственными стандартами и иными обязательными правилами или предусмотренным договором энергоснабжения. Это значит, что даже если их нет в договоре, они определены законодательством. Поэтому надо сделать вывод, что качество энергии в любом случае является не существенным, а обычным условием договора энергоснабжения, из-за чего необходимо привести подзаконную нормативную правовую базу в соответствие с ГК РФ.

2.2. Стороны и содержание договора энергоснабжения

Субъектный состав договора энергоснабжения является одним из критериев для его выделения в качестве самостоятельного вида купли–продажи, а также для отграничения от договора поставки и других видов купли–продажи.²⁴⁸

Согласно ст. 539 ГК РФ, сторонами договора энергоснабжения являются энергоснабжающая организация и абонент (потребитель). Однако следует учитывать, что энергоснабжение связано с технологически сложным процессом, состоящим из нескольких этапов, включающих производство, передачу, распределение, сбыт и непосредственное потребление энергии. Поэтому необходимо иметь в виду и правовой статус других субъектов, участвующих в данном процессе: производителя энергии, энергоснабжающей организации и гарантирующего поставщика как особой разновидности энергоснабжающей организации, сетевой организации и субабонента. В сербский Закон об энергетике в 2021 г. введено еще одно понятие: покупатель – производитель энергии.

Рассмотрение данных субъектов необходимо, чтобы определить существующие между ними различия и проанализировать структуру возникающих в процессе энергоснабжения договорных связей, поскольку, как

²⁴⁸ См. Анохин В.С. Указ. соч. С. 60.

отмечается в правовой доктрине, гражданско-договорным формам в сфере производства, передачи и потребления энергии и энергетических ресурсов присуща значительная вариативность, так как в энергетической отрасли реализуется чрезвычайно широкий спектр правоотношений²⁴⁹. Соответственно, рассмотрение субъектов договорных отношений в сфере энергоснабжения и структуры возникающих между ними договорных связей необходимо для определения правовой природы и места договора энергоснабжения в системе гражданско-правовых договоров. Но предварительно необходимо отметить, что договор энергоснабжения не охватывает отношения, которые предшествуют сбыту (производство и дальнейшая передача энергии), а опосредует лишь отношения по сбыту энергии, которые регулируются договором между поставщиком и конечным потребителем²⁵⁰.

Понятие *энергоснабжающей организации* как стороны договора энергоснабжения в ГК РФ не закреплено. Сербский Закон об энергетике использует для этих целей термин «поставщик», но также не раскрывает его, ограничиваясь характеристикой гарантирующего поставщика. В литературе отмечается, что энергоснабжающая организация – это энергосбытовая организация, которая в качестве основного вида деятельности осуществляет продажу произведенной или приобретенной энергии, имеющая подключение к присоединенной сети и при этом включенная в реестр субъектов оптового рынка²⁵¹.

Сетевая организация представляет собой коммерческую организацию, оказывающую услуги по передаче электрической энергии с использованием объектов электросетевого хозяйства (п. 30 ст. 3 Федерального закона «Об электроэнергетике»).

²⁴⁹ См.: Богоненко В.А. Указ. соч. С. 145.

²⁵⁰ Символоков О.А. Развитие договорных отношений в электроэнергетике // Журнал российского права. 2017. № 10. С. 49.

²⁵¹ См.: Анохин В.С. Указ. соч. С. 58.

Абонент (потребитель) является второй договаривающейся стороной. И хотя понятие «потребитель» используется в скобках, что говорит о синонимичности используемых законодателем терминов, в ряде случаев их нельзя рассматривать как тождественные понятия. Абонент всегда является потребителем, но не каждый потребитель является абонентом, а именно: абонент может являться юридическим или физическим лицом и энергией может распоряжаться по своему усмотрению – для удовлетворения собственных нужд или для перепродажи.

В последнем случае абонент при наличии согласия энергоснабжающей организации перепродает энергию *субабоненту* (ст. 545 ГК РФ). При этом согласие абоненту является дискреционным полномочием энергоснабжающей организации, и это означает, что она вправе дать немотивированный отказ²⁵². В случае передачи энергии субабоненту потребителем является субабонент, а абонент является энергоснабжающей организацией. В данном случае возникает сложная договорная структура, включающая два вида договорных связей: договор энергоснабжения, заключенный между энергоснабжающей организацией и абонентом, не являющимся потребителем, и договор на пользование энергией, заключенный между абонентом и субабонентом, являющимся потребителем.

Покупатель – производитель энергии – это конечный потребитель, подключивший к внутренним установкам собственный объект по производству электроэнергии из возобновляемых источников энергии, причем произведенная электроэнергия используется для обеспечения собственного потребления, а излишки произведенной электроэнергии передаются в систему ее передачи и распределения (п. 34а ч. 1 ст. 2 Сербского Закона об энергетике). Такая возможность означает перспективу пересмотра отношений собственности в сфере энергетики, поскольку все больше конечных

²⁵² См.: Лукьянцева И.А. Договор энергоснабжения: теория, законодательство и правоприменительная практика. С. 22.

потребителей изначально будут являться собственниками энергии при самом ее производстве без необходимости приобретать ее у энергоснабжающей организации²⁵³.

Анализируя понятие договора энергоснабжения в ст. 539 ГК РФ, с первого взгляда можно сделать вывод о том, что цена представляет собой существенное условие договора энергоснабжения.

Однако в сербском Законе об обязательственных отношениях решение вопроса о признании цены существенным условием договора купли-продажи ставится в зависимость от статуса договаривающихся сторон. Если договор купли-продажи является «обычным» гражданско-правовым договором, который заключается между нехозяйствующими субъектами, либо только одна сторона является хозяйствующим субъектом, тогда цена является существенным условием договора. Следовательно, она должна быть определенной либо договор должен содержать достаточно данных, на основании которых ее можно определить. Если она не определена договором и является неопределимой, такой договор не имеет юридической силы, т.е. является ничтожным (ч. 1 ст. 462 сербского Закона об обязательственных отношениях). С другой стороны, если договор купли-продажи заключается между хозяйствующими субъектами, цена является не существенным, а обычным условием договора. Это означает, что цена может и отсутствовать в тексте договора, но это не влияет на его действительность. В договорах купли-продажи, которые заключают хозяйствующие субъекты, из-за быстроты заключения сделок и их массива иногда стороны не включают цену в договор, но так как законом предусмотрены правила для ее определения, такой договор все-таки имеет юридическую силу. Когда цена в таком договоре не определена и в договоре недостаточно данных, на основании которых она могла бы быть определена, покупатель обязан уплатить цену, которую продавец в момент заключения договора регулярно требовал (например, в других сделках), а при

²⁵³ См.: Heffron P.J. Op. cit. P. 72.

ее отсутствии – разумную цену (ч. 2 ст. 462 сербского Закона об обязательственных отношениях). Разумной считается текущая цена на рынке в момент заключения договора, а если ее невозможно определить, цену определяет суд с учетом всех обстоятельств конкретного случая (ч. 3 ст. 462 сербского Закона об обязательственных отношениях).

Хотя по общему правилу применяется цена, обусловленная соглашением сторон на основании принципа автономии воли, в определенных законом случаях в договорных отношениях применяются регулируемые цены (тарифы), которые устанавливают уполномоченные на то государственные органы или органы местного самоуправления (ч. 1 ст. 424 ГК РФ). Эти цены являются обязательными для договаривающихся сторон и не могут быть изменены по соглашению между ними, что является проявлением ограничения свободы договора, основания для которого дает сам ГК РФ. Подобный подход к формированию условия о цене позволяет отнести его не к существенным, а обычным условиям договора.

Государственному регулированию в электроэнергетике подлежат цены (тарифы) на электрическую энергию и услуги, которые оказываются на оптовом и розничном рынке в соответствии с Федеральным законом «Об электроэнергетике» (п. 1 ст. 23.1). Тарифы в России устанавливаются Федеральной службой по тарифам. В то же время, с 1 января 2011 г. поставка электрической энергии для всех групп потребителей, кроме населения и категорий, приравненных к нему, осуществляется по свободным ценам в полном объеме²⁵⁴.

Цены (тарифы) на электрическую и тепловую энергию, которая поставляется потребителям, состоят из суммы: 1) средней стоимости единицы электрической или тепловой энергии, которая подразумевает цену ее покупки на оптовом рынке, у иных производителей или энергосбытовых организаций и стоимость энергии собственного производства; и 2) суммарной стоимости

²⁵⁴ См.: Шевченко Л.И. Указ. соч. С. 49.

услуг по передаче энергии, по оперативно-диспетчерскому управлению и иных услуг, которые являются неотъемлемой частью процесса поставки энергии потребителям²⁵⁵.

В систему регулируемых цен (тарифов) входят: 1) регулируемые цены (тарифы) и их предельные (максимальные и минимальные) уровни на оптовом рынке; 2) регулируемые цены (тарифы) и их предельные (минимальные и максимальные) уровни на розничных рынках; 3) регулируемые цены (тарифы) и предельные (минимальные и максимальные) уровни цен на услуги, которые оказываются на оптовом и розничном рынке электрической энергии²⁵⁶. Государственному регулированию подлежит и плата за технологическое присоединение к электрической сети, а также плата за реализацию мероприятий, проводящихся сетевой организацией, чтобы обеспечить вывод объектов по производству электроэнергии из эксплуатации²⁵⁷.

Цены (тарифы) на тепловую энергию, которую теплоснабжающие организации поставляют потребителям, также являются регулируемыми (ст. 7–12 Федерального закона «О теплоснабжении»). Хотя по общему правилу в договоре теплоснабжения цена является регулируемой, в определенных случаях теплоснабжение может осуществляться по ценам, установленным по соглашению сторон. В частности, Федеральным законом «О теплоснабжении» предусмотрено, что поставка тепловой энергии, теплоносителя может осуществляться на основании долгосрочных договоров теплоснабжения, заключенных на срок более чем один год между теплоснабжающими организациями и потребителями тепловой энергии, по ценам, которые определены соглашением сторон в порядке, установленном Правительством

²⁵⁵ См.: Анохин В.С. Указ. соч. С. 69.

²⁵⁶ См.: Постановление Правительства РФ от 29.12.2011 № 1178 (ред. от 24.07.2024) «О ценообразовании в области регулируемых цен (тарифов) в электроэнергетике» (вместе с «Основами ценообразования в области регулируемых цен (тарифов) в электроэнергетике», «Правилами государственного регулирования (пересмотра, применения) цен (тарифов) в электроэнергетике») (п. 2. гл. II. п. 3).

²⁵⁷ Там же.

РФ. При этом речь идет о поставках тепловой энергии, теплоносителя в поселениях, муниципальных и городских округах, которые не относятся к ценовым зонам теплоснабжения, с целью обеспечения потребления объектами, которые в эксплуатацию введены после 1 января 2010 г. (п. 9 ст. 10 Федерального закона «О теплоснабжении»). Заключение таких возможно, если соблюдены следующие условия:

1) если заключены договоры в отношении тепловой энергии, которая произведена источниками, введенными в эксплуатацию до 1 января 2010 г., это не влечет за собой увеличение тарифов для тех потребителей, чьи объекты введены в эксплуатацию до 1 января 2010 г.;

2) если существует технологическая возможность теплоснабжения от источников тепловой энергии потребителей, являющихся сторонами договора (п. 10 ст. 10 Федерального закона «О теплоснабжении»). Данные правила предусмотрены также в Правилах организации теплоснабжения в РФ, утвержденных Постановлением Правительства РФ от 08.08.2012 № 808²⁵⁸.

В отличие от Российской Федерации, в сербском законодательстве цены на энергию, источники энергии и услуги, предоставляемые энергетическими субъектами при осуществлении энергетической деятельности, по общему правилу являются свободными, если иное не установлено Законом об энергетике (ч. 1 ст. 88 сербского Закона об энергетике). Регулируемыми являются лишь цены на электрическую энергию для конечных покупателей в рамках гарантирующего снабжения (ч. 3 ст. 88 сербского Закона об энергетике). Кроме них регулируемыми являются цены подключения к системе передачи и распределения электроэнергии, к системе транспорта и распределения природного газа, к системе транспортировки нефти и нефтепродуктов по трубопроводам, цены доступа к хранилищу природного

²⁵⁸ См.: Постановление Правительства РФ от 08.08.2012 № 808 «Об организации теплоснабжения в Российской Федерации и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации». Правила организации теплоснабжения в РФ (п. 28, 33, 135).

газа, цены на природный газ в рамках газоснабжения населения, а также цены на вспомогательные услуги (например, регулирование напряжения) (ч. 2 ст. 88 сербского Закона об энергетике).

Они определяются на основе методологии, утверждаемой Агентством по энергетике (ст. 50, ч. 1 ст. 90 Сербского Закона об энергетике), которое должно ее публиковать в «Официальном вестнике Республики Сербии». Оно было создано в соответствии с предыдущим Законом об энергетике от 2005 г. в качестве регулирующего органа, который является самостоятельным субъектом, функционально независимым от любого государственного органа, энергетических субъектов и пользователей их продукции и услуг, а также от всех других юридических и физических лиц. Агентство обладает компетенцией в области электрической энергии, природного газа, нефти и нефтепродуктов и тепловой энергии. Его задача – способствовать посредством выполнения задач, возложенных на него законом, созданию устойчивой нормативной базы для развития эффективной и устойчивой энергетической отрасли, которая станет надежной опорой для экономического развития страны. Акты о ценах в соответствующей отрасли энергетики, принятые соответствующими энергоснабжающими организациями подлежат утверждению Агентством по энергетике. Исключением являются цены на вспомогательные услуги, которые определяет само Агентство (ч. 1 ст. 92 сербского Закона об энергетике).

Цены на тепловую энергию в Сербии, так же как и в России, являются регулируемыми. Однако полномочия по утверждению методологии для определения цены на снабжение конечного покупателя тепловой энергией принадлежит Правительству Сербии. Окончательная цена, определяемая теплоснабжающей организацией на основании указанной методологии, согласуется с органом местного самоуправления (ст. 363 сербского Закона об энергетике).

Можно сделать вывод о том, что при наличии презумпции свободного ценообразования в энергоснабжении в сербском праве существует достаточно

много исключений, что дает основание рассматривать цену в качестве обычного условия договора. В договоре негарантированного электроснабжения между хозяйствующими субъектами цена является нерегулируемой, но в таком случае она тоже является обычным условием договора, так как в коммерческом договоре купли-продажи цена по закону является не существенным, а обычным условием договора.

Законом об энергетике регулируются и обязательные элементы (условия), которые должен содержать договор о снабжении конечных потребителей электрической энергией помимо существенных условий договора купли-продажи, предусмотренных Законом об обязательственных отношениях. К их числу относятся: 1) права и обязанности в отношении мощности и количества электрической энергии; 2) динамика снабжения; 3) права и обязанности поставщика и конечного покупателя в случае невыполнения обязательств и в случае временной приостановки снабжения; 4) срок, на который договор заключается, а также права и обязанности в случае прекращения договора; 5) порядок расчета и условия оплаты полученной электрической энергии; 6) способ информирования потребителя об изменении цены и других условий снабжения электрической энергией; 7) способ разрешения споров; 8) иные элементы в зависимости от специфики и вида услуг, оказываемых поставщиком (ч. 2 ст. 187 сербского Закона об энергетике).

Условия, которые согласно Закону об энергетике должен содержать договор о снабжении конечных покупателей электроэнергией, можно назвать обязательными элементами (условиями). Они не относятся к категории существенных в соответствии с Законом об обязательственных отношениях и их отсутствие не влияет на действительность договора. Последствием их невключения в договор является административная ответственность (штраф) за нарушение требований закона.

Разница между существенными и обязательными договорными условиями в сербской правовой доктрине раскрывается на примере договора

кредита, который должен содержать существенные условия, а также обязательные условия, прописанные специальным законом – Законом о защите пользователей финансовых услуг²⁵⁹. Если определенное обязательное условие не является одновременно существенным, его можно не предусматривать в договоре (например, адрес центрального банка – Народного банка Сербии)²⁶⁰. Такой договор не будет являться недействительным, но банк будет нести административно-правовую ответственность за невыполнение прописанного обязательства информирования потребителей через включение в договор всех обязательных элементов (ч. 1 ст. 72 ербского Закона о защите пользователей финансовых услуг). Административно-правовая ответственность основана на праве надзора Народного банка над деятельностью банков и утверждения (не)соблюдения законов при осуществлении их деятельности. Однако М. Васильевич отмечает, что введение законом разницы между существенными и обязательными условиями договора приводит к конфузии в рассмотрении правовых институтов²⁶¹.

Выделение категории обязательных условий наряду с понятием «существенные условия» необходимо для обособления положений договора, значимых с точки зрения законодателя для конкретизации договорных обязательств и информирования о них потребителей с целью защиты их прав и законных интересов. При этом некоторые обязательные условия могут одновременно являться и существенными. Недостатком сербского Закона об энергетике в этом плане является то, что, в отличие от Закона о защите пользователей финансовых услуг, который предусматривает

²⁵⁹ См.: Закон о заштити корисника финансијских услуга // Службени гласник РС. 2025. № 19 (Сербский Закон о защите пользователей финансовых услуг // Официальный вестник РС. 2025. № 19). Ст. 27 ().

²⁶⁰ См.: Јовановић Н., Радовић В., Радовић М. (Јованович Н., Радович В., Радович М.). Указ. соч. С. 478.

²⁶¹ См.: Васильевич М. (Васильевич М.). Указ. соч. С. 348.

административную ответственность банка (штраф) в случае невключения в договор обязательных условий, Закон об энергетике такую ответственность не предусматривает. Поэтому необходимо изменить положения об административной ответственности, предусмотренные Законом об энергетике (ст. 389–390) и предусмотреть административную ответственность поставщика, который в договоре энергоснабжения не предусмотрел все обязательные условия, требуемые законом.

Учитывая, что содержание договора в значительной мере образуют права и обязанности его сторон, необходимо дать их сравнительно-правовую характеристику.

Известно, что основной обязанностью энергоснабжающей организации является подача энергии абоненту (потребителю) через присоединенную сеть. В свою очередь, абонент должен оплатить принятую энергию, соблюдать режим потребления, предусмотренный договором, обеспечить безопасную эксплуатацию энергетических сетей, находящихся в его ведении, а также исправность используемых приборов и оборудования, связанных с потреблением энергии.

Исполнение обязанности энергоснабжающей организацией подразумевает выполнение всех требований касательно энергии как объекта договора в отношении ее количества и качества и согласованного сторонами режима подачи без несанкционированных перерывов.

Количество поданной и фактически использованной энергии определяется в соответствии с данными, установленными приборами учета (счетчиком) (ч. 1 ст. 541 ГК РФ). Договором энергоснабжения можно предусмотреть право абонента изменить количество подаваемой энергии, если он возместит расходы, понесенные энергоснабжающей организацией, чтобы обеспечить подачу энергии не в определенном договором количестве (ч. 2 ст. 541 ГК РФ). Если абонентом является гражданин, который энергию использует для бытового потребления, наличие такого права презюмируется, т.е. энергоснабжающая организация обязана подавать энергию в необходимом

ему количеству (ч. 3 ст. 541 ГК РФ).

Энергоснабжающая организация обязана подавать энергию того качества, которое установлено законодательством РФ (в том числе обязательными стандартами) или которое предусмотрено договором энергоснабжения (ч. 1 ст. 542 ГК РФ).

Исполнение обязательства подачи энергии абоненту подразумевает отсутствие перерывов в подаче, прекращения или ограничения подачи энергии (ч. 2 ст. 546). Это допускается только по соглашению сторон или в случае неудовлетворительного состояния энергетических установок абонента, удостоверенное органом государственного энергетического надзора, которое создает угрозу жизни и безопасности граждан или угрожает аварией (ч. 2 ст. 546 ГК РФ).

Абонент (потребитель) обязан оплачивать принятую энергию и соблюдать режим ее потребления, предусмотренный договором. Оплата энергии производится за фактически принятое количество энергии согласно данным учета энергии, если иное не предусмотрено договором, законом или иными правовыми актами (ч. 1 ст. 544 ГК РФ). Абонент также должен обеспечить безопасность эксплуатации энергетических сетей, находящихся в его ведении, а также исправность оборудования и приборов, связанных с потреблением энергии (ч. 1 ст. 539 ГК РФ) и обязан немедленно уведомлять энергоснабжающую организацию о неисправностях приборов учета, авариях, пожарах и иных нарушениях, которые возникают при использовании энергии (ч. 1 ст. 543 ГК РФ).

Обязанность обеспечивать безопасность и надлежащее техническое состояние энергетических сетей и приборов учета возлагается на энергоснабжающую организацию, когда абонентом является физическое лицо – гражданин, который энергию использует для бытового потребления (ч. 2 ст. 543 ГК РФ). Данное правило является логичным, имея в виду то, что гражданин не имеет ни достаточных знаний, ни необходимого оборудования для проверки надлежащего технического состояния (исправности)

энергетических сетей и приборов учета.

Двустороннеобязывающий характер рассматриваемого договора позволяет говорить о том, что обязанности одной стороны одновременно являются правами другой договаривающейся стороны. В силу этого обязанности энергоснабжающей организации подавать абоненту энергию в требуемом количестве и определенного качества без перерывов в подаче, без прекращений и ограничений корреспондирует право абонента получать такую энергию. В свою очередь, обязанность абонента оплачивать принятую энергию соотносится с правом энергоснабжающей организации требовать ее оплату. Обязанности абонента соблюдать режим потребления, предусмотренный договором, обеспечивать исправность и безопасность энергетических сетей, приборов и оборудования в его ведении корреспондирует право энергоснабжающей организации требовать выполнения данного обязательства абонента. Однако оно является обязательством энергоснабжающей организации в случае, когда абонентом является физическое лицо-гражданин.

Дополнительными правами абонента являются следующие права:

- право изменять определенное договором количество принимаемой энергии, если такая возможность предусмотрена соглашением сторон. При этом абонент должен возместить расходы энергоснабжающей организации, связанные с обеспечением подачи энергии в количестве, необусловленном договором (ч. 2 ст. 541 ГК РФ);
- право абонента-гражданина использовать энергию для бытового потребления в необходимом ему количестве (ч. 3 ст. 541 ГК РФ);
- право отказаться от оплаты энергии, которая по качеству не соответствует установленным законодательством или договором требованиям (ч. 2 ст. 542 ГК РФ);
- право абонента-гражданина, который энергию использует для бытового потребления, расторгнуть договор в одностороннем порядке при

условии уведомления об этом энергоснабжающей организации и осуществлении полной оплаты использованной энергии (п. 1 ч. 1 ст. 546 ГК РФ).

В свою очередь, энергоснабжающая организация имеет право:

- требовать у абонента возместить стоимость неосновательно сэкономленного вследствие использования энергии, от оплаты которой он отказался на основании несоответствия требованиям, предъявляемым к ее качеству (ч. 2 ст. 542 ГК РФ);

- прекратить или ограничить подачу энергии абоненту по соглашению сторон, а также в случае неудовлетворительного состояния энергетических установок абонента, которое угрожает аварией или создает угрозу жизни и безопасности граждан, при условии, что этот факт удостоверен органом государственного энергетического надзора, энергоснабжающая организация предупредила абонента о перерыве в подаче, о прекращении или ограничении подачи энергии (п. 1 ч. 2 ст. 546 ГК РФ);

- прекратить или ограничить подачу энергии абоненту без согласования с ним в случае нарушения последним обязательств по оплате энергии при условии его предупреждения об этом (п. 2 ч. 2 ст. 546 ГК РФ);

- прекратить или ограничить подачу энергии абоненту без согласования с ним и без предупреждения в случае необходимости принятия неотложных мер по предотвращению или ликвидации аварии при условии, что абонент об этом немедленно уведомлен (ч. 3 ст. 546 ГК РФ);

- отказаться от исполнения договора в одностороннем порядке в случае, когда абонентом является юридическое лицо, которое существенно нарушает договор (п. 2 ч. 1 ст. 546 ГК РФ).

Более подробно взаимные права и обязанности сторон договора энергоснабжения определяются Правилами заключения договоров между потребителями (покупателями) и гарантирующими поставщиками, определенными Правилами деятельности гарантирующих поставщиков (часть

П), утвержденными Постановлением Правительства от 04.05.2012 № 442. При этом затрагиваются не только гражданско–правовые обязательства гарантирующего поставщика, но и административно–правовые аспекты его деятельности, связанные с необходимостью внедрять стандарты качества обслуживания потребителей, разработкой, размещением и опубликованием разработанных форм договора энергоснабжения и др.

Согласно ст. 11 указанных Правил, гарантирующий поставщик имеет следующие гражданско-правовые обязанности и обязанности, напрямую связанные с их выполнением:

- обязанность заключить договор энергоснабжения с любым обратившимся к нему физическим или юридическим лицом. Это означает, что заключаемый договор энергоснабжения является публичным;
- обязанность снятия и приема показаний приборов учета и обеспечения приема показаний приборов учета от потребителей способами, которые допускают возможность удаленно передавать сведения о показаниях приборов учета (например, телефон, через сеть «Интернет» и т.п.);
- обязанность выставления потребителю счетов на оплату электрической энергии таким способом, который допускает возможность удаленно их передавать (по почте, через сеть «Интернет» и т.п.);
- обязанность предоставить потребителю возможность внести плату по договору энергоснабжения различными способами, в том числе без оплаты комиссии и непосредственно гарантирующему поставщику;
- обязанность организовать службу приема обращений потребителей в связи с поставкой некачественной электрической энергии или прекращением поставки, а также организовать службу оповещения потребителей о причинах прекращения поставки или поставки некачественной электрической энергии и о планируемых сроках устранения данных нарушений. Это является гарантией защиты прав потребителей в случае подачи электрической энергии ненадлежащего качества;

- обязанность организовать прием иных обращений потребителей в адрес гарантирующего поставщика, письменно или устно, включая телефонную связь, сеть «Интернет», электронную почту, а также оперативный ответ на обращения по существу с возможностью решить вопрос потребителя за одно обращение;

- обязанность информирования потребителей путем размещения необходимой информации в центрах очного обслуживания и на официальном сайте в сети «Интернет», включая:

- документы, необходимые для заключения договора;
- формы договора энергоснабжения (раньше мы сделали вывод, что договор энергоснабжения является формулярным – типовым договором, т.е. договором, имеющим типовую форму);
- стандарты качества обслуживания потребителей и изменения внедренных стандартов;
- информацию об адресах мест, о способах, порядке и условиях внесения платежей по договору энергоснабжения;
- информацию о порядке и условиях приема показаний приборов учета и последствиях отсутствия приборов учета и вывода их из строя;
- информацию о последствиях нарушения обязательства по оплате электрической энергии в форме введения полного или частичного ограничения режима потребления электрической энергии;
- действующие тарифы, льготы, размер и порядок расчета стоимости электроэнергии;
- порядок подачи претензий, обращений и жалоб на действия гарантирующего поставщика.

В соответствии со ст. 195 сербского Закона об энергетике поставщик обязан:

- опубликовать общие условия оферты на заключение договора, т.е. уведомить покупателя удобным способом о предлагаемых условиях договора;

- на своем веб-сайте или другим подходящим способом уведомить покупателей: 1) о роли поставщика и оператора системы, к которой подключен объект покупателя, что свидетельствует о публичном характере оферты, а сам договор энергоснабжения является публичным; 2) о месте и способе предъявления возражений на расчет, коммерческие услуги поставщика и оператора системы, а также на качество и надежность электроснабжения, если они хуже уровня, определенного техническими правилами о качестве электроснабжения; данное обязательство существует с целью предоставления потребителям возможности осуществить свои права в случае невыполнения либо ненадлежащего выполнения поставщиком договорных обязательств; 3) о возможности обращения к оператору системы напрямую в случае изменения технических условий присоединения, технических проблем, связанных с подключением к системе, приборами учета и точностью показаний, низким напряжением, сбоями в сети и перерывом в электроснабжении;

- обеспечить организационное подразделение, орган или лица, имеющие соответствующий опыт работы и профессиональную квалификацию для разрешения возражений, жалоб и принятия объективных решений в установленные законом сроки;

- в разумный срок уведомить покупателя об изменении цены и других условий снабжения, а покупателя из категории бытового потребления уведомить в порядке, предусмотренном Законом о защите потребителей, за исключением случаев снижения цены и предоставления покупателю более выгодных условий снабжения, причем уведомлением считается и опубликование информации с использованием средств массовой информации, с учетом того, что покупатель имеет право расторгнуть договор энергоснабжения, если не согласен с изменением цены и изменившимися условиями;

- предложить покупателям больше способов оплаты обязательств, мер стимулирования и льгот по оплате в зависимости от предлагаемых цен, продолжительности расчетного периода, сроков исполнения обязательств и

других особенностей;

- опубликовать условия, порядок, правовые последствия и права покупателя в случае приостановления снабжения электрической энергией из-за неуплаты по договору энергоснабжения, а также причины, порядок и правовые последствия исключения объекта покупателя из системы;

- предоставить бесплатную телефонную линию для информирования и ответов на вопросы покупателей с целью получения информации об условиях и способах осуществления прав покупателей;

- в счете за электрическую энергию отдельно представить затраты на доступ к системе по регулируемым тарифам, установленные законом платежи, налоги и другие обязательства;

- информировать покупателя о потреблении электрической энергии и затратах, чтобы покупателю предоставить возможность управлять потреблением;

- предоставить возможность покупателю легко получить доступ к правилам об изменении поставщика;

- после смены поставщика выставить покупателю конечный счет не позднее чем в течение шести недель с момента смены поставщика.

Все предусмотренные законом обязанности поставщика одновременно являются правами потребителей, так как договор энергоснабжения является двусторонним.

Обобщающий вывод

Качество как условие договора энергоснабжения в подзаконных нормативных правовых актах определено как существенное. Однако в соответствии с ч. 1 ст. 542 ГК РФ качество энергии должно соответствовать требованиям, установленным государственными стандартами и иными обязательными правилами или предусмотренным договором энергоснабжения. Это значит, что даже если их нет в договоре, они определены законодательством, поэтому качество энергии не является

существенным, а обычным условием договора энергоснабжения, из-за чего необходимо подзаконную нормативную правовую базу привести в соответствие с ГК РФ

Законодательное регулирование договора энергоснабжения должно охватывать снабжение любым видом энергии и энергетического ресурса (источника энергии), если они подаются через присоединенную сеть. Целесообразно создание единой, базовой модели договора снабжения энергией и энергетическими ресурсами, которое должно быть направлено на унификацию регулирования, приведение подзаконной нормативной правовой базы в соответствие с ГК РФ, решение терминологических проблем, заключающихся в несогласованности терминологии в различных нормативных правовых актах, и на устранение пробелов в законодательстве.

Так как Венская конвенция о договорах международной купли-продажи товаров от 1980 г. исключила свое применение к продаже электрической энергии, в договорах международной купли-продажи электрической энергии сторонам рекомендуется выбирать Венскую конвенцию в качестве применимого права, чтобы преодолеть различия в правовом регулировании оборота энергии, существующие в национальных правопорядках.

ГЛАВА 3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ, ИЗМЕНЕНИЕ И РАСТОРЖЕНИЕ ДОГОВОРА ЭНЕРГОСНАБЖЕНИЯ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЕГО СТОРОН ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИИ И СЕРБИИ

3.1. Особенности заключения, изменения и расторжения договора энергоснабжения

Действующим законодательством закреплён ряд особенностей заключения договора энергоснабжения, определяющих его характеристики как публичного договора, договора присоединения либо типового договора, консенсуального договора, формального договора с возможностью упрощённого порядка заключения посредством совершения конклюдентных действий абонента, при наличии необходимых технических предпосылок для этого, что было подробно рассмотрено нами в § 2 первой главы диссертации.

Рассматривая характеристики договора энергоснабжения в главе 1 § 2 диссертации, мы подробно объяснили каждую из этих специфик заключения договора. И в российском, и в сербском праве договор энергоснабжения является публичным, так как заключается путем публичной оферты, которую может принять любое заинтересованное лицо. Это значит, что энергоснабжающая организация должна заключить договор энергоснабжения с любым обратившимся к ней лицом, если оно выполняет предпосылки для заключения договора.

В сербском праве договор энергоснабжения является договором присоединения, так как нет возможности изменить формуляр договора, в то время как в российском праве договор является «типовым», так как существует возможность изменения предоставленного образца договора через направление протокола разногласий энергоснабжающей организации. Имея в виду то, что понятия типового договора в ГК РФ нет, мы предложили разработать и законодательно урегулировать данный вид договора. В сербском праве договор энергоснабжения является формальным, хотя для его

заклучения достаточна простая письменная форма. В российском праве договор энергоснабжения также является формальным в большинстве случаев, но существует и исключение в виде возможности упрощенного порядка заключения путем конклюдентных действий абонента. В таком случае договор является неформальным.

Наличие необходимых технических предпосылок для заключения договора также является спецификой заключения договора, так как оно не произойдет без наличия у абонента технического оборудования и приборов учета. Так как их наличие предшествует заключению договора энергоснабжения, оно является предквалификацией для его заключения.

Изменение и расторжение договора энергоснабжения происходит по общим правилам гражданского права с учетом особенностей, установленных законом.

Особого внимания заслуживает реализация права на прекращение договора в одностороннем порядке. По общему правилу, оно возникает в случае существенного нарушения контрагентом обязанностей, возложенных на него законом или договором. Однако существуют специальные основания для одностороннего изменения и расторжения договора энергоснабжения. Установлен и особый порядок ограничения либо прекращения подачи электрической энергии в отношении некоторых потребителей – организаций, у которых прекращение или ограничение подачи энергии может привести к опасности для жизни людей, к тяжелым экологическим последствиям, а также в отношении медицинских организаций, организаций связи, метрополитена и т.д. Примером особого порядка ограничения подачи электрической энергии может служить и ограничение подачи электрической энергии до уровня аварийной (технологической) брони.

Значение имеет и правовой статус контрагента. Предполагается, что если абонентом является гражданин, использующий энергию для бытового потребления, он вправе расторгнуть договор энергоснабжения в одностороннем порядке при условии уведомления энергоснабжающей

организации и полной оплаты использованной энергии (ч. 1 ст. 546 ГК РФ). Прекращение договора энергоснабжающей организацией в одностороннем порядке допускается лишь в случае существенного нарушения договора контрагентом – юридическим лицом, заключающегося в неоднократном нарушении сроков оплаты поставленной энергии (ч. 3 п. 1 ст. 523 ГК РФ). Однако энергоснабжающая организация не вправе расторгнуть договор в одностороннем порядке, если в качестве абонента выступают организации, финансируемые за счет средств федерального бюджета и обеспечивающие безопасность государства, поскольку в отношении них усыновлены особые условия подачи энергии и поставок газа²⁶². В частности, теплоснабжающая организация не может ограничивать подачу тепловой энергии потребителю в пределах лимитов бюджетных обязательств, которые ему установил главный распорядитель средств федерального бюджета, в случае несвоевременного поступления платежей на его счета²⁶³.

В сербском праве правила Закона об обязательственных отношениях, регулирующие расторжение договора вследствие его нарушения, не содержат концепцию существенного нарушения договора, однако, она существует в Венской конвенции о договорах международной купли-продажи товаров (ст. 25). Разница между существенным и несущественным нарушением договора существовала в сербском Проекте Кодекса об обязательствах и договорах от 1969 г., но в итоговом варианте Закона об обязательственных отношениях от 1978 г. она не нашла отражения. Осталось только правило о том, что договор

²⁶² См.: Постановление Правительства РФ от 29.05.2002 № 364 «Об обеспечении устойчивого газо- и энергоснабжения финансируемых за счет средств федерального бюджета организаций, обеспечивающих безопасность государства» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 23. Ст. 2171.

²⁶³ См.: Особые условия подачи тепловой энергии и ее оплаты, обязательные для включения в договор теплоснабжения, заключаемый с финансируемыми за счет средств федерального бюджета организациями, обеспечивающими безопасность государства: утв. Постановлением Правительства РФ от 29.05.2002 № 364 «Об обеспечении устойчивого газо- и энергоснабжения финансируемых за счет средств федерального бюджета организаций, обеспечивающих безопасность государства» Приложение № 3 // Собрание законодательства РФ. 2002. № 23. Ст. 2171.

не может быть расторгнут вследствие неисполнения незначительной части обязательства (ст. 131 сербского Закона об обязательственных отношениях). Фактически речь идет о недопустимости расторжения договора в случае его «несущественного» нарушения.

Отсутствие четких критериев существенности нарушения договора создает предпосылки для злоупотреблений. Законодатель детализировал лишь последствия нарушения срока исполнения обязательства, указав, что договор расторгается в силу закона, если должник не выполняет обязательство в срок, установленный соглашением, для которого это условие является существенным, хотя кредитор вправе сохранить договор в силе, если по истечении установленного срока немедленно сообщит должнику, что он требует выполнения контракта (ст. 125 сербского Закона об обязательственных отношениях). Речь идет о ситуации, когда кредитору нужно получить исполнение обязательства именно в определенный момент времени, т.е. когда исполнение обязательства в другой момент времени для кредитора не имеет смысла. Для абонента – хозяйствующего субъекта исполнение договора, т.е. подача энергии в конкретный момент времени, действительно может являться существенным условием. Вместе с тем, у таких абонентов, особенно в промышленности, имеются источники бесперебойного питания (ИБП), поэтому включение в договор срока исполнения обязательства (подачи энергии) в качестве существенного условия все-таки не происходит. В силу этого правило об автоматическом расторжении договора в случае просрочки на практике не будет применяться.

Если условие о сроке не является существенным то, как следует из ч. 3 ст. 126 сербского Закона об обязательственных отношениях, должнику необходимо сначала предоставить дополнительный разумный срок для выполнения обязательства и только если должник вновь допускает просрочку договор прекращается в силу закона без дополнительного заявления кредитора. Однако природа энергии такова, что в случае прекращения ее подачи предоставление энергоснабжающей организации дополнительного

разумного срока для выполнения обязательства не имеет смысла. Подача энергии после перерыва представляла бы собой не последующее выполнение невыполненного договорного обязательства, а соответствующее выполнение по новому требованию абонента в подаче энергии. Получается, что по общим правилам сербского договорного права расторжение договора энергоснабжения невозможно как первичное правовое средство из-за необходимости предоставления дополнительного разумного срока для выполнения обязательства, а предоставление такого срока энергоснабжающей организации не имеет смысла. Таким образом, для расторжения договора на основании невыполнения договорного обязательства необходимо было бы доказать, что предоставление дополнительного разумного срока не нужно, так как понятно, что в пределах этого срока конкретное обязательство из-за прекращения подачи не будет выполнено. Такое расторжение называется антиципативным расторжением договора (ст. 128 сербского Закона об обязательственных отношениях)²⁶⁴.

Расторжение договора существует в форме смены поставщика, которая представляет собой процедуру, проводимую по заявке конечного покупателя в договоре о полном снабжении с целью определения выполнения условий прекращения снабжения действующим поставщиком и одновременно начала снабжения новым поставщиком, и подразумевает переход конечного покупателя с текущего к новому поставщику²⁶⁵. Таким образом, речь идет о расторжении договора конечным покупателем в одностороннем порядке с последующим заключением нового договора с новым поставщиком. Смена поставщика для конечного покупателя является бесплатной, а процедура смены не может длиться дольше 21 дня (трех недель) с момента подачи запроса на смену поставщика (ст. 3.2 Правил об изменении поставщика).

²⁶⁴ Јовановић Н. (Јованович Н.). Указ. соч. С. 144.

²⁶⁵ Правила о промени снабдевача // Службени гласник РС. 2015. № 65; 2017. № 10 (Правила об изменении поставщика // Официальный вестник Республики Сербии. 2015. № 65; 2017. № 10). Ст. 2 ч. 1 п. 4.

Одновременно с подачей запроса на смену поставщика конечный покупатель подает уведомление, которым прекращается договор о полном снабжении с текущим поставщиком (п. 1 ст. 5.3 Правил об изменении поставщика).

Заслуживают внимания и вопросы изменения и прекращения договора энергоснабжения в силу существенного изменения обстоятельств и форс-мажора, что является особенно значимым в условиях снабжения энергией и энергетическими ресурсами на международном энергетическом рынке.

Международная экономическая и энергетическая среда очень сложны и полны неопределенностей. Флуктуация является характерной чертой мирового и, тем самым, национального энергетического рынка. Сама передача энергии из одного географического района в другой подразумевает определенное время, в течение которого могут произойти разные изменения: изменение цены, потребности в энергии или другие обстоятельства²⁶⁶. При этом следует учитывать, что в области снабжения энергетическими ресурсами договоры международной купли-продажи нефти и газа заключаются на срок от 20 и более лет²⁶⁷, а чем более длительным является срок действия договора, тем больше риск изменения обстоятельств. В силу этого в таких договорах данный риск существует практически всегда.

Такие долгосрочные договоры особенно уязвимы к различным изменениям в международной экономической среде, в которой периодически возникают различные дестабилизирующие факторы экономического, политического, правового, технического и (или) природного характера, оказывающие существенное влияние не только на конкретные договорные отношения, но и на национальные стратегические интересы. В качестве одного из частых примеров изменения обстоятельств в течение срока действия

²⁶⁶ См.: Ковачевич А. (Ковачевич А.). Указ. соч. С. 594.

²⁶⁷ См.: Ferrario P. *The Adaptation of Long-Term Gas Sale Agreements by Arbitrators*. Kluwer Law International, 2017. P. 3; Guo P. *Good Faith in Long-Term Relational Supply Contracts in the Context of Hardship from a Comparative Perspective*. Melbourne: Springer, 2021. P. 10.

договора приводится неконтролируемый рост цен на сырую нефть, который периодически нарушает баланс в мировой экономике²⁶⁸. С другой стороны, в 2020 г. во время пандемии *COVID-19* случился нефтяной кризис, когда впервые в истории цена на нефть оказалась отрицательной.

Такие изменения, которые находятся за пределами права, могут привести к нарушению договорного равновесия и порождают вопрос о возможности решения проблемы такого договорного дисбаланса.

Подразумевается, что договаривающейся стороне нельзя позволить выйти из договорных отношений в любом случае, когда появляется обстоятельство, которое меняет экономическое равновесие в договоре, так как такая возможность представляла бы собой нарушение правовой определенности²⁶⁹. Это значит, что в договорном праве приоритет имеет принцип соблюдения договора (лат. *pacta sunt servanda* – договоры должны соблюдаться), который называется и принципом неприкосновенности договора (англ. *sanctity of contract*). Однако соблюдать данный принцип без исключений не всегда возможно, так как в определенных случаях это привело бы к несправедливому отношению к одной из договаривающихся сторон через поддержание установленного экономического неравновесия.

В литературе рассматривается вечная дилемма и конфликт между двумя важными принципами договорного права: *pacta sunt servanda* и *rebus sic stantibus*. Поэтому в долгосрочные договоры купли-продажи нефти и газа включается оговорка о пересмотре договора (англ. *renegotiation clause*) либо после определенного времени (например, спустя 7 или 10 лет после заключения договора) либо в случае определенных измененных обстоятельств²⁷⁰. В такие договоры часто включается и оговорка о

²⁶⁸ См.: Zaccaria E.C. The Effects of Changed Circumstances in International Commercial Trade // International Trade and Business Law Review. 2004. № 6. Fn. 6.

²⁶⁹ См.: Zaccaria E.C. Op. cit. P. 135.

²⁷⁰ См.: Moysidou A.E. Changed Circumstances in Oil and Gas Contracts: master thesis. Athens: University of Piraeus, 2021. P. 9.

существенном изменении обстоятельств (лат. *rebus sic stantibus*, англ. *hardship clause*)²⁷¹.

ГК РФ признает наличие существенного изменения обстоятельств в том случае, когда обстоятельства, из которых стороны исходили при заключении договора, изменились настолько, что стороны бы вообще не заключили договор или бы заключили договор на значительно отличающихся условиях, если бы могли это разумно предвидеть (ч. 2 ст. 451). Сербский Закон об обязательственных отношениях также регламентирует правовые последствия возникновения после заключения договора обстоятельств, затрудняющих выполнение обязательства одной из сторон либо влекущих невозможность достижения цели контракта до такой степени, что становится очевидным несоответствие его ожиданиям договаривающихся сторон, в силу чего, по общему мнению, было бы несправедливо сохранять его в прежнем состоянии. По общему правилу, сторона, которая из-за изменившихся обстоятельств не может достичь цели контракта может потребовать его расторжения. Однако, если она обязана была учитывать эти обстоятельства во время заключения договора или могла избежать или преодолеть их, то данное право не может быть ею реализовано (ч. 1 ст. 133 Сербского Закона об обязательственных отношениях).

Действие и значение существенного изменения обстоятельств состоит в том, что оно представляет собой основание для изменения или расторжения договора. Сначала стороны пытаются достичь либо соглашения о приведении договора в соответствие с существенно изменившимися обстоятельствами, либо соглашения о расторжении договора. Если стороны не могут достичь соглашения об изменении или расторжении договора, его можно по требованию заинтересованной стороны расторгнуть или в качестве исключения изменить в судебном порядке (ч. 2 ст. 451 ГК РФ). Подобное

²⁷¹ См.: Berger K.P., Behn D. Force Majeure and Hardship in the Age of Corona: A Historical and Comparative Study // McGill Journal of Dispute Resolution. 2019-2020. № 4. P. 82.

изменение допускается по решению суда только в случаях, когда расторжение договора противоречит общественным интересам или повлечет для сторон ущерб, который значительно превышает затраты, необходимые для исполнения договора на условиях, измененных судом (ч. 4 ст. 451 ГК РФ).

Согласно сербскому Закону об обязательственных отношениях, если стороны не согласились об изменении и расторжении договора на основании существенного изменения обстоятельств, расторжение, так же как и в России, происходит в судебном порядке (ч. 1 ст. 133). При этом оговаривается, что при принятии подобного решения суд руководствуется принципами справедливого оборота, принимая во внимание цели контракта, нормальный риск для договора соответствующего типа, общественные интересы и интересы обеих сторон (ст. 135).

Хотя закон прямо не предусматривает возможность заявления требований об изменении договора, очевидно, что договаривающаяся сторона вправе вместо расторжения требовать внесения изменений в договор. К данному выводу приходим, анализируя положение ч. 4 ст. 133 Закона об обязательственных отношениях, согласно которому договор не будет расторгнут, если другая сторона предложит или согласится на справедливое изменение соответствующих условий договора. Следовательно, если договаривающиеся стороны не могут прийти к соглашению об изменении или расторжении договора, а расторжение договора в одностороннем порядке невозможно, то обращение в суд является обязательным. Расторжение будет возможно только по решению суда на основании иска (или встречного иска) стороны договора, желающей расторгнуть договор.

Венская конвенция не содержит четких положений о существенном изменении обстоятельств. Однако ст. 79 урегулировано освобождение от договорной ответственности, которая является последствием препятствия, возникшего «вне контроля договаривающейся стороны» (англ. *beyond control*). По мнению Консультативного совета по применению Венской конвенции, препятствие «вне контроля» договаривающейся стороны не приравнивается к

ситуации, при которой исполнение договорного обязательства абсолютно невозможно. В таком случае речь шла бы о форс-мажоре. Данное препятствие толкуется не только как обстоятельство форс-мажора (непреодолимой силы), но и как существенное изменение обстоятельств, поэтому в случае изменения обстоятельств договаривающаяся сторона может сослаться на ст. 79. Это подтверждено в ряде судебных и арбитражных решений²⁷².

Принципы международных коммерческих договоров (Принципы УНИДРУА) имеют значимую роль и в сфере договоров международной купли-продажи нефти и газа²⁷³. Формально не являясь обязательными, они часто применяются как источник права, если договаривающиеся стороны в оговорке о применимом праве соглашаются на их применение либо указывают в договоре, что к возникающим на его основе отношениям будут применяться общие принципы права или международные торговые обычаи. Эти Принципы являются важным международным инструментом в международной торговле, поскольку хорошо известны и широко применяются.

В ст. 6.2.2 Принципов УНИДРУА, в отличие от Венской конвенции, дается характеристика существенного изменения обстоятельств как событий, которые существенно изменяют равновесие сторон в договоре (англ. *fundamental alteration of equilibrium of the contract*). Критерием существенности является то, что они оказывают решающее влияние (англ. *decisive change*) на выполнение договорных обязательств. В юридической

²⁷² См.: Мнение Консультативного совета по применению Венской конвенции № 7 (CISG Advisory Council Opinion Nr. 7 – Exemption of Liability for Damages under Article 79 of the CISG). URL: <https://cisgac.com/opinions/cisgac-opinion-no-7/#:~:text=Article%2079%20exempts%20a%20party,obligation%20to%20deliver%20conforming%20goods> (дата обращения: 19.07.2024). § 3.1. См. также: Мнение Консультативного совета по применению Венской конвенции № 20 (CISG Advisory Council Opinion Nr. 20 – Hardship under the CISG). URL: <https://cisgac.com/opinions/cisgac-opinion-no-20/> (дата обращения: 19.07.2024).

²⁷³ См.: Принципы международных коммерческих договоров УНИДРУА, 2016 (англ. UNIDROIT Principles of International Commercial Contracts 2016) // URL: <https://www.unidroit.org/english/principles/contracts/principles2016/principles2016-e.pdf> (дата обращения: 14.08.2023).

доктрине выражена позиция, что изменение считается существенным, когда определенное условие изменилось как минимум на 50%, в случае, когда исполнение обязательства может быть точно денежно выражено²⁷⁴. Эта позиция нашла свое отражение и в официальном комментарии к ст. 6.2.2 Принципов УНИДРУА в редакции 1994 г. Однако этот ориентир был изъят из редакции Принципов 2004 г. В силу этого в литературе существуют утверждения о том, что увеличение издержек даже в 100 или 200% *само по себе* недостаточно для констатации существенного экономического неравновесия и в каждом конкретном случае необходимо оценивать все обстоятельства, чтобы сделать вывод, является ли изменение обстоятельств существенным²⁷⁵. Впрочем, в решении Международного арбитражного суда при Международной торговой палате в Париже (англ. *ICC International Court of Arbitration*)²⁷⁶ рост цены на нефть в 300%, который произошел на мировом уровне, был достаточен, чтобы продавцу предоставить право увеличить договорную цену настолько же²⁷⁷.

Следовательно, речь идет об экономическом дисбалансе, возникающем из-за изменившихся обстоятельств, которые приравниваются к «экономическому препятствию» (англ. *economic impediment*), используемому как синоним изменившихся обстоятельств либо говорится о «существенном изменении экономических обстоятельств» (англ. *substantial change in the economic circumstances*)²⁷⁸.

²⁷⁴ См.: Mascow D. Hardship and Force Majeure // American Journal of Comparative Law. 1992. № 40. P. 662.

²⁷⁵ См.: Berger K.P., Behn D. Op. cit. P. 128.

²⁷⁶ См.: ICC Arbitral Award Nr. 2508 (1976).

²⁷⁷ См.: Barysheva N. Force Majeure in Energy Arbitration: Predicting the Unpredictable // International Commercial Arbitration Review. 2018. № 2. P. 71.

²⁷⁸ См.: Al-Emadi T. A. A. Q. The Hardship and Force Majeure Clauses in International Petroleum Joint Venture Agreements // Oxford Student Legal Research Paper Series. 2011. № 2. P. 7.

Учитывая, что существенное изменение обстоятельств в международной торговле нефтью и газом может иметь серьезные последствия, в долгосрочные договоры купли-продажи нефти и газа часто включается оговорка о существенном изменении обстоятельств²⁷⁹. Включение ее в договор рекомендуется и в Принципах УНИДРУА. Особенно обращается внимание на долгосрочные договоры, в которых целью должно являться не прекращение, а продолжение сотрудничества (статья 7.1.7).

В юридической литературе (начиная со Шмидтгофа в 1980 г.) в качестве примера оговорки о существенном изменении обстоятельств, которая часто используется в договорах купли-продажи газа, обычно приводится следующая:

«Заключая настоящее Соглашение, стороны считают, что эффекты и (или) последствия настоящего Соглашения не приведут к экономическим условиям [представляющим существенное изменение обстоятельств] для любой из них; при условии, что они будут вести себя в соответствии с разумной маркетинговой и эффективной операционной практикой. Таким образом, они соглашаются о следующем: существенное изменение обстоятельств существует, если в любое время или время от времени в течение срока действия настоящего Соглашения и не по вине какой-либо из сторон произойдет препятствующее событие или изменение обстоятельств, находящихся вне контроля указанной стороны, которая ведет себя разумно и внимательно, причем произойдет таким образом, чтобы последствия и эффекты принципиально отличались от того, что стороны предусмотрели в момент заключения настоящего Соглашения (к примеру, но не ограничиваясь экономическими последствиями и эффектами нового экономически доступного источника энергии), и приводили бы указанную сторону в ситуацию, что тогда и в предвидимом будущем все годовые затраты (включая,

²⁷⁹ См.: Davis P. Renegotiating Long-Term Energy Supply Contracts with Japanese Buyers // J.Japan.L. 2014. № 38. P. 32.

но не ограничиваясь, амортизацией и процентами), связанные с переработанным газом, являющимся предметом настоящего Соглашения, превысят годовой доход, полученный от продажи данного газа. Несмотря на действие любого другого положения настоящего Соглашения об освобождении или корректировке, сторона, которая заявляет, что находится в указанном выше положении, может путем уведомления попросить другую сторону о встрече, чтобы определить, произошло ли указанное событие, и, если произошло, согласовать, какая корректировка цены, если возможна, оправдана в данных обстоятельствах согласно настоящему Соглашению и (или) иным условиям ради справедливости по отношению к сторонам, в целях смягчения последствий и эффектов указанного события. Ценовой контроль правительства страны соответствующих покупателей, влияющий на цену природного газа на рынке, не будет считаться существенным изменением обстоятельств»²⁸⁰.

Из настоящей оговорки видно, что она не является простой, и не перечисляет события или препятствия, которые представляют собой существенное изменение обстоятельств. Описательной формулировкой охватывается разнообразие обстоятельств, которые, если происходят в ходе действия договора, будут считаться существенным изменением обстоятельств.

В долгосрочных договорах, особенно когда предметом договора является определенный специфический ресурс, трудно заменить контрагента. К тому же переговоры для заключения нового договора являются длительными и дорогими. В силу этого, как отмечается в литературе, при существенном изменении обстоятельств стороны не могут ожидать, что процесс изменения договора в целях устранения появившегося договорного

²⁸⁰ Schmitthoff C.M. Hardship and Intervener Clauses // Journal of Business Law. 1980. P. 84–85.

дисбаланса, будет несложным²⁸¹. Поэтому в таких случаях рекомендуется не прекращать договор, а попытаться восстановить экономическое равновесие²⁸². В этих условиях включение в договор оговорки о существенном изменении обстоятельств служит индикатором их готовности приспособить договор к новым обстоятельствам²⁸³.

Ввиду выраженного общего интереса в договорах в сфере энергетики, а также стратегической значимости торговли энергией и энергоресурсами, можно сделать вывод, что в договорных отношениях в сфере энергетики особое значение имеют стабильность и возможность устранения ущерба, который может быть причинен различными дестабилизирующими факторами. Допустить расторжение или изменение договора на основании изменившихся обстоятельств означает придать юридическую силу изменениям, которые происходят после заключения договора (когда между заключением договора и его исполнением проходит определенное время) и влияют на исполнение договорных обязательств. Это допустимо в целях защиты принципа равной ценности взаимных обязательств (ст. 15 Сербского Закона об обязательственных отношениях).

Сербский Закон об энергетике предусматривает обязательство поставщика в разумный срок уведомить покупателя об изменении цены и других условий снабжения, а покупателя из категории бытового потребления уведомить в соответствии с Законом о защите потребителей, за исключением случаев снижения цены и предоставления покупателю более выгодных условий снабжения. При этом уведомлением считается и опубликование информации в средствах массовой информации с учетом того, что покупатель имеет право расторгнуть договор энергоснабжения, если не согласен с изменением цены и изменившимися условиями (п. 5 ч. 1 ст. 195 Закона об

²⁸¹ См.: Al-Emadi. T.A.A.Q. Op. cit. P. 16.

²⁸² См.: Zaccaria E.C. Op. cit. P. 137.

²⁸³ Ibid.

энергетике). Таким образом законодательно предусматривается право покупателя расторгнуть договор в случае изменения цены и других условий снабжения даже если такое изменение не является существенным. При этом расторжение договора происходит во внесудебном порядке.

Необходимо разобраться с вопросом о том, когда изменение цены на нефть или газ представляет собой существенное изменение обстоятельств. Для этого необходимо разграничить договорную оговорку об изменении цены (англ. *price review clause*) и оговорку о существенном изменении обстоятельств (англ. *hardship clause*). Во-первых, на оговорку об изменении цены стороны могут ссылаться только в определенных временных интервалах, в рамках которых предусмотрено обсуждение цены сторонами, в то время как на существенное изменение обстоятельств стороны могут ссылаться всегда, когда выполнены необходимые условия. Во-вторых, оговорка о существенном изменении обстоятельств относится ко всем положениям договора, не только к изменению цены. В-третьих, оговорка о существенном изменении обстоятельств предоставляет суду больше свободы для принятия решения, чем в ситуации внесения изменений в договор на основании оговорки об изменении цены²⁸⁴. В-четвертых, оговоркой об изменении цены регулируются предсказуемые обстоятельства, а оговоркой о существенном изменении обстоятельств – непредсказуемые обстоятельства, т.е. обстоятельства, которые стороны договора не могли разумно предвидеть в моменте заключения договора²⁸⁵.

Различия в трактовке существенного изменения обстоятельств и связанных с ними последствий в национальных правовых порядках побудили Международную торговую палату сформулировать типовую (модельную) оговорку о существенном изменении обстоятельств (англ. *ICC Hardship*

²⁸⁴ См.: Davis P. Op. cit. P. 34.

²⁸⁵ См.: Мишкович М. Существенное изменение обстоятельств в договорах международной купли-продажи нефти и газа // Государственная служба. 2022. № 4. С. 38.

Clause)²⁸⁶. Она признает наличие изменения обстоятельств существенным, если выполнение договорных обязательств для договаривающейся стороны стало слишком трудным из-за событий вне ее контроля, причем не было бы разумно ожидать ни принятия во внимание данных событий в момент заключения договора, ни избегания или преодоления их последствий. Если договаривающаяся сторона доказывает наличие существенного изменения обстоятельств и ссылается на соответствующую оговорку, стороны должны в разумный срок договориться об альтернативных условиях, на которых возможно преодоление последствий таких обстоятельств (§ 2 ICC Hardship Clause, 2020).

Если договаривающиеся стороны не могут договориться об изменении условий договора, типовая оговорка предлагает предусмотреть в договоре одну из трех возможностей: 1) сторона, ссылающаяся на существенное изменение обстоятельств, имеет право расторгнуть договор в одностороннем порядке, но без согласия другой стороны не имеет права в суде требовать изменения договора (англ. *party to terminate*); 2) каждая сторона договора имеет право в суде требовать либо изменения договора для восстановления договорного равновесия, либо расторжения договора, если это является подходящим решением (англ. *judge adapt or terminate*); 3) каждая сторона договора имеет право в суде требовать расторжения договора (англ. *judge to terminate*) (§ 3 ICC Hardship Clause, 2020).

Принципы УНИДРУА предусматривают, что последствием существенного изменения обстоятельств является то, что пострадавшая сторона имеет право требовать проведения новых, т.е. повторных, переговоров с момента появления таких обстоятельств. Если одна из сторон отказывается вступить в повторные переговоры либо вступила, но они остались безуспешными, каждая из сторон может обратиться в суд. Если суд

²⁸⁶ См.: URL: <https://iccwbo.org/content/uploads/sites/3/2020/03/icc-forcemajeure-hardship-clauses-march2020.pdf> (дата обращения: 18.07.2024).

находит, что произошло существенное изменение обстоятельств, может, если это разумно, расторгнуть или изменить договор для восстановления нарушенного договорного равновесия (ст. 6.2.3 Принципов УНИДРУА).

Является ли изменение обстоятельств существенным, суд должен оценить в каждом конкретном случае. В арбитражной практике изменение цены на нефть и газ зачастую не расценивалось как существенное изменение обстоятельств. Например, Международный арбитражный суд в Париже в 1974 г. посчитал, что уменьшение цены на сырую нефть не является «драматическим изменением экономических обстоятельств», а представляет собой «обычную флуктуацию рыночной цены продукта»²⁸⁷.

В договоре можно предусмотреть и оговорку «о рыночном паритете», т.е. рыночном равенстве (англ. *market parity clause*), чтобы у договаривающихся сторон была гарантия о том, что договорная цена не будет значительно выше цены на определенном рынке²⁸⁸. Однако необходимо иметь в виду, что разница между рыночной и договорной ценой *сама по себе* недостаточна, чтобы стороны ссылались на существенное изменение обстоятельств²⁸⁹.

Для применения доктрины существенного изменения обстоятельств, необходимо выполнение условия непредсказуемости события. В комментариях к ст. 7.1.7 Принципов УНИДРУА приводится пример поставки сырой нефти из государства «Х» в течение пяти лет по твердой (фиксированной) цене, несмотря на наличие «острой политической напряженности в регионе». Через два года после заключения договора в соседних государствах начался военный конфликт, последствием которого стал мировой энергетический кризис. В результате происходящего цена на нефть значительно выросла. В Принципах УНИДРУА объясняется, что в

²⁸⁷ Moysidou A.E. Op. cit. P. 25; Barysheva N. Op. cit. P. 71.

²⁸⁸ См.: Davis P. Op. cit. P. 32.

²⁸⁹ См.: Мишкович М. Существенное изменение обстоятельств в договорах международной купли-продажи нефти и газа. С. 39.

данной ситуации необходимо считать, что рост цены на сырую нефть в таких условиях не является непредсказуемым событием, из-за чего пострадавшая сторона в договоре не может сослаться на существенное изменение обстоятельств. Невозможно говорить о непредсказуемости таких событий, как военный конфликт между государствами с «конфликтной историей», если он не является «драматичным»²⁹⁰.

Когда в договор включается оговорка о существенном изменении обстоятельств, особенно важно обратить внимание на то, как она формулируется, так как от этого может зависеть решение суда о наличии событий, квалифицируемых как существенное изменение обстоятельств. Если оговорка формулируется узко, перечисляя конкретные события, которые представляют собой существенное изменение обстоятельств, то такая оговорка должна толковаться буквально²⁹¹. Это означает, что в таком случае только перечисленные в оговорке события могут являться существенным изменением обстоятельств.

Фактически в арбитражной практике установлено, что договор нельзя изменить, когда в оговорке перечислены конкретные примеры событий, которые представляют собой существенное изменение обстоятельств, а событие, которое произошло, не входит в предусмотренный оговоркой перечень²⁹². В упомянутом случае в оговорке было написано, что при изменении валютного курса стороны обязаны начать переговоры в целях изменения договора. Цена на сырую нефть выросла больше чем на 6 франков за одну тонну, однако, арбитры сочли, что изменение цены нельзя приравнивать к изменению монетарного равновесия, так как валютный курс

²⁹⁰ См.: Fucci F.R. *Hardship and Changed Circumstances as Excuse for Non-Performance of Contracts – Practical Considerations in International Infrastructure Investment and Finance* // *Oil, Gas and Energy Law Intelligence*. 2007. № 2. P. 27.

²⁹¹ См.: Zaccaria E.C. *Op. cit.* P. 160.

²⁹² См.: ICC Arbitral Award Nr. 2478 (1974). Moysidou A.E. *Op. cit.* P. 30; Barysheva N. *Op. cit.* P. 71.

не изменился, из-за чего стороны не обязаны вести переговоры, предусмотренные оговоркой. Следовательно, изменение цены на нефть в данном случае не считалось существенным изменением обстоятельств из-за необходимости узкого толкования соответствующей оговорки.

При этом необходимо обратить внимание на то, что обязательство сторон договора провести повторные переговоры не подразумевает обязательства достичь соглашения о его изменении. Это значит, что нарушения договорного обязательства не будет, если стороны в результате переговоров не могли прийти к согласию об изменении договорных условий. Нарушением будет только принципиальный отказ сторон вести переговоры, несмотря на существующую оговорку²⁹³. Бывают ситуации, когда, несмотря на лояльные переговоры и желание пересмотреть договор, одна из договаривающихся сторон настойчиво отказывается от изменения договора²⁹⁴. Если стороны не смогли прийти к соглашению об изменении договора в соответствии с новыми условиями, договор не прекращается, кроме случая, когда именно в оговорке о существенном изменении обстоятельств как последствие безуспешных переговоров предусмотрено прекращение договора²⁹⁵.

В договорах международной купли-продажи нефти и газа рекомендуется не только предусмотреть оговорку о существенном изменении обстоятельств, но и обязательство проведения повторных переговоров для разрешения возникшей ситуации и сохранения договора, который может быть адаптирован к новым обстоятельствам, обеспечив восстановление нарушенного договорного равновесия. Целесообразно также включать в

²⁹³ Moysidou A.E. Op. cit. P. 14.

²⁹⁴ См.: Schmitthoff C.M. Op. cit. P. 88.

²⁹⁵ См.: Zaccaria E.C. Op. cit. P. 154.

договор положения о последствиях безуспешных переговоров, проводимых для изменения договора²⁹⁶.

Несомненно, для договаривающихся сторон в долгосрочном договоре в момент его заключения очень сложно предвидеть все проблемные вопросы и обстоятельства, которые могут возникнуть во время его действия, а также соответствующие механизмы для решения наступивших проблематичных ситуаций. Поэтому при формулировке оговорки о существенном изменении обстоятельств необходимо привести примеры событий, на которые можно ссылаться как на существенное изменение обстоятельств. При этом стоит придерживаться более широкого описания события, которое потенциально будет основанием для применения доктрины существенного изменения обстоятельств.

Сохранением в силе долгосрочных договоров купли-продажи нефти и газа через применение доктрины существенного изменения обстоятельств обеспечивается «гибкость» договора и достигается цель его заключения: экспортеры источников энергии получают возможность реализации решений об инвестировании и увеличений притока финансовых средств, а импортеры – надежность энергоснабжения²⁹⁷. Не случайно, по мнению многих экономистов, ключевой причиной экономической нестабильности является отсутствие доступа к стабильному энергоснабжению²⁹⁸.

В сфере энергетики влияние государства и проводимой им политики очень выражено, гораздо больше, чем в других отраслях экономики²⁹⁹, что влияет на исполнение договорных обязательств³⁰⁰. В этих условиях особенно актуальным является вопрос квалификации актов государственных органов,

²⁹⁶ См.: Al-Emadi T.A.A.Q. Op. cit. P. 17.

²⁹⁷ См.: Мишкович М. Существенное изменение обстоятельств в договорах международной купли-продажи нефти и газа. С. 40.

²⁹⁸ См.: Heffron P.J. Op. cit. P. 67.

²⁹⁹ См.: Ковачевич А. (Ковачевич А.). Указ. соч. С. 596–597.

³⁰⁰ См.: Barysheva N. Op. cit. P. 73.

которые вступают в силу в период действия долгосрочных энергетических договоров и могут существенно повлиять на (не)выполнение обязательств договаривающихся сторон.

Прежде всего, возникает вопрос о том, может ли их издание рассматриваться в качестве форс-мажора, а следовательно, основания для освобождения от исполнения договорных обязательств и договорной ответственности. Проблема заключается в том, что их правовая природа не является однозначной, поэтому нельзя сказать, что они всегда представляют собой обстоятельства непреодолимой силы

Данный вопрос рассматривался в судебной и арбитражной практике еще с 70-х годов XX в., но приобрел особую актуальность с апреля 2022 г., когда был принят Указ Президента РФ от 31.03.2022 № 172 о переходе на оплату за газ в рублях³⁰¹. Вследствие данного Указа и введенных санкций против Российской Федерации обострился уже существующий мировой энергетический кризис и возникли споры в области снабжения газом. Первое арбитражное решение было вынесено *ad hoc* арбитражем в Стокгольме 14 ноября 2022 г. по спору, возникшему между финской энергетической компанией «Газум» (*Gasum*) и российской компанией «Газпром экспорт», являющейся дочерним предприятием ПАО «Газпром». Компании заключили долгосрочный договор на поставку природного газа, срок действия которого до 31 декабря 2031 г., с оплатой в евро.

Ключевым вопросом стала возможность квалификации факта издания этого Указа в качестве обстоятельства непреодолимой силы (форс-мажора). В соответствии с ним оплата поставок природного газа, осуществляемых после 1 апреля 2022 г., производится в рублях по тем внешнеторговым договорам, заключенным с иностранными лицами, по которым поставка осуществляется в иностранные государства, совершающие «недружественные действия» в

³⁰¹ См.: Указ Президента России от 31.03.2022 № 172 «О специальном порядке исполнения иностранными покупателями обязательств перед российскими поставщиками природного газа» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 14. Ст. 2244.

отношении Российской Федерации, российских юридических и физических лиц, а также в случае, если местом регистрации иностранных лиц является такое иностранное государство (п. 1 а Указа). Кроме того, им была запрещена дальнейшая поставка природного газа иностранным лицам российским поставщиком, если срок оплаты поставленного газа наступил, и оплата иностранным покупателем не произведена, произведена частичная оплата или оплата в иностранной валюте и (или) на счет в банке, который не является уполномоченным банком в соответствии с Указом (это только «Газпромбанк»), если поставка осуществляется в государства, проводящие «недружественные действия» в отношении Российской Федерации, российских юридических и физических лиц (п. 1б).

«Газпром экспорт» потребовал у «Газума» оплату за газ в рублях в соответствии с Указом Президента РФ, а не в евро, как было предусмотрено договором. «Газум» отказался от такой оплаты и инициировал арбитраж *ad hoc* в Стокгольме. Вследствие данных обстоятельств «Газпром экспорт» остановил поставку природного газа в Финляндию в мае 2022 г. В арбитражном решении от 14 ноября 2022 г., в котором рассматривался Указ о переходе на оплату за газ в рублях, принято решение, среди прочего, по трем важным вопросам. Во-первых, «Газум» обязан выплатить «Газпром экспорту» 300 миллионов евро за уже поставленный природный газ и неисполнение обязательства «бери или плати», а также проценты за несвоевременную оплату цены. «Бери или плати» (англ. *take or pay*) – это оговорка в договоре купли-продажи (чаще всего в энергетических договорах), на основании которой покупатель обязуется купить у продавца в определенном периоде или к определенной дате заранее оговоренное количество товара (как правило, на ежегодной основе – англ. *annual contract quantity* – *ACQ*), либо, если не купит указанное количество товара, обязуется выплатить продавцу определенную

сумму³⁰². Согласно решению арбитража, платеж «Газума» «Газпром экспорту» должен быть произведен, как это предусмотрено договором, в евро. Во-вторых, арбитраж определил, что Указ о переходе на оплату за газ исключительно в рублях представляет собой форс-мажор и дает «Газуму» право расторгнуть договор. Третий вопрос, который арбитраж рассматривал, – это проведение переговоров для решения возникшей проблемы. Независимо от права «Газума» на расторжение договора арбитраж обязал договаривающиеся стороны продолжить переговоры, чтобы урегулировать данную ситуацию, особенно в связи с дальнейшими поставками природного газа³⁰³.

Договаривающиеся стороны пытались вести переговоры, чтобы решить возникшую проблему по дальнейшим поставкам и оплате газа, но не смогли урегулировать спорную ситуацию в срок, который установил состав арбитража, вследствие чего «Газум» расторг долгосрочный договор купли-продажи (поставки) природного газа с «Газпром экспортом» 22 мая 2023 г.³⁰⁴

Расторжение данного долгосрочного договора поставки природного газа привлекло особое внимание, имея в виду то, что Россия и Финляндия заключили с исторической точки зрения самые длительные договоры поставки природного газа, рассчитанные на пять десятилетий³⁰⁵. Более значимым является вопрос о том, станет ли такое решение прецедентным в условиях перехода на оплату за газ в рублях³⁰⁶.

³⁰² См.: Ferrario P. Op. cit. P. 3, 18. См. также: investopedia.com/terms/t/takeorpay.asp (дата обращения: 14.08.2023).

³⁰³ URL: <https://gazpromexport.ru/presscenter/press/2638/>; <https://www.gasum.com/en/About-gasum/for-the-media/News/2023/gasum-has-terminated-its-pipeline-natural-gas-supply-contract-with-gazprom-export/> (дата обращения: 14.08.2023).

³⁰⁴ URL: <https://www.forbes.ru/biznes/489680-finskaa-gasum-rastorgla-kontrakt-na-postavku-gaza-po-truboprovodu-s-gazpromom> (дата обращения: 14.08.2023).

³⁰⁵ URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5669769> (дата обращения: 14.08.2023).

³⁰⁶ См.: Мишкович М. Акты государственных органов как форс-мажор в договорах международной купли продажи нефти и газа // Государственная служба. 2023. № 4. С. 117.

Когда в договоре не было определения обстоятельств непреодолимой силы и не содержалась оговорка о применимом праве³⁰⁷, в арбитражной практике третейские суды применяли Принципы УНИДРУА, регулирующие вопрос о невозможности исполнения договорных обязательств,

Комментарии к ст 7.1.7 Принципов УНИДРУА содержат три примера событий и разъясняют, на какие из них договаривающиеся стороны могут ссылаться как на обстоятельства форс-мажора для освобождения от договорной ответственности.

А, производитель из страны X, продает атомную электростанцию компании В из страны Y. По условиям договора А обязуется удовлетворить все потребности станции в уране в течение десяти лет по фиксированной в этом периоде цене, выраженной в долларах США и оплачиваемой в Нью-Йорке. Происходят следующие события:

i. Пять лет спустя произошла девальвация валюты страны Y, упав до 1% ее стоимости по отношению к доллару на момент заключения договора. В не может освободиться от ответственности, так как договаривающиеся стороны распределили этот риск в договорных положениях об уплате цены.

ii. Пять лет спустя правительство страны Y ввело валютный контроль, не позволяющий В осуществлять платежи в любой валюте, кроме валюты страны Y. В освобождается от обязательства платить цену в долларах, а А имеет право расторгнуть договор на поставку урана.

iii. Пять лет спустя мировой рынок урана был дестабилизирован группой спекулянтов. Цена урана на мировом рынке увеличилась в десять раз по сравнению с договорной ценой. А не освобождается от обязательства поставки урана, так как этот риск можно было предвидеть в момент заключения договора.

³⁰⁷ См.: Например, арбитражное решение ICC № 11265 от 2003 года. См.: Barysheva N. Op. cit. P. 72.

Из данных примеров видно, что во втором примере указывается обстоятельство, которое можно считать форс-мажором. Таковым признается акт государства (государственного органа – правительства), изданием которого как обстоятельством непреодолимой силы оправдывается неисполнение договорного обязательства и признается право на расторжение договора за стороной, которая не получила исполнения.

Венская конвенция о международной купле-продаже товаров не содержит четкого положения о форс-мажоре, но содержит правило об освобождении от договорной ответственности, которая является последствием препятствия «вне контроля» (англ. *beyond control*) договаривающейся стороны (ст. 79(1)), которое в правовой доктрине и судебной практике чаще всего толкуется как обстоятельство непреодолимой силы.³⁰⁸

Акты государственных органов (указы, постановления и иные нормативные правовые акты), которыми вводится определенный запрет на исполнение договорных обязательств, во многих правовых системах могут квалифицироваться как так называемая последующая незаконность (англ. *supervening illegality*)³⁰⁹, на которую ссылается сторона, которая должна исполнить договорное обязательство. Это означает, что они представляют собой обстоятельства форс-мажора, которые освобождают от исполнения договорного обязательства, если выполнено условие непредотвратимости конкретного события.

Общепринятыми условиями, которые должны быть выполнены, чтобы определенное обстоятельство рассматривалось как форс-мажор, являются следующие: возникновение их в силу внешних, не зависящих от сторон

³⁰⁸ См.: Например, Schwenger I. Force Majeure and Hardship in International Sales Contracts // Victoria University of Wellington Law Review. 2009. № 39. P. 709–725; Garro A.M. Force Majeure and CISG Article 79: Competing Approaches and Some Drafting Advice // Drafting Contracts under the CISG (eds. Harry M. Flechtner, Ronald A. Brand, Mark S. Walter). Oxford University Press, 2007. P. 379–382.

³⁰⁹ См.: Moysidou A.E. Op. cit. P. 42.

причин, непредсказуемость, непредотвратимость (неконтролируемость) и причинно-следственная связь между конкретным событием, не позволяющим выполнить обязательство, и его неисполнением³¹⁰.

В теории и на практике часто обсуждается условие непредотвратимости события,³¹¹ и можно сказать, что оно даже является центральным условием форс-мажора. К тому же в судебной и арбитражной практике также рассматривается условие внешности события. При этом преобладающая позиция в международной арбитражной практике состоит в отказе в признании «внешнего характера» акта государственного органа, когда речь идет о выполнении договорных обязательств государственных предприятий. В частности, по одному из дел Международный арбитражный суд при Международной торговой палате посчитал, что необходимое условие «внешности» события не выполнено в случае принятия актов государственных органов, если речь идет о невыполнении договорного обязательства государственным предприятием. Соответственно, если акт государственного органа препятствует выполнению таким предприятием договорного обязательства, оно не может ссылаться на данный акт в качестве обстоятельства непреодолимой силы³¹².

Этот вопрос приобретает особое значение в области энергетики и энергоснабжения, так как сторонами в энергетических договорах часто являются государственные предприятия или организации, со значительной

³¹⁰ См.: Berger K.P., Behn D. Op. cit. P. 109–110; Brunner C. Force Majeure and Hardship under General Contract Principles. The Netherlands: Kluwer Law International, 2009. P. 108; Радишић Ј. Облигационо право. Ниш: Правни факултет Универзитета у Нишу, 2018 (Радишич Я. Обязательственное право. Ниш: Юридический факультет Университета в Нише, 2018). С. 259–260; Фишич В.А. Концепции форс-мажора и затруднений (hardship): сравнительный анализ // Юридическая наука. 2022. № 8. С. 83.

³¹¹ См.: Например, Ishida Y. Article 79: Exemption of performance, and adaptation of contract through interpretation of reasonableness – full of sound and fury, but signifying something // Pace International Law Review. 2018. № 30. P. 356, 365, 369, 373.

³¹² См.: арбитражные решения ICC № 3099 и 3100 от 30 мая 1979 г.; Berger K.P. Renegotiation and Adaptation of International Investment Contracts: The Role of Contract Drafters and Arbitrators. Vanderbilt Journal of Transnational Law. 2003. № 36. P. 1352.

долей участия государства в их уставных капиталах, позволяющей оказывать решающее воздействие на их финансово-хозяйственную деятельность. Так произошло и в случае «Газума» и «Газпром экспорта», в котором «Газпром экспорт» является публичным акционерным обществом, 38,37 % акций которого принадлежат Российской Федерации в лице Федерального агентства по управлению государственным имуществом. Несмотря на это, состав арбитража постановил, что акт государственного органа (Указ Президента РФ) представляет собой обстоятельство форс-мажора.

Однако существуют и арбитражные решения *ИСС*, в которых состав арбитража не принял доводы государственного предприятия о признании форс-мажором решения министерства энергетики (которое надзирает за этим госпредприятием) об отказе в выдаче разрешения на импорт предмета договора с иностранной компанией³¹³.

Данная арбитражная практика основана на судебном деле *Air France* и решении Кассационного суда Франции от 15 апреля 1970 г. *Air France* как государственное предприятие (с 70%-ной долей государства) ссылалось на действия Министерства общественных работ, выполняющего роль органа надзора, как на непредсказуемое и непредотвратимое «вмешательство» третьего лица, которое оправдывает невыполнение договорных обязательств. Кассационный суд Франции не принял эти доводы, объясняя, что препятствием для такого договора является связь, существующая между государством и должником. Поэтому государственное «вмешательство» не может считаться самостоятельным актом, которым допускается освобождение от исполнения договорного обязательства. В решении указывалось, что, «если бы доводы *Air France* были приняты, компаниям, подлежащим надзору (франц. *tutelle*), было бы слишком легко освободиться от своих обязательств.

³¹³ См.: Fucci F.R. Op. cit. P. 28–29. Прим.: Данные решения доступны в личном архиве упомянутого автора.

[...] Фактически в отношении третьих лиц такая компания и государство представляют одно и то же лицо; вмешательство государственного органа, который «органически связан» с нормальным функционированием компании, не представляет собой внешнее событие, на которое компания может ссылаться по отношению к третьим лицам и договорным сторонам»³¹⁴.

Французский профессор П. Майер по этому поводу отметил, что в судебном деле *Air France* доводы о внешнем характере актов государственных органов (например, министерств), которые осуществляют надзор за государственными предприятиями, не могут быть приняты, поскольку такой акт государственного органа для государственного предприятия представляет собой «процесс принятия собственных решений»³¹⁵. Позицию об отсутствии «внешности» действий, т.е. актов государственных органов в отношении государственных предприятий, разделяет и немецкий профессор Клаус Петер Бергер³¹⁶.

Данная позиция является сомнительной, так как государство и государственное предприятие являются разными субъектами в праве. Имея в виду то, что существует разная – самостоятельная правосубъектность государственных предприятий и государства, все-таки нельзя сказать, что акт государственного органа является для государственного предприятия внутренним событием. Однако П. Майер указывает, что позицией об отсутствии внешнего характера актов государственных органов для государственных предприятий не отрицается разница между правосубъектностью государства и государственного предприятия, но следует считать, что договаривающаяся сторона, которая заключает договор с «поднадзорным субъектом», не готова согласиться с тем, что государство в

³¹⁴ См.: Fucci F.R. Op. cit. P. 28.

³¹⁵ См.: Ibid.

³¹⁶ См.: Berger K.P. Op. cit. P. 1352.

любой момент может своим актом освободить его от выполнения договорных обязательств³¹⁷.

Однако, в арбитражных решениях *ICC* № 3099 и 3100 от 30 мая 1979 г. третейский суд решил, что государственное предприятие, которое должно выполнить договорное обязательство, не может сослаться на акт государственного органа как на форс-мажор, так как в таком случае не выполнено условие «внешности» события.

Предметом анализа были два договора купли-продажи сырой нефти и нефтепродуктов, заключенных в 1974 и 1975 гг. между двумя африканскими государственными предприятиями. Продавец поставил нефть, но покупатель не заплатил вовремя по всем счетам-фактурам, указывая, что у него недостаточно средств для оплаты, но он не может получить разрешение центрального банка на оплату в долларах США, учитывая правила валютного контроля, которые были приняты в его стране после заключения договора. Покупатель утверждал, что отказ центрального банка дать разрешение на перевод денежных средств в иностранной валюте представляет собой форс-мажор, так как должник никак не мог повлиять на решение центрального банка³¹⁸. Таким образом, решение центрального банка рассматривалось составом арбитража как «внутреннее событие», как собственное решение должника, несмотря на то, что решение принял другой субъект – государство, которое не является договаривающейся стороной. Существуют и другие арбитражные решения *ICC*, которые подтверждают позицию относительно непринятия доводов государственного предприятия о признании форс-мажором решений министерства энергетики (являющееся надзорным органом) об отказе выдать разрешение на импорт предмета договора с иностранной компанией³¹⁹.

³¹⁷ См.: Fucci F.R. Op. cit. P. 28.

³¹⁸ Ibid. P. 27.

³¹⁹ Ibid. P. 28–29. Прим. – Арбитражные решения доступны в личном архиве упомянутого автора.

Аналогичная позиция представлена в арбитражном решении, вынесенном по итогам разбирательства по делу *Himpurna*, которое касалось индонезийского энергетического проекта и 30-летнего соглашения о продаже электроэнергии от 1994 г. между государственной энергетической компанией Индонезии *PLN* (покупатель) и американской государственной компанией *Himpurna California Energy*, которая в соглашении обязалась построить четыре геотермальных блока и продавать энергию индонезийскому государственному предприятию в течение 30 лет³²⁰. В 1997 и 1998 гг. Президент Индонезии издал указы об отмене большого количества энергетических проектов из-за финансового и валютного кризиса. Государственная компания *PLN* ссылаясь на указы Президента как на обстоятельство форс-мажора, заявляя о своей независимости от государства (§ 84). Однако третейский суд счел, что государственное предприятие не может освободиться от договорной ответственности, ссылаясь на акты государственного органа, так как в вышеуказанных обстоятельствах они не могут рассматриваться как отдельные субъекты, особенно учитывая тот факт, что «воля *PLN* полностью подчинена воле государства» (§§ 102–103).

Противоположные арбитражные решения, в которых суд посчитал возможной ссылку на решение государственного органа как на форс-мажор как результат признания самостоятельности правосубъектности государственных предприятий и государства можно обнаружить в сфере внешней торговли предприятий стран бывшего СССР.³²¹

³²⁰ См.: Арбитражное дело *Himpurna California Energy Ltd. v. PT. (Persero) Perusahaan Listrik Negara [PLN]* и арбитражное решение от 4 мая 1999 г. См.: Van den Berg A.J. (ed.). *Yearbook Commercial Arbitration*. The Hague: Kluwer Law International, 2000. Vol. 25. § 1.

³²¹ Решение от 3 июля 1958 г. Арбитражной комиссии по внешней торговле СССР, подчеркивающее отдельную правосубъектность предприятия. *American Journal of International Law*. 1959. № 53. См.: Fucci F.R. *Op. cit.* P. 29.

Аналогичным образом в арбитражном решении *ICC* № 2478 от 1974 г. состав арбитража пришел к выводу, что форс-мажор представляет отзыв разрешения на экспорт у государственного продавца и экспортера нефти, которое сделало правительство Румынии. При этом было отмечено, что такой акт государственного органа представляет собой форс-мажор не только по договору, но и «согласно общим принципам права»³²². Британская палата лордов (выполняющая функцию Верховного суда) заняла позицию, согласно которой в случае установления полного контроля над государственными предприятиями со стороны государства, необходимо разграничивать правосубъектность государственного предприятия и государства. На основе этого было принято решение о том, что польское государственное предприятие *Rolimpex*, которое экспортирует сахар, может сослаться в качестве обстоятельства форс-мажора на отзыв разрешения на экспорт, который сделало польское Министерство внешней торговли, чтобы оправдать невыполнение договорных обязательств³²³.

Впрочем, в арбитражных решениях, в которых состав арбитража считал, что акты государственных органов в отношении государственных предприятий не могут являться форс-мажором, арбитры все-таки не занимали принципиальную позицию, а руководствовались положениями каждого договора и распределением риска непредвиденных событий между договаривающимися сторонами³²⁴. Вопрос о зависимости либо независимости государственного предприятия от государства необходимо решать в каждом конкретном случае через рассмотрение основных условий для наличия форс-мажора. Признание внешнего характера актов государственных органов в

³²² См.: URL: https://www.trans-lex.org/202478/_/icc-award-no-2478-in-1974-ysa-1978-at-222-et-seq-/ (дата обращения: 11.08.2023).

³²³ См.: Решение в деле *C. Czarnikow Ltd. v. Centrala Handlu Zagranicznego Rolimpex* от 1978 года. URL: <http://www.uniset.ca/other/cs3/1979AC351.html> (дата обращения: 11.08.2023).

³²⁴ См.: Fucci F.R. Op. cit. P. 30.

случаях, когда государственные предприятия на них ссылаются в невыполнении договорных обязательств, как представляется, является вопросом факта, который должен решаться в каждом конкретном случае с учетом всех обстоятельств, особенно степени государственного контроля или независимости государственного предприятия от государства. Например, можно оценивать такие обстоятельства как: доля государства в капитале предприятия, процесс назначения членов органов управления, система надзора, система тарифов, в которой они определяются государством, использование государственного предприятия как инструмента государственной политики и т.п.³²⁵

Если оно ссылается на акт государственного органа своей страны как на форс-мажор для обоснования невыполнения договорных обязательств, это не должно считаться общим правилом во внешнеторговых договорах, так как подобная практика могла бы повлечь необоснованное освобождение государственных предприятий от исполнения договорных обязательств и от договорной ответственности. Для инвесторов это представляло бы высокую степень правовой неопределенности.

Основными последствиями признания форс-мажора в договорных отношениях являются: отсрочка или полное освобождение от исполнения договорного обязательства и освобождение от договорной ответственности, т.е. от ответственности за ущерб, который причинен неисполнением договорного обязательства. Они наступают с даты возникновения форс-мажорного события при условии своевременного извещения об этом другой стороны. Данные последствия предусматривают Принципы УНИДРУА (ст. 7.1.7.). Если обстоятельство непреодолимой силы носит временный характер, последствием будет отсрочка, т.е. продление срока для исполнения договорного обязательства. Если непреодолимая сила полностью

³²⁵ См.: Мишкович М. Акты государственных органов как форс-мажор в договорах международной купли-продажи нефти и газа. С. 114.

препятствует исполнению договорного обязательства, последствием будет освобождение от исполнения договорного обязательства. К тому же сторона, которая не получила исполнение договорного обязательства, имеет право прекратить договор, приостановить исполнение своего договорного обязательства и требовать уплаты процентов (п. 4 ст. 7.1.7 Принципов УНИДРУА). Однако расторжение договора в комментариях к Принципам УНИДРУА рекомендуется рассматривать как крайнюю меру и продолжать договорные отношения всегда, когда это возможно, даже в случае форс-мажора, учитывая продолжительность, характер договорных отношений и возможные большие начальные инвестиции в долгосрочных договорах.

Высокие риски возникновения форс-мажорных обстоятельств в международной торговле источниками энергии обуславливает практику включения соответствующей оговорки в договор. При этом широкое распространение получили типовые (модельные) оговорки о форс-мажоре, что позволяет преодолеть существующие в разных правовых системах различия в определении форс-мажора и критериев их установления. Типовые оговорки предусматривают решения, не зависящие от особенностей любого национального законодательства³²⁶. В целях оказания содействия договаривающимся сторонам в процессе переговоров, разработки и формулирования договорной оговорки о форс-мажоре, Международная торговая палата разработала модельную (типовую) оговорку о форс-мажоре (англ. *ICC Force Majeure Clause*) и рекомендует включать ее в международные торговые договоры³²⁷.

Следует отметить, что в перечне так называемых презюмируемых (предполагаемых) форс-мажорных обстоятельств (англ. *presumed force majeure events*) в п. 3 Типовой оговорки указаны помимо прочего акты

³²⁶ См.: Brunner C. Op. cit. P. 4.

³²⁷ См.: ICC Force Majeure and Hardship Clause, март 2020 // URL: <https://iccwbo.org/wp-content/uploads/sites/3/2020/03/icc-forcemajeure-hardship-clauses-march2020.pdf> (дата обращения: 14.08.2023).

государственных органов (англ. *act of authority*) – как законные, так и незаконные, а также соблюдение любого закона или распоряжения правительства (§ 3(2)(d) Типовой оговорки). Договаривающиеся стороны свободны предусмотреть и дополнительные предполагаемые события форс-мажора или удалить из перечня предполагаемых событий определенные события (например, исключить акты государственных органов) (§ 3(3) Типовой оговорки).

Типовая форс-мажорная оговорка *ICC* предусматривает те же правовые последствия форс-мажора, что и Принципы УНИДРУА. Разница состоит в том, что расторжение договора как одно из последствий форс-мажора возможно, если длительность воздействия препятствия такова, что оно, по существу, лишает договаривающуюся сторону того, на что она рассчитывала на основании договора (§ 5 Типовой оговорки). Если стороны не договорились об ином, договор может быть расторгнут любой из сторон, если продолжительность действия возникшего препятствия превышает 120 дней. Впрочем, этот срок может быть изменен по соглашению сторон в любое время в соответствии с их потребностями (§ 8 Типовой оговорки).

Хотя типовые оговорки часто используются в договорах международной купли-продажи товаров, их применение в сфере энергетики является неоднозначным, учитывая специфику заключаемых при этом договоров и различные ожидания сторон договора относительно последствий форс-мажора³²⁸. *ICC* не создал типовую форс-мажорную оговорку для использования в договорах в сфере энергетики, но она может стать ориентиром при адаптации ее к конкретному договору.

В сфере энергетики чаще используются типовые договоры, которые создает Ассоциация международных энергетических переговорщиков (англ. *Association of International Energy Negotiators – AIEN*), объединяющая более 3000 членов из более чем 110 стран мира, являющихся представителями

³²⁸ См.: Barysheva N. *Op. cit.* P. 79.

международных нефтегазовых компаний, правительств, юридических фирм и научных учреждений³²⁹. Она представляет собой независимую, некоммерческую, профессиональную ассоциацию, которая оказывает поддержку международным энергетическим переговорщикам по всему миру и повышает их профессионализм и эффективность в международном энергетическом сообществе. Разрабатываемые ею типовые договоры получили широкое распространение как отправная точка в переговорах, значительно сокращая время для заключения сделки. Они помогают договаривающимся сторонам сосредоточить свои усилия не на общих договорных положениях, а на ключевых условиях энергетических договоров³³⁰.

Как и типовая оговорка *ICC*, типовые договоры *AIEN* содержат обширный перечень средств правовой защиты, доступных договаривающейся стороне, которая ссылается на обстоятельство форс-мажора: освобождение от исполнения договорного обязательства и договорной ответственности, продление срока для исполнения договорного обязательства, адаптация (изменение) и расторжение договора в зависимости от продолжительности обстоятельств форс-мажора. Разница между типовой форс-мажорной оговоркой *ICC* и типовыми договорами *AIEN* заключается в том, что последние часто предусматривают более высокий «порог» в отношении особых условий в связи с невозможностью исполнения договорных обязательств³³¹.

В литературе обращается внимание на то, что даже в случае непреодолимой силы расторжение договора должно оставаться крайней мерой (лат. *ultima ratio*), а правилом должна являться отсрочка в исполнении

³²⁹ См.: URL: <https://www.aien.org/about-aien/> (дата обращения: 14.08.2023).

³³⁰ См.: URL: <https://www.aien.org/model-contracts/> (дата обращения: 14.08.2023).

³³¹ См.: Barysheva N. Op. cit. P. 79.

договорного обязательства³³². Особое значение такой подход имеет в энергетических договорах, учитывая их специфику и далеко идущие последствия их расторжения. Энергетические договоры нередко являются «каскадными», «пирамидальными» договорами, а это значит, что оказывают воздействие на ряд других энергетических договоров. Другими словами, имеется несколько взаимосвязанных договоров, в которых неисполнение обязательств и расторжение одного договора приводит к серьезным последствиям во всех других взаимосвязанных договорах³³³. В доктрине в связи с этим говорится о «каскаде отрицательных последствий для множества участников экономических отношений»³³⁴. Такие договоры обычно используются в сфере торговли природным газом и сырой нефтью³³⁵. Практикующие юристы также подчеркивают, что ссылка на форс-мажор тех должников, которые находятся в цепи поставок (англ. *supply chain*), имеет серьезные последствия³³⁶. В сербской юридической литературе указывается, что в при расторжении договора, которое затрагивает исполнение обязательств в ряде других соглашений, с которыми он связан цепочкой, фактически речь идет о выраженном общем интересе, который суд должен учитывать при принятии решения по заявлению о расторжении договора на основании форс-мажора или существенного изменения обстоятельств³³⁷.

³³² См.: Berger K.P., Behn D. Op. cit. P. 113.

³³³ См.: Zaccaria E.C. Op. cit. P. 137.

³³⁴ См.: Габов А.В. Указ. соч. С. 13.

³³⁵ См.: Zaccaria. Op. cit. P. 137.

³³⁶ См.: Robertson D., Secomb M., Elliott E. COVID-19: Managing force majeure risk in a construction project supply chain. URL: <https://www.whitecase.com/publications/alert/covid-19-managing-force-majeure-risk-construction-project-supply-chain> (дата обращения: 14.08.2023).

³³⁷ Ђурђевић М. Коронавирус (COVID-19) и извршење уговора: превентивна реакција српског права и законска средства за заштиту права уговорних страна у случају спора // Усклађивање пословног права Србије са правом Европске уније (2020) / ур. Вук Радовић. Београд: Универзитет у Београду – Правни факултет, 2020 (Ђурджевич М. Коронавирус (COVID-19) и исполнение договора: превентивная реакция сербского права и законодательные средства защиты прав договаривающихся сторон в случае возникновения спора // Приведение сербского делового права в соответствие с правом Европейского союза:

Таким образом, даже при наличии обстоятельств, которые представляют собой форс-мажор, всегда необходимо попытаться согласовать новые условия договора, если это возможно, поскольку в сфере энергетики разрешение спорной ситуации является значимым не только для договаривающихся сторон, но и для населения и промышленных предприятий. Поэтому рекомендуется проводить повторные переговоры (англ. *renegotiations*), которые часто ведутся при изменении обстоятельств в долгосрочных энергетических договорах, когда необходима их адаптация к новым обстоятельствам для «сохранения контракта в силе», но на новых условиях. Стороны в долгосрочном договоре могут предусмотреть, что в случае наступления форс-мажора они все-таки заинтересованы в продолжении деловых и договорных отношений, а не в расторжении договора, и с этой целью обязываются провести повторные переговоры, оставляя за собой право расторгнуть договор в качестве крайней меры.

Именно это произошло в арбитраже «Газум» против «Газпром экспорта», в котором арбитражным решением стороны были обязаны провести повторные переговоры, чтобы решить спорную ситуацию в связи с дальнейшими поставками и оплатой газа. Стороны пытались вести переговоры, но не смогли урегулировать возникшую проблему в срок, который установил состав арбитража. В силу этого 22 мая 2023 г. «Газум» прекратил долгосрочный договор купли-продажи (поставки) природного газа с «Газпром экспортом»³³⁸.

Кажется целесообразным в ГК РФ предусмотреть положение об обязательном проведении повторных переговоров при возникновении обстоятельств, являющихся основанием для расторжения договора

сборник работ / отв. ред. В. Радович. Белград: Университет в Белграде – Юридический факультет, 2020). С. 474.

³³⁸ См.: Хабидулина Е. Финская Gasum расторгла контракт на поставку газа по трубопроводу с «Газпромом». URL: <https://www.forbes.ru/biznes/489680-finskaa-gasum-rastorgla-kontrakt-na-postavku-gaza-po-truboprovodu-s-gazpromom> (дата обращения: 14.08.2023).

энергоснабжения. При возникновении таких обстоятельств стороны обязаны вступить в повторные переговоры для урегулирования возникшей ситуации. Если одна из сторон отказывается вступить в повторные переговоры либо стороны провели переговоры, но они остались безуспешными, каждая из сторон имеет право расторгнуть договор или обратиться в суд для изменения договора, т.е. его адаптации к новым обстоятельствам.

3.2. Ответственность за неисполнение и ненадлежащее выполнение обязательств по договору энергоснабжения

Невыполнение договорных обязательств в договоре энергоснабжения подразумевает, с одной стороны, неоплату абонентом поставленной энергии либо ее частичную оплату, а с другой стороны, неподачу энергии поставщиком. В отличие от договора купли-продажи, в котором возможна доставка меньшего или большего количества товара по отношению к количеству, предусмотренному договором, в договоре энергоснабжения это невозможно, так как всегда подается столько энергии, сколько потребляется. При этом момент подачи и момент потребления энергии совпадают, а это значит, что электроэнергия потребляется именно в момент ее доставки.

Таким образом, когда рассматривается обязательство поставщика, из-за природы электрической энергии и специфики ее подачи невозможно частичное невыполнение договорных обязательств, заключающееся в поставке меньшего количества товара, чем предусмотрено в договоре. Возможные перебои (перерыв) в подаче электроэнергии без соответствующего предупреждения нельзя квалифицировать как частичное невыполнение договорного обязательства, т.е. поставку меньшего количества товара, поскольку речь идет о неподаче электрической энергии в требуемый момент времени и, следовательно, о невыполнении договорного обязательства.

Невыполнение *абонентом (потребителем)* договорных обязательств заключается, прежде всего, в неоплате или частичной (недостаточной) оплате принятой энергии. При этом абонент вправе отказаться от оплаты энергии только в том случае, когда энергоснабжающая организация нарушает требования, предъявляемые к ее качеству (ч. 2 ст. 542 ГК РФ). Оплата энергии производится за количество энергии, фактически принятое абонентом в соответствии с данными учета энергии, если иное не предусмотрено соглашением сторон, законом или иными правовыми актами (ст. 544 ГК РФ).

С целью обеспечения своевременной оплаты за полученную электрическую энергию и за услуги по ее передаче был принят Федеральный закон от 03.11.2015 № 307-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с укреплением платежной дисциплины потребителей энергетических ресурсов»³³⁹.

Однако необходимо различать неоплату за потребленную электроэнергию в форме задолженности по выставленному счету и ее безучетное и бездоговорное потребление. В первом случае происходит взыскание дебиторской задолженности с возможностью отключения электрической энергии. Данная возможность существует ввиду того, что в таком случае энергоснабжающая организация вправе, согласно ст. 523 ГК РФ, отказаться от исполнения договора в одностороннем порядке на основании существенного нарушения договора – неоднократного нарушения сроков оплаты (ч. 2 ст. 450 ГК РФ). В случае безучетного и бездоговорного потребления энергии электросетевая организация составляет акт о неучтенном энергопотреблении³⁴⁰.

³³⁹ См.: Собрание законодательства РФ. 2015. № 45. Ст. 6208.

³⁴⁰ См.: Письмо ФАС России от 30.06.2020 № ИА/55189/20 «О направлении рекомендаций о возбуждении и рассмотрении дел о нарушении антимонопольного законодательства по фактам нарушения порядка проведения проверок расчетных приборов учета электрической энергии и выявления безучетного потребления (пункт 33 Плана оказания методической помощи территориальным органам, утвержденного приказом ФАС России от 17.04.2020 № 410/20)» (вместе с «Рекомендациями о возбуждении и рассмотрении дел о нарушении антимонопольного законодательства по фактам нарушения

Несмотря на то, что данный акт является внутренним документом сетевой и сбытовой организации, который оформляется без контроля потребителя, на практике вводится ограничение режима потребления, даже если потребитель отказался от признания задолженности и готов оспаривать акт о неучтенном энергопотреблении. Данная практика ставит потребителя в неравное положение перед энергоснабжающей организацией.

Как представляется, установление баланса интересов договаривающихся сторон возможно только при условии закрепления правила об ограничении режима потребления энергии только после вступившего в силу решения суда о взыскании с потребителя образовавшейся задолженности. В Сербии данное решение может принудительно эффективно исполнить публичный пристав. Сама процедура принятия решения о принудительном исполнении проходит быстро на основании счета-фактуры кредитора. В Законе об исполнении и обеспечении 2015 г., регулирующем принудительное исполнение, приводится перечень так называемых подлинных документов (среди них находится и счет-фактура), на основании которых можно сразу после вступления в силу решения о принудительном исполнении на основании подлинного документа начинать процедуру принудительного исполнения³⁴¹.

Обязанность обеспечивать надлежащее техническое состояние и безопасность энергетических сетей и приборов учета и, соответственно, ответственность за невыполнение и ненадлежащее выполнение данного

Основных положений функционирования розничных рынков электрической энергии, утвержденных Постановлением Правительства Российской Федерации от 04.05.2012 № 442, в части нарушения порядка проведения проверок расчетных приборов учета электрической энергии и выявления безучетного потребления»). Общие положения о проведении проверок расчетных приборов учета электрической энергии и выявления безучетного потребления.

³⁴¹ См.: Закон о извршењу и обезбеђењу // Службени гласник РС. 2015. № 106. 2016. № 106. 2017. № 113. 2019. № 54. 2020. № 9. 2023. № 10/2023 (Сербский Закон об исполнении и обеспечении // Официальный вестник Республики Сербии. 2015. № 106; 2016. № 106; 2017. № 113; 2019. № 54; 2020. № 9; 2023. № 10) (ст. 52).

обязательства по общему правилу необходимо рассматривать как сферу ответственности обеих сторон, хотя в случаях, когда абонентом по договору энергоснабжения выступает физическое лицо-гражданин, обеспечение безопасности энергетических сетей и приборов учета является обязательством энергоснабжающей организации (ч. 2 ст. 543 ГК РФ).

Невыполнение *энергоснабжающей организацией* договорных обязательств может выражаться в перерыве в подаче, прекращении и ограничении подачи энергии в случае, когда это не допускается соглашением сторон либо законодательством. В частности, ГК РФ допускает следующие ситуации:

- прекращение или ограничение подачи энергии без согласования с абонентом и без его предупреждения допускается, когда существует необходимость принятия неотложных мер по предотвращению или ликвидации аварии, но при условии его немедленного уведомления (ч. 3 ст. 546 ГК РФ);

- прекращение или ограничение подачи возможно и без согласия абонента – юридического лица, но с его предупреждением, в случае нарушения абонентом обязательств по оплате энергии (п. 2 ч. 2 ст. 546 ГК РФ);

- перерыв в подаче, прекращение или ограничение подачи энергии возможно и без согласия абонента, но с его предупреждением, в случае неудовлетворительного состояния энергетических установок абонента, которое угрожает аварией или создает угрозу жизни и безопасности граждан (п.1 ч. 2 ст. 546 ГК РФ).

В случае необоснованного перерыва в подаче, прекращения или ограничения подачи энергии энергоснабжающая организация несет ответственность за невыполнение договорного обязательства. В соответствии с общими положениям об обязательствах и специальными нормами сербского Закона об обязательственных отношениях о купле-продаже в случае неисполнения должником обязательства кредитор вправе требовать исполнения обязательства, а если оно не будет осуществлено в дополнительно

установленный для этого срок, вправе расторгнуть договор в одностороннем порядке (ст. 262, 490). В любом случае кредитор имеет право на возмещение ущерба, причиненного ему неисполнением или ненадлежащим исполнением должником договорного обязательства (ч. 2 ст. 262 Закона об обязательственных отношениях). Однако в случае перерыва или прекращения подачи энергии невозможно требовать исполнения обязательства в пределах дополнительного срока, так как последующее исполнение после перерыва в подаче или прекращения подачи уже представляет собой исполнение договорного обязательства в тот новый момент, т.е. это уже новое требование абонента в подаче энергии. Следовательно, один период времени подачи энергии все равно остается «непокрытым». Поэтому, как правило, у абонента наряду с правом возмещения причиненного ущерба, остается и право расторжения договора и изменения поставщика. При этом законодательно установлено, что возмещается только реальный ущерб (ч. 1 ст. 547 ГК РФ), что делает невозможным взыскание упущенной выгоды, т.е. неполученных доходов, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено (ч. ст. 15 ГК РФ).

Гарантирующий поставщик перед потребителем несет ответственность и за действия сетевой организации, которая оказывает услуги по передаче электрической энергии. Последняя может напрямую нести ответственность перед потребителем только при наличии прямого договора с ним. В связи с этим в литературе высказывается мнение о целесообразности заключения потребителям договора энергоснабжения с энергоснабжающей организацией (гарантирующим поставщиком), поскольку в таком случае полную ответственность по всем договорным обязательствам несет один контрагент. Это более выгодное решение для потребителя, чем заключение договора отдельно с сетевой организацией на оказание услуг по передаче энергии³⁴².

³⁴² См.: Максарова Р.И. Особенности договора энергоснабжения и договора купли-продажи (поставки) электрической энергии (мощности) // Современная цивилистика:

В сербском законодательстве нет отдельного правила о возмещении ущерба по договору энергоснабжения, поэтому применяются общие правила Закона об обязательственных отношениях, регулирующие договорную ответственность – ответственность за ущерб, причиненный невыполнением либо ненадлежащим выполнением договорных обязательств. В силу этого кредитор имеет право не только на возмещение реального ущерба, но и упущенной выгоды, которые должник должен был предвидеть при заключении договора как возможные последствия нарушения договора с учетом фактов, которые ему были известны или должны были быть известны во время заключения договора (ч. 1 ст. 266 Закона об обязательственных отношениях).

Однако на практике возникает проблема доказывания и расчета как реального ущерба, так и упущенной выгоды. В частности, очень сложно доказать, что вывод оборудования абонента из строя является последствием сбоев, т.е. перерыва в подаче электроэнергии. На самом деле бóльшую проблему, чем прекращение подачи энергии, для оборудования представляет внезапное появление электричества, т.е. перенапряжение при продолжении электроснабжения после перерыва. Однако у абонентов, особенно в промышленности, часто существуют конденсаторные установки, которые используются для компенсации нежелательной реактивной мощности, спасая линии от перенапряжения и, следовательно, от выведения оборудования из строя и необходимости оперативного ремонта. В таком случае даже реального ущерба при прекращении подачи электроэнергии не будет.

Такие установки называются источниками бесперебойного питания – ИБП. Они используются в любой ситуации, когда электрооборудование чувствительно к потере электроэнергии или проблемам с качеством электроэнергии (например, если система испытывает небезопасные изменения

напряжения). ИБП обычно используются в установках, относящихся к компьютерным системам, серверам данных или промышленным устройствам или в установках с критически важным оборудованием, таким как медицинские и лабораторные системы³⁴³.

Доказать упущенную выгоду в виде неполученных доходов абонента кажется еще труднее, чем доказать реальный ущерб, так как упущенная выгода носит вероятностный характер, что и затрудняет ее взыскание на практике. Например, довольно сложно определить стоимость определенного товара, который мог бы быть произведен в период перерыва в энергоснабжении. Ориентиром здесь может служить ч. 4 ст. 393 ГК РФ, согласно которой при определении упущенной выгоды учитываются меры, предпринятые кредитором для ее получения и сделанные с этой целью приготовления. Документальное сопровождение подразумевало бы доказательства об установленном рабочем времени (времени производства), что именно в период перерыва в энергоснабжении, согласно режиму работы, происходит производство товара, документы об объеме производства за определенную единицу времени, доказательство о невозможности перераспределения рабочего времени (времени производства) в случае перерыва в энергоснабжении и т.п.

Как представляется, в России возмещение упущенной выгоды в подобных случаях законодательно не допускается по двум причинам: во-первых, из-за ее вероятностного характера, сложности расчета и документального подтверждения; во-вторых, даже если доказать упущенную выгоду было бы возможно, ее сумма могла бы являться очень высокой, особенно в случае коммерческих потребителей (хозяйствующих субъектов), и таким образом могла бы повлечь риски для экономической устойчивости энергоснабжающих организаций. Поэтому возмещение упущенной выгоды

³⁴³ См.: Gillis A.S., McFarlane R. What is an uninterruptible power supply (UPS)? URL: <https://www.techtarget.com/searchdatacenter/definition/uninterruptible-power-supply> (дата обращения: 13.08.2024).

законодательно исключается вследствие необходимости обеспечения стабильности работы энергетических систем и доступности услуг для населения, учитывая тот факт, что в сфере энергетики выражен общий интерес обеспечения социально–экономической стабильности.

Однако подобный подход свидетельствует о дисбалансе интересов сторон договора энергоснабжения. Законодатель ставит энергоснабжающую организацию в более привилегированное положение, нежели потребителя, который в случае перебоев либо прекращения подачи энергии может понести значительные убытки ввиду упущенной выгоды³⁴⁴. Нельзя не согласиться с тем, что включение упущенной выгоды в объем ответственности по договору энергоснабжения превратило бы энергоснабжающую деятельность в чрезвычайно рисковую и не привлекательную для осуществления. Однако в литературе отмечается, что деятельность энергоснабжающих организаций можно назвать предпринимательской, а значит, она непременно сопряжена с определенными рисками, которые необходимо учитывать, следовательно, такая организация должна быть готовой их понести и предпринять все необходимые меры, чтобы не допустить нарушения договора³⁴⁵.

К тому же нельзя не отметить тот факт, что с ускоренным технологическим развитием, совершенствованием инфраструктуры и применением цифровизации и искусственного интеллекта в сфере энергоснабжения все более возможным становится предвидеть сбои, необходимость технического обслуживания и ремонта используемого оборудования и таким образом спрогнозировать перерыв в энергоснабжении и его последствия. Поэтому в целях устранения дисбаланса сторон договора энергоснабжения необходимо законодательно закрепить обязанность энергоснабжающей организации в случаях неисполнения обязательств в

³⁴⁴ Баязитова А.Г. К вопросу о балансе интересов сторон по договору энергоснабжения при наступлении ответственности за его нарушение // Закон и право. 2022. № 4. С. 70.

³⁴⁵ Там же.

договоре энергоснабжения возместить не только реальный ущерб, но и упущенную выгоду. Подразумевается, что оба вида ущерба должны быть доказаны. Впрочем, и в этом случае трудности в доказывании соответствующих фактов оставляют проблему дисбаланса интересов нерешенной, что дает основания признать абонента слабой стороной договора энергоснабжения, побуждая к поиску других механизмов решения данной проблемы.

Чтобы учесть социально ориентированное правовое регулирование в сфере энергоснабжения и критическую важность сферы энергетики для обеспечения социально-экономической стабильности и благосостояния, целесообразно в ГК РФ предусмотреть обязанность возмещения реального ущерба и упущенной выгоды тех энергоснабжающих организаций, которые в энергоснабжающей деятельности используют искусственный интеллект, позволяющий им предвидеть сбои, перерывы в энергоснабжении и спрогнозировать необходимость ремонта и технического обслуживания.

Особое внимание необходимо обратить на правило ч. 2 ст. 547 ГК РФ, по которому энергоснабжающая организация в случае перерыва в подаче энергии абоненту несет ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение договорных обязательств только при наличии ее вины. По общему правилу, регулирующему договорную ответственность, сторона, нарушившая обязательство при осуществлении предпринимательской деятельности, несет ответственность независимо от наличия вины, вследствие чего освобождение от ответственности становится возможным только при условии доказательств того, что исполнение обязательств оказалось невозможным вследствие форс-мажора (непреодолимой силы) (ч. 3 ст. 401 ГК РФ).

Если абонентом является коммерческая организация или предприниматель, за невыполнение договорных обязательств он будет нести ответственность независимо от наличия вины. Однако, несмотря на то, что энергоснабжающая организация является коммерческой организацией, осуществляющей предпринимательскую деятельность, ГК РФ (ч. 2 ст. 547) как

специальное правило предусматривает ее договорную ответственность только при наличии ее вины. Это ставит в неравное положение энергоснабжающую организацию и коммерческого абонента в вопросах ответственности за нарушение договорного обязательства, поскольку для последнего правило о невиновной ответственности сохраняется, что особенно важно в условиях тенденции к ужесточению ответственности абонента за нарушение обязательства по оплате полученной энергии, о чем свидетельствует появление федерального закона об укреплении платежной дисциплины потребителей энергетических ресурсов³⁴⁶.

Таким образом, данное нормативное правовое регулирование направлено на защиту интересов энергоснабжающих организаций, что ведет к дисбалансу в отношениях с коммерческими абонентами, особенно в случаях перебоев в подаче энергии, которые могут вызвать у них значительные убытки. Соответственно для устранения существующего дисбаланса интересов сторон договора энергоснабжения необходимо распространить на энергоснабжающие организации общее правило об ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства при осуществлении предпринимательской деятельности, исключая ее только при обстоятельствах, квалифицируемых как форс-мажор, исключив часть 2 из ст. 547 ГК РФ. Путем применения более строгих требований к ответственности энергоснабжающих организаций можно было бы восстановить баланс в договорных отношениях в сфере энергоснабжения, что соответствует принципам равенства и справедливости в предпринимательских отношениях и отражает подход к ответственности предпринимателей, предполагающий повышенную ответственность в условиях рыночной экономики. Контраргументом является социальная роль энергетического

³⁴⁶ См.: Федеральный закон от 03.11.2015 № 307-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с укреплением платежной дисциплины потребителей энергетических ресурсов» // Собрание законодательства РФ. 2015. № 45. Ст. 6208.

сектора России, которой и объясняется особый подход к правовому регулированию ответственности энергоснабжающих организаций, предполагающий их защищенность в плане договорной ответственности.

Целью существующей правовой парадигмы является избежание рисков и негативных последствий договорной ответственности, связанных в первую очередь с экономической устойчивостью энергоснабжающих организаций. Однако в силу использования новых технологий и искусственного интеллекта реалии российской правовой системы, направленные на защиту энергоснабжающих организаций от рисков и негативных последствий выплаты значительных сумм в случае убытков из-за перебоев в подаче энергии, должны постепенно меняться в сторону готовности энергоснабжающих организаций к ответственности за нарушение обязательств, если оно не вызвано непреодолимой силой.

Следует отметить, что в сербском праве отсутствуют специальные нормы, регулирующие основания ответственности энергоснабжающей организации за невыполнение договорных обязательств, поэтому применяется общее правило Закона об обязательственных отношениях. По общему правилу вина является основанием договорной ответственности вне зависимости от статуса договорных субъектов. Однако необходимо иметь в виду, что вопрос об основании договорной ответственности в сербской правовой доктрине до сих пор остается спорным. Большинство ученых-правоведов считает, что договорная ответственность является субъективной – ответственностью на основании вины³⁴⁷. Однако существует и несколько мнений об объективной

³⁴⁷ См.: Перовић С. (Перович С.). Указ. соч. С. 504–505; Антић О. Облигационо право. Београд: Универзитет у Београду – Правни факултет, 2011 (Антић О.. Обязательственное право. Б.: Университет в Белграде – Юридический факультет, 2011). С. 439; Ачански Т. Појам више силе у грађанском праву. Београд, 1977 (Ачански Т. Понятие форс-мажора в гражданском праве. Белград, 1977). С. 163; Јакшић А. Квалификација уговорне и вануговорне одговорности за штету // Правни живот. 1992. № 9–10 (Јакшич А. Квалификација договорной и внедоговорной ответственности за ущерб // Правовая жизнь. 1992. № 9–10). С. 1210; Ђорђевић Ж., Станковић В. Облигационо право. Б.: Савремена администрација, 1986 (Джорджевич Ж., Станкович В. Обязательственное право. Б.: Современная администрация, 1986). С. 405; Јанковец И. Уговорна одговорност. Б.:

договорной ответственности – ответственности независимо от наличия вины³⁴⁸.

Разные мнения об основании договорной ответственности в сербском праве являются последствием спорной формулировки правила об освобождении от договорной ответственности. Должник освобождается от ответственности за ущерб, если докажет, что он не мог исполнить свое обязательство или опоздал в исполнении обязательства вследствие обстоятельств, возникших после заключения договора, которые он не мог предотвратить, устранить или избежать (ст. 263 Закона об обязательственных отношениях).

Если названные обстоятельства толкуются как форс-мажорные, т.е. обстоятельства непреодолимой силы, и освобождение от ответственности возможно доказыванием данных обстоятельств, то договорная ответственность является объективной, так как единственным способом освобождения от нее является ссылка на форс-мажор. Это мнение меньшинства в сербской правовой доктрине.

Если названные обстоятельства толкуются так, что включают в себя не только форс-мажор, но и гражданско-правовой случай (казус), это значит, что

Пословна политика, 1993 (Янковец И. Договорная ответственность. Б.: Деловая политика, 1993). С. 119–120; Јовановић Н. Општи основ уговорне одговорности у српском праву // Право и привреда. 2020. № 1 (Јовановић Н. Общее основание договорной ответственности в сербском праве // Право и экономика. 2020. № 1). С. 49, 55–57, 60; Мишковић М. Ослобођење од уговорне одговорности у руском праву // Увод у право Русије (ур. Мрвић Петровић Н., Кршљанин Н., Зиројевић М). Б.: Институт за упоредно право, Правни факултет Универзитета у Београду, 2017 (Мишкович М. Освобождение от договорной ответственности в российском праве // Введение в право России / отв. ред. Н. Мрвич Петрович, Н. Кршлянин, М. Зироевич. Б.: Институт сравнительного правоведения, Юридический факультет Университета в Белграде, 2017). С. 317–318.

³⁴⁸ См.: Караникић Мирић М. Објективна одговорност за штету. Б.: Универзитет у Београду – Правни факултет, 2013 (Караникич Мирич М. Объективная ответственность за ущерб. Б.: Университет в Белграде – Юридический факультет, 2013). С. 45, 59–61; Ђорђевић М. Критички осврт на научне расправе о основу уговорне одговорности према одредбама Конвенције УН о уговорима о међународној продаји робе // *Harmonius*. 2015 (Джорджевич М. Критический обзор научных дискуссий об основании договорной ответственности согласно положениям Конвенции о договорах международной продажи товаров // *Harmonius*. 2015). С. 33.

освобождение от договорной ответственности возможно доказыванием гражданско-правового случая (казуса), поэтому договорная ответственность является субъективной – ответственностью при наличии вины. При таком виде ответственности достаточно исключить только вину, и это возможно сделать не только доказыванием форс-мажора, но и гражданско-правового случая. При объективной ответственности необходимо исключить не только вину, но и причинно-следственную связь, а это можно сделать только доказыванием форс-мажора, который, в отличие от казуса, исключает причинно-следственную связь.

Большинство авторов в сербской правовой доктрине считает, что формулировка об обстоятельствах, освобождающих должника от договорной ответственности, достаточно широкая, поэтому данные обстоятельства представляют собой не только форс-мажор, но и гражданско-правовой случай. Следовательно, договорная ответственность – это ответственность при наличии вины.

В отличие от российского законодательства, в котором существует разница в основании договорной ответственности в зависимости от того, осуществляет ли должник предпринимательскую деятельность, в сербском законодательстве в общем правиле о договорной ответственности данной разницы нет. Однако в отдельных поименованных договорах, которые заключают хозяйствующие субъекты, предусмотрена ответственность без наличия вины. Это чаще всего такие договоры, которые заключаются в более рискованной предпринимательской деятельности, где логично предусмотреть более строгую ответственность хозяйствующего субъекта, который занимается такой деятельностью, чтобы защитить другую более слабую договаривающуюся сторону (например, договор перевозки груза и пассажиров, договор складского хранения – ч. 1 ст. 684, ч. 1 ст. 671, ч. 1 ст. 731 Закона об обязательственных отношениях).

Энергетическая деятельность, без сомнения, представляет такой вид деятельности, который оправдывает более строгую – объективную

ответственность без наличия вины – по двум причинам: во-первых, потому что является деятельностью с повышенным риском; во-вторых, потому что абонент является более слабой стороной в договоре энергоснабжения, в котором выражен дисбаланс интересов между энергоснабжающей организацией и абонентом (потребителем). В силу этого представляется оправданным законодательное закрепление в сербском Законе об энергетике ответственности энергоснабжающей организации независимо от наличия ее вины вопреки существующему в настоящее время общему подходу. Согласно общему правилу о договорной ответственности, в сербском праве (статья 263 Закона об обязательственных отношениях) энергоснабжающая организация отвечает только при наличии ее вины. Из проведенного анализа видно, что и в российском, и в сербском законодательстве необходимо провести изменения и предусмотреть ответственность энергоснабжающей организации за невыполнение договорных обязательств без наличия вины.

Таким образом, если бы произошел перерыв в энергоснабжении и вследствие этого абоненту был бы причинен определенный ущерб, который он мог бы доказать, энергоснабжающая организация могла бы освободиться от договорной ответственности, доказывая, что она является последствием форс-мажорных обстоятельств. Неисправность оборудования или энергетических сетей не могла бы являться форс-мажором, так как она представляет собой не внешнее, а внутреннее обстоятельство.

Можно сказать, что в отличие от критерия внешности события, критерий его непредвиденности чаще всего не выполним при прекращении энергоснабжения, поскольку практика использования предиктивной аналитики в современных информационно-технологических условиях позволяет предвидеть сбои и необходимость ремонта используемого оборудования. Развитие искусственного интеллекта и автоматизированного анализа большого объема данных и их интерпретации позволяют заранее спрогнозировать необходимое техническое обслуживание и ремонт. В таких условиях кажется менее вероятным возможность доказывания

непредвиденности перерыва в энергоснабжении и его последствий (кроме случаев, когда невозможно было предвидеть отказ даже при использовании новой технологии). В силу этого, при использовании новых технологий ссылка энергоснабжающей организации на форс-мажорные обстоятельства являлась бы, скорее всего, исключением.

Ненадлежащее выполнение договорных обязательств в договоре энергоснабжения подразумевает подачу энергии, которая не соответствует установленным параметрам качества, определяемым в России Приказом Минэнерго России от 28.08.2023 № 690³⁴⁹.

Согласно Закону об обязательственных отношениях, регулиющему права покупателя в случае доставки товара ненадлежащего качества, покупатель имеет право требовать выполнения договорного обязательства (доставку товара надлежащего качества), уменьшение цены или может расторгнуть договор в одностороннем порядке. В каждом случае покупатель имеет право на возмещение ущерба. Продавец также является ответственным за ущерб, который товар с недостатком причинил на других товарах покупателя (ст. 488 Закона об обязательственных отношениях).

По данным правилам абонент имел бы такие же права в случае подачи некачественной энергии. Однако из-за природы энергии требовать выполнения договорного обязательства (в качестве приоритетного права) не является возможным, так как оно подразумевает устранение недостатка или замену товара (доставку товара надлежащего качества), что не совпадает с природой и характеристиками электрической энергии (невозможность реституции, ее потребление в момент подачи и, следовательно, невозможность устранения недостатков в качестве). Расторжение договора нельзя осуществить как первичное право, а только после дополнительного срока,

³⁴⁹ См.: Требования к качеству электрической энергии, в том числе распределению обязанностей по его обеспечению между субъектами электроэнергетики и потребителями электрической энергии: утв. Приказом Минэнерго России от 28.08.2023 N 690 // URL: <http://pravo.gov.ru>, 11.01.2024

оставленного для надлежащего выполнения договорного обязательства. Однако в данном случае правило о дополнительном сроке неприменимо, так как устранение недостатка или доставка товара надлежащего качества невозможны. Право расторжения договора существует в форме права на изменение поставщика.

Таким образом, в случае подачи некачественной энергии у абонента остается право на уменьшение цены и возмещение причиненного ущерба. Однако проблемой здесь становится установление конкретных ориентиров для снижения цены некачественной энергии и, следовательно, осуществления окончательного расчета за нее. В свою очередь, при осуществлении права на возмещение ущерба особенно важным становится определение ущерба, нанесенного некачественной энергией другим вещам покупателя (абонента).

Осуществить возмещение ущерба, как мы видели, на практике будет очень трудно, поэтому необходимо иметь в виду трудность доказывания абонентом подачи электроснабжающей организацией энергии ненадлежащего качества и, следовательно, сложность процедуры защиты его прав в области энергоснабжения. Одним из возникающих вопросов является и трудность определения реального, но скрытого ущерба, который состоит не в видимых повреждениях, а в сокращении общего периода службы энергопотребляющего оборудования и приборов абонента (потребителя) из-за подачи энергии ненадлежащего качества.

Практика привлечения энергоснабжающих организаций к ответственности за нарушение договорных обязательств показывает наличие проблем в доказывании факта подачи абоненту энергии ненадлежащего качества и причиненного ему этим ущерба. В силу этого представляется необходимым перенести бремя доказывания факта подачи энергии надлежащего качества на энергоснабжающую организацию, что позволило бы защитить абонента, который не имеет для этого достаточно возможностей, в том числе технического характера.

Отдельный вопрос ответственности за ненадлежащее выполнение

договорных обязательств возникает в связи использованием искусственного интеллекта в процессе снабжения электроэнергией. Не вызывает сомнения то, что ответственность за ущерб, причиненный потребителю вследствие дефектов функционирования искусственного интеллекта, несет лицо, использующее данную технологию при исполнении обязательств по договору. В свою очередь, факт возмещения причиненного при таких обстоятельствах ущерба дает основание для обращения к лицам, разработавшим систему искусственного интеллекта, с регрессным требованием. В сербских Этических принципах разработки и применения искусственного интеллекта указано, что проектировщики и разработчики систем искусственного интеллекта – это лица, несущие высокую степень ответственности при рассмотрении проектирования, разработки, процесса принятия решений и результатов систем искусственного интеллекта³⁵⁰. «Человеческая логика и суждение – ключевые факторы жизни Системы (искусственного интеллекта. – *Прим. авт.*), которая, по предположению, подходит к объективно-логическим выводам, ведь именно люди пишут алгоритмы, определяют успех или неудачу, готовят данные и наборы данных, обучают модели, выполняют оценку, принимают решения об использовании Системы. [...] Все лица, участвующие в создании Системы на любом этапе, несут ответственность за рассмотрение ее влияния на среду, в которую она будет внедрена, а также на компании, вложившие средства в ее развитие»³⁵¹.

Разумеется, ответственность проектировщика и программиста Системы не исключает ответственности других лиц в цепочке создания и производства системы искусственного интеллекта, что, в частности, показывает следующий пример из российской судебной практики.

³⁵⁰ См.: Закључак Владе Србије о усвајању Етичких смерница за развој, примену и употребу поуздане и одговорне вештачке интелигенције // Службени гласник РС. 2023. № 23 (Закључение Правительства Сербии о принятии Этических руководящих принципов разработки, внедрения и использования надежного и ответственного искусственного интеллекта // Официальный вестник Республики Сербии. 2023. № 23). § 4.7. С. 38.

³⁵¹ Там же.

В деле было установлено, что в результате использования программного обеспечения для оценки состояния энерготрансформатора на электростанции появилось предупреждение о невозможности дальнейшего использования трансформатора. В связи с этим уполномоченный сотрудник электростанции принял решение без уведомления и разрешения диспетчера вывести поврежденный силовой трансформатор в ремонт, а также ввести в эксплуатацию резервный трансформатор. После проверки оборудования выяснилось, что сигнал о неисправности трансформатора был ложным, и что это произошло из-за ошибки в системе – советнике искусственного интеллекта. Оказалось, что выводить трансформатор в ремонт не требовалось³⁵².

Соответственно возник вопрос об ответственности программиста, создавшего систему искусственного интеллекта, а также сотрудника, принявшего решение об удалении трансформатора. Последний в соответствии с Правилами вывода объектов электроэнергетики в ремонт и из эксплуатации, утвержденными Постановлением Правительства РФ от 30.01.2021 № 86, обязан был сообщить диспетчеру о возникших обстоятельствах и получить его разрешение до выведения трансформатора в ремонт, чего он не сделал³⁵³. Кроме того, в соответствии с Приказом Министерства энергетики РФ оперативный персонал, осуществляющий устранение нарушения нормального режима, несет ответственность за правильность принятых мер³⁵⁴. Суд

³⁵² См.: Хальясмаа К.И., Хальясмаа А.И., Сыманюк Н.В. Правовое регулирование искусственного интеллекта в электроэнергетике. Российская и мировая практики // Синергия наук. 2023. № 85. URL: <http://synergy-journal.ru/archive/article7611>. С. 4.

³⁵³ См.: Постановление Правительства РФ от 30.01.2021 № 86 «Об утверждении Правил вывода объектов электроэнергетики в ремонт и из эксплуатации, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации по вопросу совершенствования порядка вывода объектов электроэнергетики в ремонт и из эксплуатации» (ст. 31–32) // Собрание законодательства РФ. 2021. № 6. Ст. 985.

³⁵⁴ См.: Приказ Министерства энергетики РФ от 12.07.2018 № 548 «Об утверждении требований к обеспечению надежности электроэнергетических систем, надежности и безопасности объектов электроэнергетики и энергопринимающих установок» // URL: <http://pravo.gov.ru>, 21.08.2018.

посчитал, что используемая система искусственного интеллекта является лишь программой – «советчиком» и что после получения сигнала о неисправности оборудования сотрудники обязаны проверить достоверность этой информации³⁵⁵.

Кроме ущерба, который может быть причинен самим искусственным интеллектом, и ответственности за недостатки в его функционировании, существуют также вызовы, связанные с защитой данных, выявлением потенциальных угроз для системы и, соответственно, с проведением необходимого тестирования и совершенствования мер защиты для предотвращения ущерба инфраструктуре, а также перебоев в электроснабжении.

До сих пор в мире зарегистрировано несколько серьезных случаев кибератак на энергосистему. Самая опасная атака вредоносной программы произошла на иранской атомной электростанции (АЭС) в Бушере (*Bushehr*), где целью стала система *SCADA* для мониторинга и управления энергосистемой³⁵⁶. Очевидно, что подобные атаки, затрагивающие безопасность оборудования для производства энергии или станции распределения и управления, могут привести к катастрофическому ущербу, такому как полное прекращение подачи электроэнергии или разрушение электроэнергетической инфраструктуры. Ключевыми механизмами безопасности, необходимыми для создания безопасной, надежной и устойчивой системы умной сети, являются аутентификация, защита целостности и шифрование³⁵⁷. К энергетическому комплексу предъявляются особые требования по обеспечению информационной безопасности ввиду его

³⁵⁵ См.: Хальясмаа К.И., Хальясмаа А.И., Сыманюк Н.В. Указ. соч. С. 5.

³⁵⁶ См.: Kafle Y.R., Mahmud K., Morsalin S., Town G.E, Towards an Internet of Energy // IEEE International Conference on Power System Technology. 2016. URL: https://www.researchgate.net/profile/Yuba-Kafle/publication/311251136_Towards_an_internet_of_energy/links/5bb5fd0992851ca9ed3812fb/Towards-an-internet-of-energy.pdf. P. 6.

³⁵⁷ Ibid. P. 6–7.

стратегической важности³⁵⁸. Кроме того, очень важно постоянно тестировать и совершенствовать меры безопасности. Сегодня во многих компаниях существуют специальные команды, которые занимаются тестированием существующих мер безопасности (англ. *pentesters/penetration testers*). Это идея американской «команды тигров», которая предполагает помещение хакеров в контролируемую среду, чтобы они могли бороться с существующими мерами безопасности и выявлять недостатки системы безопасности с целью устранения этих недостатков³⁵⁹.

Для разработки и применения искусственного интеллекта в сфере энергетики, особенно энергоснабжения, необходимо урегулировать правовые и этические аспекты его использования в данной области. Пока они находятся на начальной стадии и основаны на документах, не содержащих конкретного и подробного регулирования искусственного интеллекта. В Сербии это Стратегия развития искусственного интеллекта с 2020–2025 гг.³⁶⁰ и новая Стратегия развития искусственного интеллекта с 2025–2030 гг.,³⁶¹ Этические рекомендации по разработке, применению и использованию надежного и ответственного искусственного интеллекта³⁶² и Закон об информационной

³⁵⁸ См.: Габов А.В., Зинковский С.Б., Лизикова М.С. Энергетический переход как фактор влияния на энергетическое законодательство: обзор Международной научно-практической конференции, Москва, Институт государства и права Российской академии наук, 20 июня 2022 г. // *RUDN Journal of Law*. 2022. Т. 26. № 4. С. 1009.

³⁵⁹ См.: Forester T., Morrison P. *Computer Ethics: Cautionary Tales and Ethical Dilemmas in Computing*. М.: Massachusetts Institute of Technology Press, 1994. P. 45–66.

³⁶⁰ См.: Стратегија развоја вештачке интелигенције у Републици Србији за период 2025–2030. године // Службени гласник РС. 2018. № 30 (Стратегија развоја искусственог интелекта в Србији на период 2020–2025 гг. // Официјални вестник Републике Србије. 2018. № 30).

³⁶¹ См.: Стратегија развоја вештачке интелигенције у Републици Србији за период 2025–2030. године // Службени гласник РС. 2018. № 30 (Стратегија развоја искусственог интелекта в Србији на период 2025–2030 гг. // Официјални вестник Републике Србије. 2025. № 5).

³⁶² Закључак Владе Србије о усвајању Етичких смерница за развој, примену и употребу поуздане и одговорне вештачке интелигенције // Службени гласник РС. 2023. № 23 (Закључение Правительства Сербии о принятии Этических руководящих принципов разработки, внедрения и использования надежного и ответственного искусственного интеллекта // Официјални вестник Републике Србије. 2023. № 23).

безопасности³⁶³. При этом следует учитывать, что последний закрепляет меры по защите от угроз безопасности в информационно-коммуникационных системах, т.е. информационную безопасность, которая подразумевает защиту данных, обрабатываемых посредством систем ИКТ, что является недостаточным регулированием в сфере искусственного интеллекта.

На уровне Европейского Союза принят специальный Закон об искусственном интеллекте (*AI Act*)³⁶⁴, который базируется на риск-ориентированном подходе, что особенно важно для сферы энергетики, подразумевающей использование систем искусственного интеллекта высокого риска, включающих в себя определенную «критическую инфраструктуру», такую как вода, газ и электричество. «Критическая инфраструктура» в Регламенте используется в смысле, предусмотренном Директивой 2022/2557 – как средство, объект, оборудование, сеть или система или часть средства, объекта, оборудования, сети или системы, которые необходимы для обеспечения базовых (самых важных) услуг³⁶⁵. Системы искусственного интеллекта с высоким уровнем риска должны будут соответствовать строгим требованиям, включая системы снижения рисков, высококачественные наборы данных, ведение записи активности, подробную документацию, четкую пользовательскую информацию, человеческий контроль, а также высокий уровень надежности, точности и кибербезопасности.

Интересным является сравнение риска искусственного интеллекта с

³⁶³ См.: Закон о информационој безбедности // Службени гласник РС. 2016. № 6; 2017. № 94; 2019. № 77 (Сербский Закон об информационной безопасности // Официальный вестник Республики Сербии. 2016. № 6. 2017. № 94. 2019. № 77).

³⁶⁴ См.: Regulation EU 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonized rules on artificial intelligence and amending Regulations (EC) № 300/2008, (EU) № 167/2013, (EU) № 168/2013, (EU) 2018/858, (EU) 2018/1139 and (EU) 2019/2144 and Directives 2014/90/EU, (EU) 2016/797 and (EU) 2020/1828 (Artificial Intelligence Act).

³⁶⁵ Directive (EU) 2022/2557 of the European Parliament and of the Council of 14 December 2022 on the resilience of critical entities and repealing Council Directive 2008/114/EC. Art. 2(1)(4).

экзистенциальными рисками и рисками безопасности, существующими в сфере атомной энергетики, а также предложения подвергнуть искусственный интеллект такому же правовому регулированию, как ядерную энергетику. Так, Сэм Альтман (*Sam Altman*), исполнительный директор и учредитель компании по искусственному интеллекту «*Open AI*», предложил создать федеральное агентство, которое будет выдавать лицензии (разрешения) на создание моделей искусственного интеллекта, которые превышают определенный порог способностей³⁶⁶. Это предложение, по сути, похоже на то, что операторы ядерных установок должны иметь лицензию ядерного регулятора в качестве условия для осуществления соответствующей деятельности. Наряду с заявлением на получение лицензии на осуществление ядерной деятельности, они должны доказать, что технически оснащены для ее осуществления, соблюдают критерии ядерной безопасности и принимают необходимые для этого меры³⁶⁷.

Таким образом, в сферах применения систем искусственного интеллекта высокого риска, таких как электроэнергетика, необходимо учитывать, что недостатки и ошибки в функционировании искусственного интеллекта могут иметь серьезные последствия. Поэтому особенно в этих сферах необходима оценка рисков и подробное регулирование, чтобы предотвратить возникновение рисков и обеспечить безопасность снабжения электроэнергией.

Использование искусственного интеллекта в целом, особенно в сфере энергетики и энергоснабжения, несомненно, имеет ряд преимуществ, особенно если учитывать, что основными целями в энергетике являются

³⁶⁶ Стручњаци позивају да се вештачка интелигенција регулише попут нуклеарне енергије // Политика. 25. октобар 2023. (Эксперты призывают регулировать искусственный интеллект так же, как ядерную энергетику // Политика. 25 октября 2023). URL: <https://www.politika.rs/sr/clanak/580156/Strucnjaci-pozivaju-da-se-vestacka-inteligencija-regulise-poput-nuklearne-energije-ali> (дата обращения: 25.07.2024).

³⁶⁷ См.: Правилник о условима за добијање лиценце за обављање нуклеарне активности // Службени гласник РС. 2011. № 37 (Положение об условиях получения лицензии на ядерную деятельность // Официальный вестник Республики Сербии. 2011. № 37).

энергетическая безопасность, энергетическая эффективность и устойчивость. Искусственный интеллект оказывает положительное влияние на весь процесс энергоснабжения – от производства, передачи и распределения до потребления энергии. Однако необходимо иметь в виду, что существуют и отрицательные стороны, т.е. вызовы и проблемы в применении искусственного интеллекта, которые имеют особое значение, учитывая выраженный публичный интерес в данной области и тот факт, что энергетический сектор принадлежит комплексу национальных стратегических интересов.

Учитывая, что искусственный интеллект – относительно новое явление, развивающееся с большой скоростью, чаще всего наряду с его положительными эффектами возникают вызовы и проблемы, к которым может привести его использование, особенно в так называемой критической инфраструктуре, т.е. в областях и видах деятельности, представляющих общий (публичный) интерес, таких как электроэнергетика и снабжение электрической энергией.

Однако нельзя пренебречь необходимостью наблюдения и обслуживания аппаратного обеспечения (оборудования, машин, сетей), в котором находится искусственный интеллект, а также важность человеческого фактора, из-за чего и рассматривается вопрос ответственности за ненадлежащее выполнение договорных обязательств при использовании технологии искусственного интеллекта. Следует помнить, что искусственный интеллект был все-таки создан «естественным интеллектом», поэтому ключевым фактором в развитии и безопасном и надежном использовании искусственного интеллекта является, в конце концов, человек.

Обобщающий вывод

В целях обеспечения баланса интересов договаривающихся сторон, необходимо изменить норму ст. 547 ГК РФ, ограничивающую ответственность энергоснабжающей организации возмещением реального

ущерба. Имея в виду то, что потребитель является более слабой стороной в договоре, для лучшей защиты его интересов необходимо предусмотреть в ГК РФ возможность возмещения упущенной выгоды, несмотря на сложность ее доказывания. Чтобы учесть социально ориентированное правовое регулирование в сфере энергоснабжения и критическую важность сферы энергетики для обеспечения социально-экономической стабильности и благосостояния, целесообразно в ГК РФ предусмотреть обязанность возмещения реального ущерба и упущенной выгоды тех энергоснабжающих организаций, которые в энергоснабжающей деятельности используют искусственный интеллект, позволяющий им предвидеть сбои, перерывы в энергоснабжении и спрогнозировать необходимость ремонта и технического обслуживания.

Несмотря на то, что энергоснабжающая организация как субъект, осуществляющий предпринимательскую деятельность, по общему правилу должна нести ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение договорных обязательств независимо от наличия вины (ч. 3 ст. 401 ГК РФ), ч. 2 ст. 547 ГК РФ ограничивает основания для ее ответственности только случаями наличия вины, что усиливает дисбаланс интересов сторон договора энергоснабжения и защищает энергоснабжающую организацию как более сильную сторону в договорных отношениях. Нарушение баланса интересов становится особенно очевидным, когда абонентом является лицо, осуществляющее предпринимательскую деятельность. В силу этого предлагается исключить данную норму из ГК РФ, создав предпосылки для реализации договорной ответственности энергоснабжающей организации по правилам, предусмотренным ч. 3 ст. 401 ГК РФ, что соответствует принципам равенства и справедливости в предпринимательских отношениях. Хотя существующее правило об ответственности энергоснабжающих организаций только при наличии вины связано с обеспечением их экономической устойчивости и поддержанием социальной роли энергетического сектора России, в силу использования новых технологий и искусственного интеллекта

реалии российской правовой системы должны постепенно меняться в сторону готовности энергоснабжающих организаций к ответственности за нарушение обязательств, если оно не вызвано непреодолимой силой. В сербском праве необходимо предусмотреть специальное правило об ответственности энергоснабжающей организации независимо от наличия ее вины, так как на данный момент существует только общее правило о договорной ответственности должника при наличии его вины.

Хотя расторжение договора является правом стороны в случае нарушения договорных обязательств, из-за «каскадных» отрицательных последствий расторжения энергетических договоров сторонам целесообразным является поиск путей преодоления конфликтов через проведение повторных переговоров и согласование новых условий, а не расторжение договора. Таким образом, целесообразно в ГК РФ предусмотреть положение об обязательном проведении повторных переговоров при возникновении обстоятельств, являющихся основанием для расторжения договора энергоснабжения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное диссертационное исследование позволило выявить ряд теоретических и практических проблем в сфере гражданско-правового регулирования энергоснабжения, разработать возможные пути их решения, сформулировав следующие выводы и предложения.

1. Анализ субъектного состава заключаемых в сфере энергоснабжения договоров, а также обязательств договаривающихся сторон дает основания выделять две договорные модели энергоснабжения. Первая состоит в использовании договора энергоснабжения как базовой модели, отражающей общие правила снабжения энергией и энергетическими ресурсами через присоединенную сеть, и являющегося по своей правовой природе договором купли-продажи, осложненным неотъемлемым дополнительным обязательством по передаче энергии по сети. Вторая заключается в использовании двух договоров, один из которых, в случае непосредственного заключения потребителем договора с сетевой организацией, следует рассматривать как договор возмездного оказания услуг, а другой, заключаемый потребителем с энергоснабжающей организацией, как договор купли-продажи (поставки) энергии.

2. Несмотря на то, что договор энергоснабжения по своей правовой природе является договором купли-продажи и законодательно закрепляется как его разновидность, существенные особенности в каждом элементе данного договора оправдывают его уникальное место в системе гражданско-правовых договоров. Характеристики существенных условий договора, особенно энергии как его объекта, специфические черты по сравнению с «обычным» договором купли-продажи, особенности заключения, изменения и прекращения оправдывают рассмотрение договора энергоснабжения в качестве самостоятельного договора, требующего особого законодательного регулирования.

3. Законодательное регулирование договора энергоснабжения должно охватывать снабжение любым видом энергии и энергетического ресурса (источника энергии), если они подаются через присоединенную сеть. Целесообразно создание единой, базовой модели договора снабжения энергией и энергетическими ресурсами, которое должно быть направлено на унификацию регулирования, приведение подзаконной нормативной правовой базы в соответствие с ГК РФ, решение терминологических проблем, заключающихся в несогласованности терминологии в различных нормативных правовых актах, и на устранение пробелов в законодательстве.

4. Так как Венская конвенция о договорах международной купли-продажи товаров от 1980 г. исключила свое применение к продаже электрической энергии, в договорах международной купли-продажи электрической энергии сторонам рекомендуется выбирать Венскую конвенцию в качестве применимого права, чтобы преодолеть различия в правовом регулировании оборота энергии, существующие в национальных правовых порядках.

5. Качество как условие договора энергоснабжения в подзаконных нормативных правовых актах определено как существенное. Однако в соответствии с ч. 1 ст. 542 ГК РФ качество энергии должно соответствовать требованиям, установленным государственными стандартами и иными обязательными правилами или предусмотренным договором энергоснабжения. Это значит, что даже если их нет в договоре, они определены законодательством, поэтому качество энергии не является существенным, а обычным условием договора энергоснабжения, из-за чего необходимо подзаконную нормативную правовую базу привести в соответствие с ГК РФ.

6. Несмотря на то, что в юридической доктрине договор энергоснабжения как публичный договор считается договором присоединения в том числе из-за высокого уровня стандартизации его условий, его нельзя признать таковым по российскому праву, учитывая нормативно закрепленную

процедуру урегулирования разногласий сторон, включающую направление абонентом протокола разногласий к проекту договора и его заключение гарантирующим поставщиком с учетом согласованных изменений. Возможность направления протокола разногласий не соответствует правилу ч. 1 ст. 428 ГК РФ, по которому в договоре присоединения условия могут быть приняты другой стороной не иначе как путем присоединения к предложенному договору только в целом. Речь должна идти об использовании типового договора, понятие которого целесообразно закрепить в ГК РФ, чтобы провести унификацию регулирования для различных видов энергетических ресурсов. Данный подход в сербском праве реализовать затруднительно ввиду того, что модель договора энергоснабжения с гарантирующим поставщиком не предполагает направление протокола разногласий абонентом, в силу чего он всегда является договором присоединения.

7. В целях обеспечения баланса интересов договаривающихся сторон, необходимо изменить норму ст. 547 ГК РФ, ограничивающую ответственность энергоснабжающей организации возмещением реального ущерба. Имея в виду то, что потребитель является более слабой стороной в договоре, для лучшей защиты его интересов необходимо предусмотреть в ГК РФ возможность возмещения упущенной выгоды, несмотря на сложность доказывания как реального ущерба, так и упущенной выгоды. Чтобы учесть социально ориентированное правовое регулирование в сфере энергоснабжения и критическую важность сферы энергетики для обеспечения социально-экономической стабильности и благосостояния, целесообразно в ГК РФ предусмотреть обязанность возмещения реального ущерба и упущенной выгоды тех энергоснабжающих организаций, которые в энергоснабжающей деятельности используют искусственный интеллект, позволяющий им предвидеть сбои, перерывы в энергоснабжении и спрогнозировать необходимость ремонта и технического обслуживания.

8. Несмотря на то, что энергоснабжающая организация как субъект, осуществляющий предпринимательскую деятельность, по общему правилу

должна нести ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение договорных обязательств независимо от наличия вины (ч. 3 ст. 401 ГК РФ), ч. 2 ст. 547 ГК РФ ограничивает основания для ее ответственности только случаями наличия вины, что усиливает дисбаланс интересов сторон договора энергоснабжения и защищает энергоснабжающую организацию как более сильную сторону в договорных отношениях. Он становится особенно очевидным, когда абонентом является лицо, осуществляющее предпринимательскую деятельность. В силу этого предлагается исключить данную норму из ГК РФ, создав предпосылки для реализации договорной ответственности энергоснабжающей организации по правилам, предусмотренным ч. 3 ст. 401 ГК РФ, что соответствует принципам равенства и справедливости в предпринимательских отношениях. Хотя существующее правило об ответственности энергоснабжающих организаций только при наличии вины связано с обеспечением их экономической устойчивости и поддержанием социальной роли энергетического сектора России, в силу использования новых технологий и искусственного интеллекта реалии российской правовой системы должны постепенно меняться в сторону готовности энергоснабжающих организаций к ответственности за нарушение обязательств, если оно не вызвано непреодолимой силой. В сербском праве необходимо предусмотреть специальное правило об ответственности энергоснабжающей организации независимо от наличия ее вины, так как на данный момент существует только общее правило о договорной ответственности должника при наличии его вины.

9. Хотя расторжение договора является правом стороны в случае нарушения договорных обязательств, из-за «каскадных» отрицательных последствий расторжения энергетических договоров сторонам целесообразным является поиск путей преодоления конфликтов через проведение повторных переговоров и согласование новых условий, а не расторжение договора. Таким образом, целесообразно в ГК РФ предусмотреть положение об обязательном проведении повторных переговоров при

возникновении обстоятельств, являющихся основанием для расторжения договора энергоснабжения.

10. На национальном уровне и в России, и в Сербии необходимо разработать Энергетический кодекс, который бы всесторонне регулировал отношения по снабжению энергией и энергетическими ресурсами. Это позволило бы унифицировать подходы к используемой терминологии, устранить существующие недостатки юридико-технического и концептуального характера. При разработке такого кодекса особое внимание необходимо уделить разработке механизмов обеспечения баланса интересов договаривающихся сторон, имея в виду то, что действующее законодательство и России, и Сербии в большей степени отвечает интересам поставщиков энергии и энергетических ресурсов.

11. Имея в виду выход отношений в сфере энергоснабжения на международный уровень, представляется целесообразным разработать и принять конвенцию, регулиующую международное снабжение энергией и энергетическими ресурсами как инструмент унификации правового регулирования возникающих в этой сфере отношений. Это способствовало бы преодолению различий, существующих в сфере энергоснабжения в различных национальных правовых системах, а также развитию международного энергетического права.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агарков М.М. Подряд. Текст и комментарий к ст. 220–235 Гражданского кодекса. М.: Право и жизнь, 1924. 44 с.
2. Андреев Ю.Н. О некоторых проблемах гражданско-правового регулирования энергоснабжения в России // Энергетическое право: модели и тенденции развития: сборник материалов Международной научно-практической конференции. Белгород: ИД «БелГУ», 2020. С. 136–140.
3. Антић О. Облигационо право. Београд: Универзитет у Београду – Правни факултет, 2011. 450 с. (Антич О. Обязательственное право. Белград: Универзитет в Белграде – Юридический факультет, 2011. 450 с.).
4. Анохин В.С. Договор энергоснабжения: правовое регулирование и практика разрешения споров // Вестник Воронежского государственного университета. (Серия «Право»). 2008. № 1. С. 57–71.
5. Артюх А. Энергоснабжение: надлежащие источники регулирования. 2023. URL: <https://pravo.ru/opinion/249514/> (дата обращения: 21.08.2024).
6. Ачански Т. Појам више силе у грађанском праву. Београд, 1977. 237 с. (Ачански Т. Понятие форс-мажора в гражданском праве. Белград, 1977. 237 с.).
7. Бабић И. Лексикон облигационог права. Б.: Службени гласник, 2008. 471 с. (Бабић И. Лексикон по обязательственному праву. Б.: Службени гласник, 2008. 471 с.).
8. Баязитова А.Г. К вопросу о балансе интересов сторон по договору энергоснабжения при наступлении ответственности за его нарушение // Закон и право. 2022. № 4. С. 69–71.
9. Беликова К.М. Защита прав и интересов присоединяющейся стороны в договорах присоединения (в том числе правовыми актами о защите потребителей) в странах БРИКС // Вестник Волгоградского государственного университета. Юриспруденция. 2014. № 4 (25). С. 68-77.

10. Блинкова Е.В. Гражданско-правовое регулирование снабжения товарами через присоединенную сеть: теоретико-методологические и практические проблемы единства и дифференциации: дис. ... д-ра юрид. наук. Рязань, 2005. 360 с.
11. Богоненко В.А. Гражданско договорные формы энергоснабжения: теоретико-правовой аспект // Вестник Полоцкого государственного университета. 2017. № 5. С. 143–146.
12. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга вторая. Договоры о передаче имущества. М.: Статут, 2000. 780 с.
13. Булатецкий Ю.Е., Рассолов И.М. Торговое (коммерческое) право. М.: Юрайт, 2012. 591 с.
14. Валеева А.В. Гражданско-правовые регуляторы в электроэнергетике // Ученые записки Казанского университета. (Серия «Гуманитарные науки»). 2016. № 2. С. 372–382.
15. Валиев Б.Г. Договор энергоснабжения как одна из сложных конструкций в абонентском договоре // Вопросы российской юстиции. Выпуск № 7. 2020. С. 101-108.
16. Варламова А.Н. Правовое регулирование конкурентных отношений на энергорынках // Энергетическое право: модели и тенденции развития: сборник материалов Международной научно-практической конференции. Белгород: ИД «БелГУ», 2020. С. 25–31.
17. Васильевич М. Торговинско право. Б: Правни факултет Универзитета у Београду, 2016. 591 с. (Васильевич М. Торговое право. Б.: Юридический факультет Белградского университета, 2016. 591 с.).
18. Витрянский В.В. Договор энергоснабжения и структура договорных связей по реализации и приобретению электроэнергии // Хозяйство и право. 2005. № 3. С. 34–49.
19. Вукадиновић Р. Несаобразна испорука и испорука несаобразне робе као услов одговорности продавца у уговору о међународној продаји робе // Право и привреда. 2010. № 4–6. С. 327–341 (Вукадинович Р. Несоответствующая

поставка и поставка несоответствующего товара как условие ответственности продавца в договоре международной купли-продажи товаров // Право и экономика. 2010. № 4–6. С. 327–341).

20. Вујовић Д. Уговор о продаји електричне енергије // Право енергетике: зборник радова / ур. Б. Лепотић Ковачевић. Б.: Универзитет у Београду – Правни факултет, 2005. С. 549-567 (Вуйович Д. Договор купли-продажи электрической энергии // Право энергетики: сборник работ / под науч. ред. Б. Лепотич Ковачевич. Б.: Университет в Белграде – Юридический факультет, 2005. С. 549–567).

21. Габов А.В. Энергетическое право: вопросы становления и развития // Энергетическое право: модели и тенденции развития: сборник материалов Международной научно-практической конференции. Белгород: ИД «БелГУ», 2020. С. 6–15.

22. Габов А.В., Черкесова Л.И. Энергетическая стратегия Российской Федерации как политико–правовой документ в сфере энергетики // Энергетическое право: модели и тенденции развития: сборник материалов Международной научно-практической конференции. Белгород: ИД «БелГУ», 2021. С. 17-34.

23. Габов А.В., Зинковский С.Б., Лизикова М.С. Энергетический переход как фактор влияния на энергетическое законодательство: обзор Международной научно-практической конференции, Москва, Институт государства и права Российской академии наук, 20 июня 2022 г. // RUDN Journal of Law. 2022. Т. 26. № 4. С. 1004-1016.

24. Гаджиев Р.М., Магомедов А.Т., Багандова Э.К. Проблемы и перспективы становления правового государства в России // Современный ученый. 2019. № 6. С. 215–2020.

25. Ганаева Е.Э., Айбазова Ф.У. Способы и средства защиты национальных интересов // Современный ученый. 2019. № 6. С. 200–202.

26. Головкина Д.В. К вопросу о правовой природе энергии как объекта договора энергоснабжения // Вестник Прикамского социального института. 2020. № 1 (85). С. 22–25.
27. Городов О.А., Романова В.В. Рецензия на книгу «Энергетическое право России и Германии: сравнительно-правовое исследование» / под ред. П.Г. Лахно, Ф.Ю. Зеккера. М.: ИГ «Юрист», 2011. 1076 с. // Вестник Санкт-Петербургского университета: Право. 2011. № 2. С. 108–111.
28. Губин Е.П. Предпринимательское право РФ. М.: Норма, 2017. URL: be5.biz/pravo/p041/18.html#1 (дата обращения: 02.08.2024).
29. Дамбаева Е.Ж. Электроэнергия как специфический товар // Известия ИГЭА. 2010. № 2. С. 78–81.
30. Добринский Р.А. Определение сторон договора энергоснабжения и их признаков // Наука и мир. 2019. № 5. С. 117–119.
31. Дробышев П.Ю. и др. Постатейный научно-практический комментарий к ФЗ «Об электроэнергетике» / под общ. ред. В.Ю. Синюгина. М.: Деловой экспресс, 2003. 309 с.
32. Ђорђевић С., Димитријевић М., Стевановић Д., Бојанић С. Нови метод за детекцију догађаја у неинвазивном мониторингу потрошње // Зборник радова са научно – стручног симпозијума «Енергетска ефикасност (ЕНЕФ)» 2015, Бања Лука, 25-26. септембар 2015. С. 132-135. (Джорджевич С., Димитриевич М., Стеванович Д., Боянич С. Новый метод обнаружения событий при неинвазивном мониторинге потребления // Материалы научно-профессионального симпозиума «Энергетическая эффективность (ENEФ)» 2015, Баня-Лука, 25–26 сентября 2015 г. С. 132–135).
33. Ђорђевић Ж., Станковић В. Облигационо право. Б.: Савремена администрација, 1986. 671 с. (Джорджевич Ж., Станкович В. Обязательственное право. Б.: Современная администрация, 1986. 671 с.).
34. Ђорђевић М. Критички осврт на научне расправе о основу уговорне одговорности према одредбама Конвенције УН о уговорима о међународној продаји робе // Harmonius. 2015. С. 28–45 (Джорджевич М. Критический обзор

научных дискуссий об основании договорной ответственности согласно положениям Конвенции о договорах международной продажи товаров // *Harmonius*. 2015. С. 28–45).

35. Ђурђевић М. Коронавирус (COVID-19) и извршење уговора: превентивна реакција српског права и законска средства за заштиту права уговорних страна у случају спора // *Усклађивање пословног права Србије са правом Европске уније (2020)* / ур. Вук Радовић. Београд: Универзитет у Београду – Правни факултет, 2020. С. 457-475 (Ђурджевич М. Коронавирус (COVID-19) и исполнение договора: превентивная реакция сербского права и законодательные средства защиты прав договаривающихся сторон в случае возникновения спора // *Приведение сербского делового права в соответствие с правом Европейского Союза: сборник работ* / отв. ред. Вук Радович. Белград: Универзитет в Белграде – Юридически факултет, 2020. С. 457–475).

36. Евтихийев М.М. Гражданско-правовой договор электроснабжения как основное правовое средство в механизме правового регулирования энергоснабжения граждан // *Аграрное и земельное право*. 2023. № 3. С. 100–103.

37. Еникеева А.И. Существенные условия в договоре энергоснабжения // *Science Time*. 2015. № 9. С. 95-101.

38. Жанэ А.Д. Субъектный состав договора энергоснабжения // *ЭЖ-Юрист*. 2003. № 2. С. 11–12.

39. Зайцев В.В. Актуальные проблемы повышения эффективности гражданско-правового регулирования отношений по обеспечению договорных обязательств: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. 43 с.

40. Зайцев О.В. Правовой статус субъектов как элемент предмета гражданско-правового регулирования // *Юридическая наука*. 2016. № 4. С. 46–50.

41. Згонников А.П. Некоторые актуальные вопросы развития энергетического права в РФ // *Энергетическое право: модели и тенденции*

развития: сборник материалов Международной научно-практической конференции. Белгород: ИД «БелГУ», 2020. С. 101–105.

42. Зражевская К.П., Анисимов А.В. Об особенностях договора энергоснабжения // Контентус. 2010. № 10. С. 34–39.

43. Јовановић Н., Радовић В., Радовић М. Трговинско право. Б.: Правни факултет Универзитета у Београду, 2023. 772 С. (Јованович Н., Радович В., Радович М. Торговое право. Б.: Юридический факультет Белградского университета, 2023. 772 с.).

44. Јовановић Н. Општи основ уговорне одговорности у српском праву // Право и привреда. 2020. № 1. С. 40–63 (Јованович Н. Общее основание договорной ответственности в сербском праве // Право и экономика. 2020. № 1. С. 40–63).

45. Јовановић Н. Уџбеник из трговинског права. Београд: Досије студио, 2024. 570 с. (Јованович Н. Учебник по торговому праву. Белград: Досие студио, 2024. 570 с.).

46. Камышанский В.П., Шеховцова А.С., Мантул Г.А. Правовое регулирование энергоснабжения. Краснодар: КубГАУ, 2019. 106 с.

47. Капор В., Царић С. Уговори робног промета. Б.: Научна књига, 1990. 650 с. (Капор В., Царич С. Договоры товарооборота. Б.: Научная книга, 1990. 650 с.).

48. Караникић Мирић М. Објективна одговорност за штету. Б.: Универзитет у Београду – Правни факултет, 2013. 256 с. (Караникич Мирич М. Объективная ответственность за ущерб. Б.: Университет в Белграде – Юридический факультет, 2013. 256 с.).

49. Касаева З.Т., Джикаева Ф.З., Лолаева А.С. Гражданско-правовая конструкция договора энергоснабжения: материалы VII Международной научно-практической конференции. М.: КДУ, Добросвет, 2021. С. 166–175.

50. Кнежевић Г., Павић В. Арбитража и АДР. Б.: Универзитет у Београду – Правни факултет, 2013. 292 с. (Кнежевич Г., Павич В. Арбитраж и АДР. Б.: Университет в Белграде – Юридический факультет, 2013. 292 с.).

51. Ковачевић А. Трговина енергијом // Право енергетике: зборник радова. Београд: Правни факултет Универзитета у Београду, 2005. С. 589-602 (Ковачевич А. Торговля энергией // Право энергетике: сборник работ. Белград: Юридический факультет Университета в Белграде, 2005. С. 589–602).
52. Корнеев С.М. Юридическая природа договора энергоснабжения // Закон. 1995. № 7. С. 21–29.
53. Корнеев С.М. Договор о снабжении электроэнергией между социалистическими организациями. М.: Госюриздат, 1956. 107 с.
54. Коровин Е.С. Регламентация понятия «электрическая энергия (мощность)» в актах международного права и решениях международных судебных инстанций // Право и политика. 2023. № 3. С. 13–23.
55. Лапач В.А. Система объектов гражданских прав. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. 542 с.
56. Лахно П.Г., Зеккер Ф.Ю. Энергетическое право России и Германии: сравнительно-правовое исследование. М.: Юрист, 2011. 1076 с.
57. Лепотић Ковачевић Б. Појам права енергетике // Право енергетике: зборник радова / ур. Б. Лепотић Ковачевић. Београд: Универзитет у Београду – Правни факултет, 2005. С. 395-404 (Лепотич Ковачевич Б. Понятие права энергетике // Право энергетике: сборник работ / под науч. ред. Б. Лепотич Ковачевич. Белград: Университет в Белграде – Юридический факультет, 2005. С. 395–404).
58. Лепотић Ковачевић Б. Појмови и принципи права енергетике // Право енергетике: зборник радова / ур. Б. Лепотић Ковачевић. Београд: Универзитет у Београду – Правни факултет, 2005. С. 421-442 (Лепотич Ковачевич Б. Понятия и принципы права энергетике // Право энергетике: сборник работ. Б.: Университет в Белграде – Юридический факультет, 2005. С. 421–442).
59. Лепотић Ковачевић Б. Увод у право енергетике // Право енергетике: зборник радова / ур. Б. Лепотић Ковачевић. Београд: Универзитет у Београду – Правни факултет, 2005. С. 389-393 (Лепотич Ковачевич Б. Введение в право энергетике // Право энергетике: сборник работ / под науч. ред. Б. Лепотич

Ковачевич. Б.: Университет в Белграде – Юридический факультет, 2005. С. 389–393).

60. Лукьянцева И.А. Правовая природа электроэнергии как объекта гражданских прав // Журнал российского права. 2008. № 3. С. 53–61.

61. Лукьянцева И.А. Договор энергоснабжения: теория, законодательство и правоприменительная практика: дис. канд. юрид. наук. Краснодар: КубГАУ, 2009. 212 с.

62. Макарова Л.А., Невзгодина Е.Л. Тепловая энергия как объект гражданских прав // Вестник Омского университета (Серия «Право»). 2020. № 2. С. 58–67.

63. Максарова Р.И. Особенности договора энергоснабжения и договора купли-продажи (поставки) электрической энергии (мощности) // Современная цивилистика: научно-практический журнал. 2019. № 2. С. 5–8.

64. Маленица А. Поделе ствари и појам «ствар» у римској правној доктрини // Зборник радова Правног факултета Универзитета у Новом Саду. 2006. № 1. С. 19–51 (Маленица А. Разделение вещей и понятие «вещи» в римской правовой доктрине // Сборник работ Юридического факультета Университета в Новом Саде. 2006. № 1. С. 19–51).

65. Матиящук С.В. Электрическая энергия и мощность как особые объекты гражданского оборота: вопросы теории и практики // Журнал российского права. 2008. № 12. С. 94–99.

66. Михалев Д.Н. Система договоров в сфере электроэнергетики // Вестник Волгоградского государственного университета. Юриспруденция. 2011. № 2(15). С. 238–244.

67. Мишковић М. Ослобођење од уговорне одговорности у руском праву // Увод у право Русије (ур. Мрвић Петровић Н., Кршљанин Н., Зиројевић М). Б.: Институт за упоредно право, Правни факултет Универзитета у Београду, 2017. С. 315-328 (Мишкович М. Освобождение от договорной ответственности в российском праве // Введение в право России (отв. ред. Мрвич Петрович Н.,

Кршлянин Н., Зироевич М.). Б.: Институт сравнительного правоведения, Юридический факультет Университета в Белграде, 2017. С. 315–328).

68. Мишкович М. Являются ли разные виды энергии товаром? // Сборник материалов I Международной научно-практической конференции «Энергетическое право: модели и тенденции развития» (г. Белгород, 4–5 октября 2019 г.) / отв. ред. А.В. Габов. Белгород: ИД «БелГУ», 2020. С. 228–233.

69. Мишкович М. К вопросу о применении Венской конвенции о договорах международной купли-продажи товаров к продаже электрической энергии // Власть закона. 2024. № 1. С. 302–312.

70. Мишковић М. Употреба вештачке интелигенције у процесу дигитализације снабдевања електричном енергијом // Интернет дијалог 2024: зборник радова са X конференције «Интернет дијалог» (Београд, 8-9. април 2024.) / ур. Д. Поповић. Београд: Универзитет у Београду – Правни факултет, 2024. С. 259-278 (Мишкович М. Использование искусственного интеллекта в процессе цифровизации снабжения электрической энергией // Интернет-диалог 2024: сборник материалов X конференции «Интернет-диалог» (г. Белград, 8–9 апреля 2024 г.) / под науч. ред. Д. Поповича. Белград: Университет в Белграде – Юридический факультет, 2024. С. 259–278).

71. Мишкович М. Электрическая энергия как услуга // Образование и право. 2024. № 2. С. 303–305.

72. Мишкович М. Существенное изменение обстоятельств в договорах международной купли-продажи нефти и газа // Государственная служба. 2022. № 4. С. 35–41.

73. Мишкович М. Акты государственных органов как форс-мажор в договорах международной купли продажи нефти и газа // Государственная служба. 2023. № 4. С. 110–118.

74. Мршић П., Лекић Ђ., Зельковић Ч. Демонстрација употребе локатора кварова у дистрибутивној мрежи // Зборник радова са научно – стручног симпозијума «Енергетска ефикасност (ЕНЕФ)». Бања Лука, 25-26. септембар

2015. С. 52-57 (Мршич П., Лекич Дж., Зелькович Ч. Демонстрация использования локатора неисправностей в распределительной сети // Сборник работ научно-профессионального симпозиума «Энергетическая эффективность (ЕНЕФ)». Баня-Лука, 25–26 сентября 2015. С. 52–57).
75. Мурзин Д.В. Ценные бумаги – бестелесные вещи: Правовые проблемы современной теории ценных бумаг. М.: Статут, 1998. 171 с.
76. Нестолий В.Г. Договор энергоснабжения – самостоятельный институт гражданского права // Сибирский юридический вестник. 2003. № 3. С. 42–45.
77. Осипчук Е.Л. Договор энергоснабжения в системе договорных отношений на рынке электрической энергии России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 38 с.
78. Перовић С. Облигационо право. Б.: Привредна штампа, 1990. 800 с. (Перович С. Обязательственное право. Б.: Привредна штампа, 1990. 800 с.).
79. Прља Д., Гасми Г., Кораћ В. Људска права и вештачка интелигенција. Београд.: Институт за упоредно право, 2022. 170 с. (Прля Д., Гасми Г., Корач В. Права человека и искусственный интеллект. Белград: Институт сравнительного правоведения, 2022. 170 с.).
80. Радишић Ј. Облигационо право. Ниш: Правни факултет Универзитета у Нишу, 2018. 461 с. (Радишич Я. Обязательственное право. Ниш: Юридический факультет Университета в Нише, 2018. 461 с.).
81. Радовић М. Трговинскоправни послови de lege lata и de lege ferenda. Б.: Универзитет у Београду – Правни факултет, 2022. 175 с. (Радович М. Торговые сделки de lege lata и de lege ferenda. Б.: Университет в Белграде – Юридический факультет, 2022. 175 с.).
82. Романова В.В. Энергетическое право. М.: Юрист, 2021. 286 с.
83. Сабирова Т.Р. К вопросу об определении места договора энергоснабжения в системе гражданско-правовых договоров // Право и государство: теория и практика. 2018. № 2 (158). С. 36-39.

84. Сабирова Т.Р. Договор энергоснабжения в системе гражданско-правовых договоров // Право и государство: теория и практика. 2011. № 4. С. 142–146.
85. Сабирова Т.Р. Договор энергоснабжения в системе гражданско-правовых договоров: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2013. 25 с.
86. Саватье Р. Теория обязательства. Юридический и экономический очерк. М.: Прогресс, 1972. 440 с.
87. Салиева Р.Н. Виды экономических (хозяйственных) отношений в энергетическом секторе экономики, относящиеся к предмету правового регулирования // *Oeconomia et Jus = Экономика и право*. 2017. № 2. С. 51–58.
88. Свирков С.А. Договорные обязательства в электроэнергетике. М.: Статут, 2006. 253 с.
89. Свирков С.А. Структура договорных связей по снабжению электрической энергией: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 32 с.
90. Сейнароев Б.М. Правовые вопросы договора на снабжение электроэнергией предприятий и организаций. Алма-Ата, 1975. 120 с.
91. Сейнароев Б.М. Правовое регулирование снабжения электроэнергией социалистических предприятий и организаций: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1971. 267 с.
92. Символоков О.А. Развитие договорных отношений в электроэнергетике // Журнал российского права. 2017. № 10. С. 49–60.
93. Скловский К.И. Собственность в гражданском праве. М.: Акад. нар. хоз-ва при Правительстве РФ: Дело, 2000. 510 с.
94. Станковић О., Орлић М. Стварно право. Б.: Номос, 1999. 375 с. (Станкович О., Орлич М. Вещное право. Б.: Номос, 1999. 375 с.).
95. Тебенькова С.А. Электрическая энергия как объект гражданских прав. Экономика и право. 2013. № 4. С. 185–189.
96. Тонков Е.Е. Энергетическое право как комплексная отрасль российского законодательства // Энергетическое право: модели и тенденции развития:

сборник материалов Международной научно-практической конференции. Белгород: ИД «БелГУ», 2020. С. 16–20.

97. Тютрюмов И.М. Гражданское право. Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1922. 542 с.

98. Фишич В.А. Концепции форс-мажора и затруднений (*hardship*): сравнительный анализ // Юридическая наука. 2022. № 8. С. 82–87.

99. Хабидулина Е. Финская Gasum расторгла контракт на поставку газа по трубопроводу с «Газпромом». 2023. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/489680-finskaa-gasum-rastorgla-kontrakt-na-postavku-gaza-po-truboprovodu-s-gazpromom> (дата обращения: 14.08.2023).

100. Хальясмаа К.И., Хальясмаа А.И., Сыманюк Н.В. Правовое регулирование искусственного интеллекта в электроэнергетике. Российская и мировая практики // Синергия наук. 2023. № 85. URL: <http://synergy-journal.ru/archive/article7611>. С. 193–200.

101. Хубана Т. Локатор квара у електроенергетском систему на основу мерења параметара квалитете електричне енергије. Сарајево, 2015 // URL: https://www.researchgate.net/profile/Tarik-Hubana/publication/320612147_Lokator_kvara_u_elektroenergetskom_sistemu_na_osnovu_mjerenja_parametara_kvalitete_elektricne_energije/links/59f04175458515c3cc4380e1/Lokator-kvara-u-elektroenergetskom-sistemu-na-osnovu-mjerenja-parametara-kvalitete-elektricne-energije.pdf. 63 с. (Хубана Т. Локатор неисправности в электроэнергетической системе на основе измерения параметров качества электроэнергии. Сараево, 2015 // URL: https://www.researchgate.net/profile/Tarik-Hubana/publication/320612147_Lokator_kvara_u_elektroenergetskom_sistemu_na_osnovu_mjerenja_parametara_kvalitete_elektricne_energije/links/59f04175458515c3cc4380e1/Lokator-kvara-u-elektroenergetskom-sistemu-na-osnovu-mjerenja-parametara-kvalitete-elektricne-energije.pdf. 63 с.).

102. Шафир А.М. Энергоснабжение предприятий: правовые вопросы. М.: Юрид. лит., 1990. 142 с.

103. Шафир А.М. Понятие и система договоров на снабжение через присоединенную сеть // Журнал российского права. 2019. № 1. С. 47–54.
104. Шевченко Л.И. Договорные отношения в сфере энергетики. М.: МГИМО-Университет, 2015. 219 с.
105. Эннекцерус Л. Курс германского гражданского права. М., 1950. Т. 1. Пт. 2. 483 с.
106. Юкша Я.А. Договор энергоснабжения. 2010. URL: <http://yuksha.ru/dogovor-energосnabzheniya> (дата обращения: 21.08.2024).
107. Яковлев В.Ф., Талапина Э.В. Роль публичного и частного права в регулировании экономики // Журнал российского права. 2012. № 2. С. 5–16.
108. Яковлев В.Ф., Лахно П.Г. Энергетическое право как комплексная отрасль права России. Энергетическое право России и Германии: сравнительно-правовое исследование / под ред. П.Г. Лахно, Ф.Ю. Зеккер. М.: ИГ «Юрист», 2011. С. 1076.
109. Якшић А. Квалификација уговорне и вануговорне одговорности за штету // Правни живот. 1992. № 9–10. С. 1210–1224 (Якшич А. Квалификация договорной и внедоговорной ответственности за ущерб // Правовая жизнь. 1992. № 9–10. С. 1210–1224).
110. Јанковец И. Привредно право. Б.: Службени преглед, 1996. 687 с. (Јанковец И. Хозяйственное право. Б.: Службени преглед, 1996. 687 с.).
111. Јанковец И. Уговорна одговорност. Б.: Пословна политика, 1993. 422 с. (Јанковец И. Договорная ответственность. Б.: Деловая политика, 1993. 422 с.).
112. A gLAWcal comment. Electricity: a good or a service? based on: Boklan D., Belova O. Trade in Electricity under WTO and EAEU law: Compatibility of Two Legal Regimes // The Journal of World Energy Law & Business. 2020. URL: [https://assets-global.website-files.com/588d870bd7a2e7e17e54a2a7/61d28e743226d46c9405d662_gLAWcal%20comment%20\(2020.1.5\).pdf](https://assets-global.website-files.com/588d870bd7a2e7e17e54a2a7/61d28e743226d46c9405d662_gLAWcal%20comment%20(2020.1.5).pdf) (дата обращения: 25.02.2024).
113. Abner S.L. Bankruptcy, Professional Perspective – Electricity as ‘Good’ or a ‘Service’ under Section 503(b)(9) // Bloomberglaw. March 2003. URL:

<https://www.bloomberglaw.com/external/document/X7GSQBPO000000/bankruptcy-professional-perspective-electricity-as-good-or-a-ser> (дата обращения: 25.02.2024).

114. Al-Emadi. T.A.A.Q. The Hardship and Force Majeure Clauses in International Petroleum Joint Venture Agreements // Oxford Student Legal Research Paper Series. 2011. № 2. P. 1–16.

115. Anderson R.A., Fox I., Twomey D.P. Business Law. C.: South-Western Publishing Co, 1987. 1139 p.

116. Andersen C. B., Mazzotta F. G., Zeller B. A Practitioner's Guide to the CISG. H, NY.: Juris Net, 2010. 1022 p.

117. Barysheva N. Force Majeure in Energy Arbitration: Predicting the Unpredictable // International Commercial Arbitration Review. 2018. № 2. P. 67–85.

118. Berger K.P. Renegotiation and Adaptation of International Investment Contracts: The Role of Contract Drafters and Arbitrators // Vanderbilt Journal of Transnational Law. 2003. № 36. P. 1347–1380.

119. Berger K.P., Behn D. Force Majeure and Hardship in the Age of Corona: A Historical and Comparative Study // McGill Journal of Dispute Resolution. 2019–2020. № 4. P. 78–130.

120. Brunner C. Force Majeure and Hardship under General Contract Principles. The Netherlands: Kluwer Law International, 2009. 589 p.

121. Chui K.T., Lytras M.D., Visvizi A. Energy Sustainability in Smart Cities: Artificial Intelligence, Smart Monitoring, and Optimization of Energy Consumption // Energies. 2018. Nr. 11. P. 1–20.

122. Cook S. V. Practical considerations in opting-in (or not) the CISG // Journal of Law and Commerce. 2019–2020. № 38. P. 113–122.

123. Cox T. Chaos versus Uniformity: The Divergent Views of Software in the International Community // Vindobona Journal of International Commercial Law and Arbitration. 2000. Nr. 4. P. 3–29.

124. Davis P. Renegotiating Long-Term Energy Supply Contracts with Japanese Buyers // *J.Japan.L.* 2014. № 38. P. 29–36.
125. Diedrich F. Maintaining Uniformity in International Uniform Law via Autonomous Interpretation: Software Contracts and the CISG // *Pace International Law Review.* 1996. № 2. P. 303–338.
126. Enderlein F., Mascow D. *International Sales Law.* Oceana Publications, 1992. 480 p.
127. Ferrari F. What Sources of Law for Contracts for the International Sale of Goods? Why One Has to Look Beyond the CISG // *International Review of Law and Economics.* 2005. № 25. P. 314–341.
128. Ferrari F. Specific Topics of the CISG in the Light of Judicial Application and Scholarly Writing. *Journal of Law and Commerce.* 1995. № 15. P. 81–175.
129. Ferrario P. *The Adaptation of Long-Term Gas Sale Agreements by Arbitrators.* Kluwer Law International, 2017. 240 p.
130. Forester T., Morrison P. *Computer Ethics: Cautionary Tales and Ethical Dilemmas in Computing.* M.: Massachusetts Institute of Technology Press, 1994. 193 p.
131. Fucci F.R. Hardship and Changed Circumstances as Excuse for Non-Performance of Contracts – Practical Considerations in International Infrastructure Investment and Finance // *Oil, Gas and Energy Law Intelligence.* 2007. № 2. P. 1–43.
132. Garro A.M. Force Majeure and CISG Article 79: Competing Approaches and Some Drafting Advice // *Drafting Contracts under the CISG* (eds. Harry M. Flechtner, Ronald A. Brand, Mark S. Walter). Oxford University Press, 2007. P. 379–382.
133. Gillis A.S., McFarlane R. What is an uninterruptible power supply (UPS)? 2024. URL: <https://www.techtargget.com/searchdatacenter/definition/uninterruptible-power-supply> (дата обращения: 13.08.2024).

134. Guo P. *Good Faith in Long-Term Relational Supply Contracts in the Context of Hardship from a Comparative Perspective*. Melbourne: Springer, 2021. 201 p.
135. Güngör V.C., Sahin D., Kocak T., Ergut S. *Smart Grid Technologies: Communication Technologies and Standards // IEEE Transactions on Industrial Informatics*. 2011. Vol. 7. Nr. 4. P. 529–539.
136. Hachem P. *Article 2 CISG: Sales excluded from Convention's scope // Commentary on the UN Convention on the International Sale of Goods (CISG)* (eds. Schwenger I., Schroeter U. G.). Oxford: Oxford University Press, 2022. 2144 p.
137. Heffron P.J. *Energy Law: An Introduction*. Springer, 2021. 124 p. In English.
138. Honnold J.O. *Uniform Law for International Sales under the 1980 United Nations Convention*. The Hague: Kluwer Law International, 1999. 760 p.
139. Ishida Y. *Article 79: Exemption of performance, and adaptation of contract through interpretation of reasonableness – full of sound and fury, but signifying something // Pace International Law Review*. 2018. Vol. 30. P. 331-382. In English.
140. Kafle Y.R., Mahmud K., Morsalin S., Town G.E, *Towards an Internet of Energy // IEEE International Conference on Power System Technology*. 2016. URL: https://www.researchgate.net/profile/Yuba-Kafle/publication/311251136_Towards_an_internet_of_energy/links/5bb5fd0992851ca9ed3812fb/Towards-an-internet-of-energy.pdf. P. 1–6.
141. Khoo W. *Article 2-5 CISG // Commentary on the International Sales Law* (eds. Bianca C. M., Bonell M. J.). Milan: Giuffrè, 1987. P. 34–50.
142. Klass A.B., Wiseman H.J. *Energy Law*. Foundation Press, 2020. 285 p.
143. Kozlova M., Collan M., Overland I. *Russian renewable energy: regulations and outcomes // Routledge Handbook of Energy Law / eds. T. Soliman Hunter, I. Herrera Anchustegui, P. Crossley, G.M. Alvarez*. New York: Routledge, 2020. P. 201–217.
144. Kröll S., Mistelis L., Viscasillas P.P. *UN Convention on Contracts for the International Sale of Goods (CISG) – A Commentary*. München: C. H. Beck, Hart, Nomos, 2018. 1254 p.

145. Loewe R. The Sphere of Application of the UN Sales Convention (Presentation at the 1997 Willem C. Vis International Commercial Arbitration Moot on the CISG) // *Pace International Law Review*. 1998. № 1. P. 79–88.
146. Lookofsky J. Loose Ends and Contorts in International Sales: Problem in the Harmonization of Private Law Rules // *American Journal of Comparative Law*. 1991. № 39. P. 403–416.
147. Lookofsky J. M. The 1980 United Nations Convention on Contracts for the International Sale of Goods // *International Encyclopedia of Laws – Contracts* (eds. Herborts J., Blanpain R.). H.: Kluwer Law International, 2000. P. 1–156.
148. Maley K. The Limits to the Conformity of Goods in the United Nations Convention on Contracts for the International Sale of Goods // *International Trade and Business Law Review*. 2009. № 12. P. 82–126.
149. Maloo A.H. Is electricity a good or service? URL: <http://docs.manupatra.in/newsline/articles/Upload/988674F7-21FB-439C-8A9F-57607D2B1D92.pdf> (дата обращения: 09.01.2024).
150. Mascow D. Hardship and Force Majeure // *American Journal of Comparative Law*. 1992. № 40. P. 657–669.
151. Miceli R. Energy Management and Smart Grids // *Energies*. 2013. № 6. P. 2262–2290.
152. Moysidou A.E. Changed Circumstances in Oil and Gas Contracts: master thesis. Athens: University of Piraeus, 2021. 70 p.
153. Nordtveit E. International energy law in perspective: the relationship between national and international energy law // *Routledge Handbook of Energy Law* / eds. T. Soliman Hunter, I. Herrera Anchustegui, P. Crossley, G.M. Alvarez. New York: Routledge, 2020. P. 42–57.
154. Poikela T. Conformity of Goods in the 1980 United Nations Convention on Contracts for the International Sale of Goods // *Nordic Journal of Commercial Law*. 2003. № 1. P. 1–68.
155. Ramsey S.G. Does Electricity Supplied Within 20 Days of a Bankruptcy Qualify for Section 503(b)(9) Priority Status? Recent Decisions Say «No». 7 June

2023. URL: https://www.nelsonmullins.com/idea_exchange/blogs/red-zone/bankruptcy-101/does-electricity-supplied-within-20-days-of-a-bankruptcy-qualify-for-section-503-b-9-priority-status-recent-decisions-say-no (дата обращения: 25.02.2024).
156. Réczei L. The Rules of the Convention Relating to its Field of Application and to its Interpretation // Working papers submitted to the Colloquium of the International Association of the Legal Science. New York: Oceana Publications, 1980. P. 53–103.
157. Reiley E.H. International Sales Contracts. The UN Convention and Related Transnational Law. Durham: Carolina Academic Press, 2008. 490 p.
158. Robertson D., Secomb M., Elliott E. COVID-19: Managing force majeure risk in a construction project supply chain. 2020. URL: <https://www.whitecase.com/publications/alert/covid-19-managing-force-majeure-risk-construction-project-supply-chain> (дата обращения: 14.08.2023).
159. Saidov Dj., Green S. Software as Goods // Journal of Business Law. 2007. Vol. 2. P. 161–181.
160. Schlechtriem P. Uniform Sales Law – The UN-Convention on Contracts for the International Sale of Goods. Vienna: Manz, 1986. 120 p.
161. Schlechtriem P. Requirements of Application and Sphere of Applicability of the CISG // Victoria University of Wellington Law Review. 2005. № 4. P. 781–794.
162. Schlechtriem P. Article 1 // Commentary on the UN Convention on the International Sale of Goods (CISG) (eds. Schlechtriem P., Schwenger I.). NY.: Oxford University Press, 2010. 1480 p.
163. Schwenger I. Force Majeure and Hardship in International Sales Contracts // Victoria University of Wellington Law Review. 2009. № 39. P. 709–725.
164. Schmitthoff C.M. Hardship and intervener clauses // Journal of Business Law. 1980. P. 82–91.
165. Tür M.P. Energy Supply Security and Artificial Intelligence Applications. Insight Turkey. 2022. Vol. 24. № 3. P. 213–233.

166. Van den Berg A.J. (ed.). *Yearbook Commercial Arbitration*. The Hague: Kluwer Law International, 2000. Vol. 25. 1344 p.
167. Walker C. de V. Трговина електричном енергијом на нерегулисаном тржишту // *Право енергетике: зборник радова / ур. Б. Лепотић Ковачевић*. Б.: Универзитет у Београду – Правни факултет, 2005. С. 605-623 (Walker C. de V. Торговля электроэнергией на нерегулируемом рынке // *Право энергетике: сборник работ / под науч. ред. Б. Лепотич Ковачевич*. Б.: Универзитет в Белграде – Юридический факультет, 2005. С. 605–623).
168. Wei N., Li C., Peng X., Zeng F., Lu X. Conventional models and artificial intelligence-based models for energy consumption forecasting: A review // *Journal of Petroleum Science and Engineering*. 2019. Nr. 181. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S092041051930600X> (дата обращения: 20.07.2024). P. 1–22.
169. Yongping X., Weidi L. Selected Topics on the Application of the CISG in China // *Pace International Law Review*. 2008. Vol. 20. № 1. P. 75. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/46711689.pdf> (дата обращения: 15.09.2024). P. 61–103.
170. Zaccaria E.C. The Effects of Changed Circumstances in International Commercial Trade // *International Trade and Business Law Review*. 2004. № 6. P. 135–182.
171. Zheng J., Lin L., Gao D.W. Smart Meters in Smart Grid: An Overview // *IEEE Green Technologies Conference*. 2013. P. 57–64.
172. Ziegel J. S., Samson C. Report to the Uniform Law Conference of Canada on Convention on Contracts for the International Sale of Goods. 1981. URL: https://iicl.law.pace.edu/sites/default/files/bibliography/english2_0.pdf (дата обращения: 8.01.2024).

СПИСОК НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ

Международные договоры

173. Конвенция ООН о договорах международной купли–продажи товаров от 11.04.1980 // Вестник ВАС РФ.1994. № 1.
174. Гагская конвенция о единообразном законе о международной купле-продаже товаров от 01.07.1964 // Регистр текстов международных конвенций и других документов, касающихся права международной торговли. Т. I.- Нью-Йорк: Организация Объединенных Наций, 1971. С. 75 - 84.
175. Regulation EU 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonized rules on artificial intelligence and amending Regulations (EC) № 300/2008, (EU) № 167/2013, (EU) № 168/2013, (EU) 2018/858, (EU) 2018/1139 and (EU) 2019/2144 and Directives 2014/90/EU, (EU) 2016/797 and (EU) 2020/1828 (*Artificial Intelligence Act*).
176. Directive (EU) 2022/2557 of the European Parliament and of the Council of 14 December 2022 on the resilience of critical entities and repealing Council Directive 2008/114/EC.

Российское законодательство

177. Гражданский кодекс Российской Федерации: часть первая от 30.11.1994 № 51-ФЗ; часть вторая от 26.01.1996 № 14-ФЗ; часть третья от 26.11.2001 № 146-ФЗ; часть четвертая от 18.12.2006 № 230-ФЗ [Электронный ресурс] // URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 09.08.2025)
178. Федеральный закон от 03.11.2015 № 307-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с укреплением платежной дисциплины потребителей энергетических ресурсов» // Собрание законодательства РФ. 2015. № 45. Ст. 6208.
179. Федеральный закон от 27.07.2010 № 190-ФЗ «О теплоснабжении» (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. 2010. № 31. Ст. 4159.

180. Федеральный закон от 23.11.2009 № 261-ФЗ «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 23.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 2009. № 48. Ст. 5711.
181. Федеральный закон от 26.03.2003 № 35-ФЗ «Об электроэнергетике» (ред. от 25.10.2024) // Собрание законодательства РФ. 2003. № 13. Ст. 1177.
182. Федеральный закон от 31.03.1999 № 69-ФЗ «О газоснабжении в Российской Федерации» (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. 1999. № 14. Ст. 1667.
183. Федеральный закон от 07.12.2011 № 416-ФЗ «О водоснабжении и водоотведении» 416-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. 2011.
184. Указ Президента Российской Федерации от 31.03.2022 № 172 (ред. от 25.06.2025) «О специальном порядке исполнения иностранными покупателями обязательств перед российскими поставщиками природного газа» // Собрание законодательства РФ. 2024. № 14. Ст. 2244.
185. Указ Президента РФ от 13.05.2019 № 216 «Об утверждении Доктрины энергетической безопасности Российской Федерации». Часть II. Вызовы и угрозы энергетической безопасности, риски в области энергетической безопасности // Собрание законодательства РФ. 2019. № 20. Ст. 2421.
186. Постановление Правительства РФ от 30.01.2021 № 86 (ред. от 31.08.2024) «Об утверждении Правил вывода объектов электроэнергетики в ремонт и из эксплуатации, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации по вопросу совершенствования порядка вывода объектов электроэнергетики в ремонт и из эксплуатации» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 6. Ст. 985.
187. Постановление Правительства РФ от 25.11.2016 № 1245 (ред. от 10.04.2020) «О порядке ограничения подачи (поставки) и отбора газа, об изменении и признании утратившими силу некоторых актов Правительства

Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 49. Ст. 6911.

188. Постановление Правительства РФ от 08.08.2012 № 808 (ред. от 17.10.2024) «Об организации теплоснабжения в Российской Федерации и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 34. Ст. 4734.

189. Постановление Правительства РФ от 04.05.2012 № 442 (ред. от 06.08.2024) «О функционировании розничных рынков электрической энергии, полном и (или) частичном ограничении режима потребления электрической энергии» (вместе с «Основными положениями функционирования розничных рынков электрической энергии», «Правилами полного и (или) частичного ограничения режима потребления электрической энергии») // Собрание законодательства РФ. 2012. № 23. Ст. 3008.

190. Постановление Правительства Российской Федерации от 29.12.2011 № 1178 (ред. от 24.07.2024) «О ценообразовании в области регулируемых цен (тарифов) в электроэнергетике» (вместе с «Основами ценообразования в области регулируемых цен (тарифов) в электроэнергетике», «Правилами государственного регулирования (пересмотра, применения) цен (тарифов) в электроэнергетике») (ред. от 20.02.2025) // Собрание законодательства РФ. 2012. № 4. Ст. 504.

191. Постановление Правительства РФ от 27.12.2010 № 1172 (ред. от 07.04.2025) «Об утверждении Правил оптового рынка электрической энергии и мощности и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации по вопросам организации функционирования оптового рынка электрической энергии и мощности» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 14. Ст. 1916.

192. Постановление Правительства РФ от 27.12.2004 № 861 (ред. от ред. от 27.12.2024) «Об утверждении Правил недискриминационного доступа к услугам по передаче электрической энергии и оказания этих услуг, Правил недискриминационного доступа к услугам по оперативно-диспетчерскому

управлению в электроэнергетике и оказания этих услуг, Правил недискриминационного доступа к услугам коммерческого оператора оптового рынка и оказания этих услуг и Правил технологического присоединения энергопринимающих устройств потребителей электрической энергии, объектов по производству электрической энергии, а также объектов электросетевого хозяйства, принадлежащих сетевым организациям и иным лицам, к электрическим сетям» // Собрание законодательства РФ. 2004. № 52 (часть 2). Ст. 5525.

193. Постановление Правительства РФ от 29.05.2002 № 364 (ред. от 24.05.2017) «Об обеспечении устойчивого газо- и энергоснабжения финансируемых за счет средств федерального бюджета организаций, обеспечивающих безопасность государства» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 23. Ст. 2171.

194. Постановление Правительства РФ от 04.04.2000 № 294 (ред. от 21.12.2018) «Об утверждении порядка расчетов за электрическую, тепловую энергию и природный газ» // Собрание законодательства РФ. 2000. № 15. Ст. 1594.

195. Приказ Министерства энергетики Российской Федерации от 12.07.2018 № 548 (ред. от 09.12.2024) «Об утверждении требований к обеспечению надежности электроэнергетических систем, надежности и безопасности объектов электроэнергетики и энергопринимающих установок» // URL: <http://pravo.gov.ru>, 21.08.2018.

Сербское законодательство

196. Закон о облигационим односима. Службени лист СФРЈ. 1978. № 29; 1985. № 39; 1989. № 45, № 57; Службени лист СРЈ. 1993. № 31; Службени лист СЦГ. 2003. № 1; Службени гласник РС. 2020. № 18 (Сербский Закон об обязательственных отношениях // Официальный вестник СФРЮ. 1978. № 29; 1985. № 39; 1989. № 45, № 57; Официальный вестник СРЮ. 1993. № 31;

Официальный вестник СЧГ. 2003. № 1; Официальный вестник РС. 2020. № 18).

197. Закон о енергетици // Службени гласник РС. 2014. № 145; 2018. № 95; 2021. № 40; 2023. № 35; 2023. № 62; 2024. № 94 (Сербский Закон об энергетике // Официальный вестник Республики Сербии. 2014. № 145; 2018. № 95; 2021. № 40; 2023. № 35; 2023. № 62; 2024. № 94).

198. Закон о енергетици // Службени гласник РС. 2004. № 84; 2011. № 57 (Сербский Закон об энергетике // Официальный вестник Республики Сербии. 2004. № 84; 2011. № 57).

199. Закон о неважности правних прописа донетих пре 6. априла 1941. године и за време непријатељске окупације // Службени гласник ФНРЈ. 1946. № 86 (Закон о недействительности правовых актов, принятых до 6 апреля 1941 года и во время вражеской оккупации // Официальный вестник Федеративной Народной Республики Югославии. 1946. № 86).

200. Закон о потврђивању споразума о стабилизацији и придруживању између европских заједница и њихових држава чланица, са једне стране, и Републике Србије, са друге стране // Службени гласник РС – Међународни уговори. 2008. № 83 (Закон о ратификации Соглашения о стабилизации и присоединении между Европейскими сообществами и их государствами-членами, с одной стороны, и Республикой Сербией, с другой стороны. Официальный вестник Республики Сербии – Международные договоры. 2008. № 83).

201. Закон о заштити природе // Службени гласник РС. 2009. № 36; 2010. № 88; 2010. № 91; 2016. № 14; 2018. № 95; 2021. № 71 (Сербский Закон о защите природы // Официальный вестник Республики Сербии. 2009. № 36; 2010. № 88; 2010. № 91; 2016. № 14; 2018. № 95; 2021. № 71).

202. Закон о заштити потрошача // Службени гласник РС. 2021. № 88 (Сербский Закон о защите потребителей // Официальный вестник Республики Сербии. 2021. № 88).
203. Закон о коришћењу обновљивих извора енергије // Службени гласник РС. 2021. № 40; 2023. № 35; 2024. № 94 (Сербский Закон об использовании возобновляемых источников энергии // Официальный вестник Республики Сербии. 2021. № 40; 2023. № 35; 2024. № 94).
204. Закон о ефикасном коришћењу енергије // Службени гласник РС. 2013. № 25 (Сербский Закон об эффективном использовании энергии // Официальный вестник Республики Сербии. 2013. № 25).
205. Закон о енергетској ефикасности и рационалној употреби енергије // Службени гласник РС. 2021. № 40 (Сербский Закон об энергоэффективности и рациональном использовании энергии // Официальный вестник Республики Сербии. 2021. № 40).
206. Закон о заштити корисника финансијских услуга // Службени гласник РС. 2025. № 19 (Сербский Закон о защите пользователей финансовых услуг // Официальный вестник РС. 2025. № 19).
207. Закон о извршењу и обезбеђењу // Службени гласник РС. 2015. № 106; 2016. № 106; 2017. № 113; 2019. № 54; 2020. № 9; 2023. № 10 (Сербский Закон об исполнении и обеспечении // Официальный вестник Республики Сербии. 2015. № 106; 2016. № 106; 2017. № 113; 2019. № 54; 2020. № 9; 2023. № 10).
208. Закон о информационој безбедности // Службени гласник РС. 2016. № 6; 2017. № 94; 2019. № 77 (Сербский Закон об информационной безопасности // Официальный вестник Республики Сербии. 2016. № 6; 2017. № 94; 2019. № 77).
209. Уредба о условима испоруке и снабдевања електричном енергијом // Службени гласник РС. 2023. № 84; 2025. № 58, № 67 (Постановление Правительства Сербии об условиях подачи и снабжения электроэнергией // Официальный вестник Республики Сербии. 2023. № 84; 2025. № 58, № 67).

210. Правила о промени снабдевача // Службени гласник РС. 2015. № 65; 2017. № 10 (Правила об изменении поставщика // Официальный вестник Республики Сербии. 2015. № 65; 2017. № 10).
211. Закључак Владе Србије о усвајању Етичких смерница за развој, примену и употребу поуздане и одговорне вештачке интелигенције // Службени гласник РС. 2023. № 23 (Заключение Правительства Сербии о принятии Этических руководящих принципов разработки, внедрения и использования надежного и ответственного искусственного интеллекта // Официальный вестник Республики Сербии. 2023. № 23).
212. Правилник о условима за добијање лиценце за обављање нуклеарне активности // Службени гласник РС. 2011. № 37 (Положение об условиях получения лицензии на ядерную деятельность // Официальный вестник Республики Сербии. 2011. № 37).
213. Стратегија развоја енергетике Републике Србије до 2025. године са пројекцијама до 2030. године // Службени гласник РС. 2015. № 101 (Стратегия развития энергетики Республики Сербии до 2025 года с прогнозами до 2030 года // Официальный вестник Республики Сербии. 2015. № 101).
214. Стратегија развоја енергетике Републике Србије до 2040. године са пројекцијама до 2050. године // Службени гласник РС. 2024. № 94 (Стратегия развития энергетики Республики Сербии до 2040 года с прогнозами до 2050 года // Официальный вестник Республики Сербии. 2024. № 94).
215. Стратегија развоја вештачке интелигенције у Републици Србији за период 2025–2030. године // Службени гласник РС. 2018. № 30. URL: https://www.srbija.gov.rs/extfile/sr/437304/strategija_razvoja_vestacke_inteligencije261219_2_syr.pdf (Стратегия развития искусственного интеллекта в Сербии на период 2020–2025 гг. // Официальный вестник Республики Сербии. 2018. № 30).

Законодательство иных государств

216. Uniform Commercial Code (Единообразный торговый кодекс США) // URL: <https://www.law.cornell.edu/ucc/2/2-105>.
217. Bankruptcy Code (Кодекс США о банкротстве // URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/11/503>.
218. Bürgerliches Gesetzbuch (Германское гражданское уложение) // URL: https://www.gesetze-im-internet.de/bgb/_90.html.